

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

На правах рукописи

Наволоцкая Ольга Витальевна

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ
«ЛИТЕРАТУРА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ СМИ)

Специальность 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой журналистики
Т.Л. Каминская

Великий Новгород – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА: МЕДИАТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ.....	18
1.1. Медиатекст в политическом медиадискурсе: культурно-ценностное измерение	20
1.1.1 Медиатекст как базовая единица медиадискурса.....	20
1.1.2 Национальная идентичность как организующее начало политического медиадискурса	33
1.2 Роль интертекстуальности в конструировании политического медиадискурса	39
1.2.1 Интертекстуальность: конститутивное свойство политического медиатекста	41
1.2.2 Интертекстуальность и культурная память в медиа	47
1.3 Прецедентика как инструмент реализации интертекстуальности.....	52
1.3.1 Определение прецедентных феноменов	53
1.3.2 Типы прецедентных феноменов	65
ВЫВОДЫ.....	71
ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС В РАМКАХ ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЧНОЙ СТРАТЕГИИ АВТОРОВ КОНТЕНТА.....	73
2.1 Специфика политического медиадискурса и место в нем прецедентных ресурсов культурной памяти.....	73
2.2 Алгоритмы исследования прецедентных феноменов в текстах политического медиадискурса.....	82
2.3 Литературные прецедентные феномены в современном политическом медиадискурсе	93
2.3.1 Художественная литература как интертекстуальный ресурс современного российского политического медиадискурса.....	93
2.3.2 Художественная литература как интертекстуальный ресурс современного британского политического медиадискурса.....	107
ВЫВОДЫ.....	123

ГЛАВА 3. ФУНКЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	126
3.1 Обязательные функции прецедентики в политическом медиадискурсе: смыслообразующая, оценочная и прагматическая	127
3.1.1 Реализация обязательных функций в российском политическом медиадискурсе	128
3.1.2 Реализация обязательных функций в британском политическом медиадискурсе	137
3.2 Вариативные функции литературной прецедентики в политическом медиадискурсе: консолидирующая, эстетическая и функция создания/трансформации публичного имиджа	146
3.2.1 Реализация вариативных функций в российском политическом медиадискурсе	147
3.2.2 Реализация вариативных функций в британском политическом медиадискурсе	159
ВЫВОДЫ	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	178
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	180
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Тема исследования. Диссертационная работа посвящена исследованию национальной, прагматической специфики использования прецедентных феноменов из сферы-источника «литература» в российском и британском политических медиадискурсах, а также анализу их роли в конструировании политической медиареальности.

Актуальность исследования. Прецедентные феномены активно используются в медиа, прежде всего, для выражения субъективного мнения автора, в силу своих тематических, семантических возможностей и богатого функционального потенциала. Прецедентные феномены выступают составляющими закрепившегося в сознании адресата знания о предшествующем опыте, служат актуализации тех или иных характеристик, сюжетов и вызывают более или менее определенные ассоциации, которые автор в силах предугадать на этапе выбора необходимой ему единицы смысла.

Важно отметить, что именно прецедентные феномены составляют национальную и, в частности, культурно-ценностную картину мира, выступая символами судеб, явлений, событий, и, следовательно, участвуют в формировании стиля современной журналистской риторики. Взаимодействие прецедентных феноменов с медиа позволяет зафиксировать, осмыслить, преобразить новое наиболее естественным путем, а именно с помощью сопоставления с уже хорошо известным. Актуальность исследуемой темы обусловлена продуктивностью этого взаимодействия, которое возникает благодаря сочетанию культурных и ценностных основ с общественной и политической релевантностью. Именно этот синтез определяет нашу научную заинтересованность предметом исследования.

Настоящая работа позиционируется в области медиалингвистики — самостоятельного научного направления, изучающего язык в медиа с помощью комплексного полидисциплинарного подхода. Медиалингвистика использует разнообразные методы исследования, включая нефилологические — социологические, исторические, психолингвистические. Такой подход

позволяет глубже понять специфику использования языка, в том числе и прецедентности, современными журналистами и оценить влияние данной риторики на массовое сознание.

Выбор именно политического медиадискурса продиктован его универсальностью и всеохватывающим характером, а также тем, что этому дискурсу присуща способность комбинироваться с неполитическими явлениями. При этом мировой уровень политики позволяет рассмотреть прецедентность через картины мира представителей разных лингвокультурных обществ. Материалом исследования в соответствии с дигитальным поворотом, преобладающим сегодня в филологических науках, выступают интернет-тексты.

Литература, будучи одной из важнейших составляющих культуры народа, в том числе русского и британского, тесно взаимодействует с журналистикой с момента появления второй, и их сотрудничество не перестает быть актуальным. Поэтому прецедентные феномены со сферой-источником «литература» представляют для нас первоочередное значение. Особое внимание уделяется способам интеграции прецедентных феноменов, их типологии, функциональным ролям в медиатекстах. Материалы на русском и английском языках, в свою очередь, позволяют рассмотреть исследуемый феномен в поликультурном медиапространстве.

Степень разработанности темы определяется теоретической базой настоящего исследования, которая подробно рассматривается в первой, реферативной главе. Теоретическую базу составляют, прежде всего, идеи автора термина «прецедентный текст» и основоположника теории прецедентности в целом Ю.Н. Караулова, а также ученых московской школы: В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, Д.В. Багаевой, И.В. Захаренко; благодаря которым появились критерии дифференцирования прецедентных феноменов в зависимости от формы, структуры и функций. Анализируя опыт изучения прецедентности со сферой-источником литература, мы обращаемся к трудам Е.Н. Ремчуковой и Л.А. Кузьминой по функционированию в медиа

прецедентных знаков высокой культуры, работам С.В. Банниковой, которая выделяет литературные прецеденты в отдельную семантическую группу. При этом нельзя не учитывать идеи М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта и Ж. Женнета, которые сформировали теоретическую базу для изучения интертекстуальности, а также последовавшие за этим работы В.Е. Чернявской о поликодовости. Внимание также обращено к авторским стратегиям интертекстуальности, разработанным Б. Оттом и К. Уолтером, и понятию *интертекстуальная компетенция* читателя, предложенному Дж. Фиске. Поскольку главный интерес настоящей работы связан с медиатекстом, при анализе важно учитывать идеи Т.Г. Добросклонской, которая анонсировала медиалингвистику как науку и сформулировала понятие *медиатекст*. Важными теоретическими источниками стали работы авторов словаря-справочника «Медиалингвистика в терминах и понятиях» под редакцией Л.Р. Дускаевой и коллективной монографии «Медиалингвистика в современной научной парадигме» под редакцией Н.И. Клушиной. Лингвистический подход к пониманию речи, рассчитанной на массовую аудиторию, В.Г. Костомарова также служит ориентиром в настоящей работе. При изучении жанровой специфики мы обращаемся к работам Т.В. Шмелевой, авторского начала и массовой аудитории как адресата медиатекста — к идеям Т.Л. Каминской. Также, мы опираемся на опыт Г.Я. Солганика, автора идеи о главенствующей роли политики в формировании медиаязыка, и А.П. Чудинова, благодаря которому получаем знания о специфике политического дискурса. Рассматривая проблематику политического дискурса, мы обращаемся к фундаментальным концепциям и идеям М. Фуко, Т. Ван Дейка, при этом авторству последнего также принадлежит оформление активно применяемого нами критического дискурс-анализа. Дискурсивная природа идентичности анализируется в настоящем исследовании, в частности, опираясь на работы Л.В. Ениной и М.А. Лаппо. Знакомство с коллективным трудом “Handbook of Value Perspectives from Economics, Neuroscience, Philosophy, Psychology, and Sociology” под редакцией Т. Броша и Д. Сандера

позволило сформировать представление о корреляции между нравственными регламентами бытия и политической действительностью. Таким образом, теоретическая база настоящей диссертационной работы опирается на идеи о прецедентности, интертекстуальности, медиалингвистике, дискурсологии, лингвопрагматике и лингвокультурологии, степень разработанности которых обеспечивает всестороннее теоретическое обоснование исследования.

Объектом настоящего исследования стали современные медиатексты политического дискурса российских и британских онлайн-изданий.

В качестве **предмета** исследования выбрана специфика использования прецедентных феноменов с ядерными компонентами, апеллирующими к отечественным и зарубежным произведениям литературы.

Степень достоверности обеспечивается использованием проверенных методов работы, «прозрачностью» процедур и их описания, а также разнообразием и репрезентативностью эмпирического материала работы. Эмпирической базой исследования послужили медиатексты ресурсов современного отечественного и зарубежного политических дискурсов, а именно: российские онлайн-издания (Коммерсантъ, Ведомости, Известия, РБК Новости и др.); британские онлайн-издания (The Economist, The Guardian, BBC News и др.). Период публикации медиатекстов — с 2022 г. по 2025 г. В рамках основной выборки получено свыше 300 медиаматериалов на русском языке, столько же — на английском языке. Выбор изданий обусловлен их общеполитической направленностью, тематической актуальностью и стремлением отражать текущие события. Популярность изданий подтверждена данными рейтинговых агентств «Медиалогия» и «MediaRank». Выбранные сетевые источники предлагают авторский контент, который активно цитируется в информационном поле и распространяется через различные каналы — сайты, приложения, социальные сети, подкасты. Несмотря на то, что в настоящей работе объектом изучения выступают непосредственно вербальные тексты, широкий охват и уникальность медиапродуктов стали важным фактором выбора источников.

Кроме того, выбор медиатекстов для анализа основывался на следующих критериях: языковая принадлежность (русский и английский языки), публикация в общенациональных изданиях, актуальность политической тематики и наличие литературных прецедентных феноменов. Проанализированные медиатексты относятся к политическому медиадискурсу и сосредоточены на ключевых внешне- и внутривнутриполитических вопросах: межгосударственных конфликтах, борьбе за права и свободы, политико-экономической интеграции, организации внутренней власти на разных уровнях, национальной безопасности и региональных проблемах. Представленный тематический ряд отражает главное содержание современного политического медиадискурса.

За корпусом примеров-медиатекстов стоит корпус художественных текстов, питающих прецедентность. Количество текстов-источников, вошедших в анализ, представленный в настоящей работе, составило порядка 100 произведений литературы отечественных и зарубежных авторов.

Для подтверждения семантики и узуса отдельных слов и выражений в процессе исследования осуществлялась вспомогательная выборка, в рамках которой привлекались данные Национального корпуса русского языка и англоязычного корпуса "News on the Web". Кроме того, с целью подтверждения и толкования отдельных понятий и положений диссертационного исследования использовались материалы лексикографических источников, словарей и энциклопедий, общий список которых дается в библиографии настоящей работы.

Цель исследования: выявить универсальные и национально-специфичные особенности использования прецедентных феноменов в российском и британском политических медиадискурсах и дефиницировать роль литературных источников в конструировании политической медиареальности.

Для достижения поставленной цели выполнен ряд следующих **основных задач:**

рассмотреть актуальный опыт изучения политического медиадискурса, медиатекста, интертекстуальности, национальной идентичности и прецедентности как ключевых понятий, обеспечивающих теоретическое основание для анализа смыслообразующих процессов и конструирования национальной идентичности в политическом медиадискурсе;

разработать методику комплексного анализа использования прецедентных феноменов в российском и британском политических медиадискурсах, обеспечивающую системность выявления, классификации и интерпретации прецедентных феноменов с учетом их культурных, стилистических, прагматических особенностей;

составить корпуса современных политических медиатекстов на русском и английском языках, включающие репрезентативные примеры интеграции литературных прецедентных феноменов;

проанализировать медиатексты с прецедентностью на основе разработанной методики, а также типологизировать прецедентные феномены в зависимости от способа их интеграции в медиатекст;

охарактеризовать функциональную специфику литературных прецедентных феноменов в политическом медиадискурсе с учетом национальной идентичности;

описать значимые универсальные и национально-специфичные тенденции использования прецедентных феноменов литературного происхождения в политическом медиадискурсе и выявить прагматическую ценность прецедентности как стилистического инструментария современного журналиста.

Методология и методы исследования. В работе используются как традиционные общелингвистические, так и специальные методы исследования, которые в совокупности обеспечивают комплексный анализ прецедентных феноменов из сферы-источника «литература» в современном политическом медиадискурсе.

В основе методологического инструментария лежат дискурс-анализ, служащий для выявления социальных, политических смыслов и функциональной роли прецедентных феноменов в конструировании медиареальности; лексико-семантический и контекстуальный анализы, с помощью которых обозначаются ядерные и периферийные значения прецедентных феноменов в различных медиатекстах; интертекстуальный анализ, применяемый для фиксации способов интеграции маркеров литературы в структуру медиатекста и трансформаций их значения в новых коммуникативных условиях, а также прагматический анализ, ориентированный на осмысление коммуникативных целей авторов и воздействия прецедентных феноменов на массовую аудиторию.

Эмпирический материал формируется методом сплошной выборки медиатекстов на русском и английском языках, удовлетворяющих таким критериям, как принадлежность к изданиям общенационального уровня, соотнесенность с актуальной проблематикой политической журналистики и политики в целом, наличие прецедентных феноменов в вербальном тексте.

Разработанная методика анализа отобранного материала предполагает последовательное выполнение следующих задач: выявление и верификация апелляции к сфере-источнику «литература»; категоризация прецедентного феномена по типу, статусу и способу интеграции в медиатекст-реципиент; описание ядерных и периферийных семантических значений; контекстуализация, то есть фиксация сопутствующих интертекстуальных маркеров; определение контекстуальных функций и коммуникативных эффектов; комплексный анализ коммуникативных «портретов» автора и адресата с учетом индивидуальности стиля первого и массового характера реципиентов.

Для эмпирической верификации применяется корпусный метод с обращением к Национальному корпусу русского языка и англоязычному ресурсу “News On the Web”, что позволяет проверять источники прецедентности и оценивать уровень медийной популярности

рассматриваемых литературных знаков. Особое внимание уделяется лингвокультурологическому комментированию для выявления специфики функционирования прецедентных феноменов в политическом медиадискурсе.

Оформившийся в ходе работы методологический подход обеспечивает достижение цели настоящего исследования, а именно выявление универсальных и национальных особенностей использования литературных прецедентных феноменов в российском и британском политических медиадискурсах, что также позволяет дефиницировать роль и значение литературы в конструировании современной политической медиареальности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ современных британского и отечественного политических медиадискурсов выявляет отчетливую тенденцию к привлечению классических и современных произведений литературы как национального, так и международного значения. Цитируемость литературных текстов объясняется их хрестоматийностью, востребованностью социальной проблематики произведений и аксиологическим содержанием, что подтверждается эмпирической базой настоящего исследования.

2. Характерное для современных медиа тиражирование образов и сюжетов литературы способствует лингвокреативному осмыслению прецедентных феноменов. Комплексный анализ литературных прецедентных феноменов в политическом дискурсе включает следующие шаги: выявление апелляции к литературе, верификация прецедентного статуса, категоризация, семантико-прагматический и функциональный анализы, а также объединенный анализ адресанта и адресата. Ценность литературных источников прецедентности подтверждается контекстуальным окружением интертекстуальной природы, в том числе прецедентными знаками текущего момента.

3. Интеграция литературы в современные медиатексты осуществляется одним из трех основных способов: единичное упоминание с целью привлечь внимание без дальнейших ассоциаций с источником;

импликация пересечения литературы и политики, требующая активной эксплуатации интертекстуальной компетенции адресата; и экспликация связи между политическим и литературными сюжетами, в рамках которой нередко раскрывается образовательный потенциал литературной прецедентики.

4. Актуализация устойчивых образов художественной действительности в политическом медиадискурсе сопряжена с выполнением таких обязательных функций, как смыслообразующая, оценочная и прагматическая. Вариативными функциями выступают консолидирующая, эстетическая и функция создания и/или трансформации публичного образа, имиджа. Прецедентные феномены литературного происхождения позволяют помещать политические проблемы в широкий культурный контекст с целью упростить, систематизировать абстрактную информацию о сложных политических явлениях, процессах с опорой на предшествующий опыт. Также, прецедентные феномены эффективно выполняют задачу структурной организации медиатекста. Наличие в прецедентике различных сочетаний функционального порядка поддерживает идею о непрерывной контаминации элементов медиареальности.

5. Специфика использования прецедентных феноменов в современных медиа России и Великобритании отражает соответствующий каждой стране культурный бэкграунд, а также различается модальностью. Прецедентные феномены в отечественных медиа, как правило, более нейтральны или служат имплицитному выражению оценки автора. Прецедентика в англоязычных медиа выполняет оценочную функцию в качестве основной, выразительно критична и активно побуждает адресата к действиям. Авторы отечественного медиаконтента преимущественно опираются на классическую национальную литературу, реже обращаясь к мировой или современной, что свидетельствует о внимании к сохранению традиционных культурных ориентиров. В британской практике наблюдается практически равное использование национальной и мировой литературы, а также более частое привлечение современных текстов, что указывает на

большую гибкость и открытость к обновлению культурного контекста. Русскоязычный политический медиадискурс характеризуется интенсивным применением литературных прецедентных феноменов как журналистами, так и политическими деятелями с целью усилить свою позицию с помощью иллюстративных ресурсов художественной литературы.

Содержание представленной диссертации «Прецедентные феномены со сферой-источником «литература» в политическом медиадискурсе (на материале российских и британских СМИ) соответствует паспорту научной специальности **5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика** паспорта специальностей ВАК по следующим направлениям исследований:

- Теории журналистики, средств массовой информации, медиа. Парадигмы, концептуальный аппарат, природа, функции, роли. Структура и типология СМИ и медиакоммуникационной среды;
- Тематика и проблематика журналистики и СМИ. Репрезентация социальных, экономических и политических процессов в медиакоммуникациях;
- Творческий процесс в журналистике и медиакоммуникациях. Профессиональные методы и инструментарий журналистики и медиакоммуникаций. Формирование жанров журналистики и их развитие. Языковые особенности и стиль медиакоммуникаций;
- Медиасистема. Природа и архитектура медиасистемы в условиях цифровизации. Динамика медиасистемы и ее сегментов. Глобальная и национальные медиасистемы;
- Журналистский текст. Семиотика журналистики и медиакоммуникаций. Медиатекст и медиаречь. Язык СМИ и социальных медиа.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проводится сопоставительный анализ прецедентных феноменов со сферой-источником «литература» в современных русско- и англоязычных политических медиадискурсах, который выявляет способность прецедентных феноменов

оперативно адаптироваться к политической повестке и устанавливает новые закономерности их функционирования в современной медиареальности.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем прецедентные феномены литературного происхождения рассматриваются как часть современной медиакommunikации в рамках их типологизации, что способствует развитию медиалингвистики. Разработка методики анализа прецедентности, определение способов интеграции этих знаков в медиатекст и уточнение их функций с учетом специфики политического дискурса вносит вклад в развитие теории прецедентности; выявление тенденций использования прецедентных феноменов в современных медиа России и Великобритании имеет значение для развития лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в учебном процессе образовательных программ по направлению подготовки «журналистика», а именно в базовых курсах по стилистике, переводоведению и специальных курсах по медиалингвистике, интертекстуальности, прагматилистике, вопросам межкультурной коммуникации. Установленные характеристики и стратегии прецедентности в медиа также могут быть учтены в практике журналистской работы над медиатекстом.

Апробация результатов исследования. Некоторые промежуточные результаты диссертационного исследования были представлены в ходе докладов на научных и научно-практических конференциях: Проблемы массовой коммуникации: новые подходы (г. Воронеж, 28 октября 2022 г.), Медиа в информационном обществе: эффекты, возможности, риски (г. Саратов, 28 марта 2023 г.), Ломоносов-2024 (г. Москва, 12–26 апреля 2024 г.), Дни науки и инноваций НовГУ (г. Великий Новгород, 2023 г. и 2025 г.). Основные положения и результаты отражены в 10 научных публикациях, из них 4 статьи в изданиях ВАК, 6 статей в изданиях, входящих в иные базы данных:

- Наволоцкая О.В. Прецедентность и ее креативное проявление в современных медиатекстах политического дискурса (на материалах сайта Kommersant.ru). Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 2. С. 134–137. (ВАК)
- Наволоцкая О.В. Медиапрецедентика: социально значимые тренды. Ученые записки Новгородского государственного университета. 2025. № 1(56). С. 68–75. (ВАК)
- Наволоцкая О.В. «Истории повторяются: способы интеграции прецедентных феноменов (практики онлайн-газеты The Economist)». Челябинский гуманитарий. 2025. № 3(72). С. 173–181. (ВАК)
- Наволоцкая О.В. «Интертекстуальные практики и прецедентные феномены в политическом медиадискурсе России: на материале публикаций онлайн-изданий «Известия» и «Коммерсантъ». Вопросы медиабизнеса. 2025. Т. 4. № 4. С. 90–99. (ВАК)
- Наволоцкая О.В. Прецедентные имена в медиа: литературные антропонимы. Дни науки и инноваций НовГУ: сборник статей студентов и молодых ученых. Великий Новгород, 2025 г.: в 2 ч. / сост. и науч. ред. О. В. Алексеева, Г. В. Волошина; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2025. Ч. 1. С. 171–176.
- Наволоцкая О.В. Авторский подход к использованию прецедентов в медиатексте (на примере материалов сайта «Коммерсантъ»). Дни науки и инноваций НовГУ: Сборник статей студентов и молодых ученых. В 4-х частях. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. 2023. С. 204–208.
- Наволоцкая О.В. Прецедентика и медиакартина мира. Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 4(9). С. 83–92.
- Наволоцкая О.В. Прецедентность и политические медиатексты: фактор адресата. Медиа в информационном обществе: эффекты, возможности,

риски — 2023: Сборник научных трудов. В 3-х томах. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. 2023. С. 135–142.

- Наволоцкая О.В. Прецедентность в заголовках медиа: сопоставительный аспект. Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6(45). С. 685–689.
- Наволоцкая О.В. Прецедентность со сферой «литература» в политических медиадискурсах: к постановке проблемы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов «Проблемы массовой коммуникации: новые подходы Всероссийская научно-практическая конференция студентов и аспирантов». Воронеж, 28 октября 2022 г. С. 171–173.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Приложений 1, 2 и Списка литературы.

Первая глава «Теоретические ориентиры исследования политического медиадискурса: медиатекст, интертекстуальность и прецедентность» посвящена рассмотрению базовых теоретических положений, на которые опирается настоящее исследование; в ней описываются актуальные тенденции изучения прецедентных феноменов в современной науке.

Во второй главе «Политический медиадискурс в рамках литературоцентричной стратегии авторов контента» представлена тема политического медиадискурса, сформулирована методика работы с языковым материалом, а также составлен обзор литературной прецедентности в российских и британских политических медиадискурсах с указанием сходств и различий между ними.

В третьей главе «Функции литературных прецедентных феноменов в политическом медиадискурсе» описывается реализация шести функций литературных прецедентных феноменов в современном политическом медиадискурсе на аутентичных примерах отечественного и британского медиаконтента политической направленности; особое внимание уделяется

авторским вербальным медиапродуктам с креативными преобразованиями прецедентных феноменов.

В Заключении подводятся итоги проведенного диссертационного исследования и намечаются его перспективы. В Приложениях 1, 2 представлены списки конкретных литературных источников прецедентности, Список использованной литературы, в свою очередь, содержит все основные научные источники, лексикографические и медийные ресурсы, на которые опиралось настоящее исследование, обеспечивая его научную обоснованность и полноту.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА: МЕДИАТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ

Тенденции в области коммуникации, включая стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, формирование единого виртуального информационного пространства и осознание потребности комплексного изучения соответствующих речевых процессов, предполагающего интеграцию компетенций специалистов различных областей гуманитарного знания [Добросклонская 2008: 4–5], стали предусловиями становления самостоятельного полидисциплинарного научного направления для непосредственного изучения функционирования языка в медиа посредством “анализа эффективной речевой деятельности субъекта” [Дускаева 2018: 49] — медиалингвистики.

В настоящее время в сфере медиалингвистики каждый ученый выбирает и нередко формирует терминологический аппарат индивидуально, руководствуясь спецификой исследования, целями и задачами, что приводит к многообразию терминологических обозначений: *медиапространство, медиасреда, медийный дискурс, дискурс массмедиа, массовая коммуникация, медиакоммуникационные системы, медийные площадки, средства массовой информации, средства массовой коммуникации, тексты массовой информации* и прочие; которые однако часто воспринимаются как равнозначные и используются практически синонимично.

Для настоящего исследования приведенные выше и подобные им термины имеют существенное значение, однако с целью преодоления семантической неопределенности и достижения большей систематизированности и целостности подачи материала, в дальнейшем из массива номинаций с сегментом *медиа* нами будут преимущественно использоваться следующие ключевые понятия:

- *медиа́текст* как основная исследовательская единица контента в медиапространстве; выступает родовым понятием, обобщающим разнообразные жанры сообщений в средствах массовой информации, включая новостные, аналитические, рекламные, мультимедийные и прочие;
- *медиа́дискурс* как массив медиатекстов, объединенных по тематическому (в частности, корпус медиатекстов политического содержания) или темпоральному признаку (например, корпус медиатекстов, имеющих отношение к некоторому ограниченному по времени событию, такому как предвыборная кампания или преобразование какой-либо сферы общественной жизни);
- *медиа́пространство* как виртуальная среда, в которой функционируют и распространяются медиатексты, и *медиа́площадка* как составляющая этой среды, которая обеспечивает присутствие контента некоторого медийного бренда (онлайн-издания) в общем информационном потоке;

Вопросы эффективного языкового обеспечения массмедиа были и остаются предметом исследования ведущих специалистов. Среди отечественных исследователей фундаментальный вклад внесли такие ученые, как Г.В. Степанов, Д.Н. Шмелев, В.Г. Костомаров, Н.С. Валгина, О.А. Лаптева, Г.Я. Солганик, Ю.В. Рождественский, А.Н. Васильева, С.И. Сметанина, Т.Г. Добросклонская [Шмелев 1977; Лаптева 1998; Добросклонская 2000; Сметанина 2002]. В основе этой системы лежит представление о медиатексте как особом типе текста, обладающем структурной целостностью, прагматической завершенностью и коммуникативной направленностью, что позволяет ему эффективно функционировать в условиях разнообразных каналов массовой коммуникации — печати, радио, телевидения и интернета [Валгина 2003].

Язык медиа отражает социальные изменения и ценностные сдвиги, сочетая устную и письменную коммуникацию, что особенно важно в цифровую эпоху [Костомаров 1999]. Медиатекст упорядочивает

информационные потоки и формирует общественное мировоззрение, обладая признаками массовой информации: интернационализмом, исторической абстрактностью и плюрализмом мнений под политико-экономическим влиянием [Рождественский 2015]. Онлайн-СМИ усиливают культурную интеграцию и фрагментацию аудитории.

Современная массовая коммуникация требует универсальности медиатекста для многоязычной аудитории, что проявляется в адаптации языка и гибких речевых практиках [Степанов 1984]. Язык медиа сочетает естественные и искусственные механизмы, особенно в условиях автоматизации [Рождественский 1997]. Его черты — ясность, лаконичность, клишированность и разговорно-публицистические элементы — обеспечивают эффективность [Шмелев 1997]. Историко-культурный анализ показывает динамику ценностей и языковую эволюцию [Сметанина 2002].

Теоретическую основу формируют работы Т. А. Ван Дейка, А. Белла, М. Монтгомери и Н. Фейерклафа [Teun van Dijk 1988; Bell 1991; Fairclough 1995; Montgomery 1996]. Особое внимание уделяется онлайн-изданиям с их гипертекстуальностью, интерактивностью, что отличает их от традиционных СМИ и способствует формированию единого, но культурно разнообразного медиaprостранства [Deuze 2007; Добросклонская 2008; Crystal 2003].

1.1. Медиатекст в политическом медиадискурсе:

культурно-ценностное измерение

1.1.1 Медиатекст как базовая единица медиадискурса

Прежде всего необходимо прояснить содержание понятия *дискурса*, поскольку оно выступает базовым для понимания функционирования языка в медиакоммуникации.

Дискурс в современной науке трактуется как сложное коммуникативное явление, включающее не только текст как статический продукт языковой деятельности, но и динамический процесс живого общения,

разворачивающийся во времени и обусловленный социальным контекстом [Хурматуллин 2009: 35]. Изучение дискурса ассоциируется с немецкой, англо-американской и французской лингвистическими школами. Немецкая школа сосредотачивается на структурных связях и сверхфразовой целостности [см. напр., Habermas 1989], англо-американская подчеркивает социально-прагматический аспект дискурса как «языка в использовании» и его роль в коммуникации. Так, один из видных представителей этой традиции З. Харрис конкретизировал понимание феномена, расширив его границы до связного текста, а также добавил «социальную призму» к рассмотрению взаимодействия автора и адресата [Harris 1952: 15]. Французская школа, объединяя историко-философские и психоаналитические подходы, рассматривает дискурс как социальное явление, тесно связанное с властью, идеологией и культурой [см. напр., М. Фуко; Бенвенист 1974; Seriot 1985]. Обратимся к трактовке этого популярного феномена и обозначим его ключевые характеристики в отношении медиапространства.

Нидерландский лингвист Т.А. Ван Дейк понимает дискурс в широком смысле как некоторое комплексное коммуникативное событие, происходящее между автором и адресатом, в совокупности пространственно-временным, психологическим и прочим контекстом и в узком — как сам вербальный продукт коммуникации, представленный в устной или письменной форме [Ван Дейк 1998: 7]. Таким образом формируется базовое понимание дискурса как единства коммуникативных и когнитивных аспектов.

Несмотря на частое смешение понятий «текст» и «дискурс»: дискурс — это текст, который функционирует в ситуации реального общения [Ишемгулова, Чанышева 2021: 442]; дискурс — это «связный текст» [Арутюнова 1990: 136]; исследования доказывают необходимость четкого размежевания этих терминов, намеренно подчеркивая специфику каждого из них. Так, согласно Дж. Личу, текст реализуется в сообщении, посредством которого формируется дискурс [Leech 1983: 59]. И.Р. Гальперин лаконично трактует текст как речетворческое произведение, характеризующееся

завершенностью и состоящее из ряда единиц (например, заголовка, вступления и др.), которые объединены общим стилем и прагматической установкой [Гальперин 2007: 18]. Следовательно, от дискурса текст отличается как минимум наличием некоторой структуры и относительная завершенность. Дифференциация рассматриваемых феноменов на текст-продукт и дискурс-процесс [Тюпа 2017: 41] также не представляется нам исчерпывающей, поскольку без текста в устной и/или письменной формах не может существовать и сам дискурс, следовательно первый не должен обязательно являться продуктом второго. Склоняемся к тому, что текст скорее будет условной языковой единицей дискурса, и только совокупность таких единиц приблизит нас к понятию дискурса.

Одна из трактовок дискурса, близкая к нашему пониманию, предложена исследовательницей В.Е. Чернявской, которая рассматривает дискурс не только как конкретное коммуникативное событие, зафиксированное вербально, но и как совокупность тематически связанных текстов, образующих единую содержательно-тематическую общность [Чернявская 2001; 2003]. В этом же ключе Н.И. Клушина говорит о медиадискурсе как системе медиатекстов [Клушина 2014: 103]. Е.А. Уварова, анализируя разницу между медиадискурсом и медиатекстом, приходит к выводу о том, что медиатекст есть некоторое проявление медиадискурса, и медиадискурс представляет собой организованную систему медиатекстов, а бесконечное множество медиадискурсов, в свою очередь, образуют медиапространство [Уварова 2015: 53]. Значит, дискурс представляет собой сложное и неоднородное единство текстов, реализуемых как в письменной, так и в устной формах, которые появляются и функционируют в некоторой социально-пространственно-временной информационной среде. Организация же представляется нам несколько условным признаком, подтвердить который представляется затруднительным в «многоголосном» медиадискурсе.

Медиадискурс как специфическую речемыслительную деятельность, характерную для сферы медиакоммуникации [Добросклонская 2008], мы

рассматриваем как массив медиатекстов, объединенных по тематическому или темпоральному признаку; при этом отправной точкой формирования такого массива часто служит значимое коммуникативное событие. В этом контексте понятие «сеть общения» [Болотнова 2015: 204] отражает выбранную нами трактовку, подсвечивая диалогичность и взаимодействие медиатекстов в рамках одного медиадискурса. В качестве необходимого текущему описанию дополнения вновь обратимся к Т.А. Ван Дейку, согласно которому медиадискурс вбирает в себя информацию об исторической эпохе, индивидуальной и социальной специфике как коммуниканта, так и соответствующей коммуникативной ситуации, а также отражает менталитет, культуру мирового, национального уровней, а также персонифицированные вариации составляющих [Ван Дейк 1998: 47]. Именно поэтому медиадискурс называют носителем глобальной медиакультуры [Соломина 2010: 167], что подтверждается наличием в медиатекстах культурных, исторических маркеров, узнавание и интерпретация которых требует наличия соответствующих фоновых знаний [Анненкова 2011: 305].

Е.С. Солнцева предприняла попытку классифицировать отличительные признаки медиадискурса, разделив их на три группы: прагматические, семантические и синтаксические [Солнцева 2019: 148]. Нас, прежде всего, интересуют первые две. К прагматическим характеристикам исследователь относит признаки, определяющие модальность, стратегии и тактики коммуникации, а именно динамичность, обусловленная высокой скоростью производства контента, массовую направленность, интенциональность (о которой подробнее поговорим в рамках жанровой специфики медиатекстов), интересубъективность, диалогичность и эвокативность [Там же]. Массовость и открытость медиадискурса предполагают неограниченность аудитории и, в совокупности с интересубъектностью и диалогичностью, способствуют превращению всякого медиатекста в коллективный продукт, а также упорядоченному обмену высказываний, комментариев [Казак 2011: 320], также входящих в медиадискурсивный массив текстов. Однако, как отмечает

Е.С. Солнцева, степень открытости не всегда однозначна: некоторые издания требуют регистрации и оплаты, например, для доступа к расширенным версиям авторских материалов [Солнцева 2019: 148]. Таким образом, несмотря на массовый характер информации, наблюдается тенденция к *персонализации* медиатекстов, привязанной к конкретным авторам и изданиям. Интерактивность в медиадискурсе — признак коммуникации, который проявляется в многостороннем обмене сообщениями между участниками, что обеспечивает полифонию и позволяет авторам учитывать интеллектуальные потребности разнообразной аудитории [Вовкула 2015: 37]. Обратная связь позволяет выявлять интересы публики, трансформировать стратегии воздействия [Цурикова 2010: 12] и расширять тематический спектр обсуждений, что в целом способствует повышению эффективности коммуникации.

Особый интерес представляет эвокативность — основанная на интенциональном кодировании способность речевой формы вызывать интерпретации через контаминацию смыслов с целью формирования семиотически сложного плана содержания [Беданокова 2015: 23]. З.К. Беданокова замечает, что данный признак представляется возможным использовать для описания когнитивных связей между текстами медиадискурса [Там же]. Эвокативность органично коррелирует с интертекстуальным подходом [Солнцева 2019: 149], поскольку она базируется на прецедентности смыслов и активном использовании фоновых знаний субъектами коммуникации; именно поэтому рассматриваемый термин считаем обязательным для включения в наш теоретический «арсенал».

Семантическая связность медиадискурса, в свою очередь, обеспечивается виртуальностью интернет-среды, гипертекстуальностью, или способностью оперировать ссылками, [Там же: 152], а также мультимедийностью. В частности, мультимедийность обеспечивает разнообразные средства передачи информации — собственно вербальные, визуальные и аудиальные — позволяя эффективно воплощать авторский

замысел [Землянова 2004: 197]. В контексте мультимедийности важно также обратиться к понятию *креолизованного* текста — лингво-визуального феномена, который представляет собой синтез вербальных и графических элементов, формирующих целостный текст с единым визуальным оформлением, смысловым содержанием и определенной функциональностью, который оказывает комплексное воздействие на адресата [Анисимова 1992: 73]. Ценность креолизованных текстов определяется тем, что визуальной интерпретации подвергаются исключительно актуальные [Порозов 2011: 171] или вневременно важные смыслы для конкретного лингвокультурного сообщества. Добавим, что соединение вербальных и визуальных звеньев медиатекста может значительно увеличить количество культурных аллюзий, представляемых аудитории [Наволоцкая 20256: 174]. В этом отношении метким представляется замечание Ю.М. Лотмана: «Зашифрованность многими кодами есть закон для подавляющего числа текстов культуры» [Лотман 1992: 143].

К специфике медиадискурса относятся также характеристики, типичные для традиционных средств массовой информации, например, креативность, экспрессивность, прагматичность, аксиологичность; последняя, подчеркнем, обозначает способность медиа создавать и трансформировать ценности [Костина 2011: 17]. Отметим также субъективность, которая проявляется в значении автора как персоны, публичной личности [Марьянчик 2011: 23], и полидискурсивность, поскольку в медийное пространство вовлекаются факты из других сфер жизни общества, и все дискурсы сегодня облигаторно обретают «медийное измерение» [Шмелева 2012: 58]. В связи с этим существует еще один подход к изучению медиадискурса, согласно которому он понимается как любой тип дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации [Оломская 2013: 252]. Так, при реализации политического дискурса в медиа будут иметь место относительно устойчивые «политические» речевые практики производства, трансляции и декодирования информации [Кожемякин 2010: 16]. Медиа, отражая все изменения,

происходящие в обществе, создают наиболее продуктивную среду для изучения дискурсов, поскольку позволяют не только анализировать их содержание, но также исследовать дискурсы в динамике, выявляя закономерности их функционирования и тенденции развития. Кроме того, не стоит забывать о возможности взаимопересечений дискурсов в медиапространстве.

Функциональный спектр медиадискурса, прежде всего, включает информационную и воздействующую функции в качестве основных [Пескова 2015]. Интересен в этом отношении подход М.Р. Желтухиной, которая рассматривает функциональную специфику медиадискурса через призму взаимодействия ключевых акторов медиадискурса: адресанта — отдельного автора или коллектив авторов — и массового адресата. С позиции адресанта медиасообщений М.Р. Желтухина наблюдает такие функции, как репрезентативная, экспрессивная, регулятивная (в том числе трансляционная, дифференцирующая, воздействующая) [Желтухина 2007]. Адресат, в свою очередь, ответственен за реализацию гедонистической, гармонизирующей, интегративной, инспиративной функций. Взаимодействуя же, акторы обеспечивают осуществление познавательной (входят эвристическая, мониторинговая, информационная), культурной и творческой функций [Желтухина 2007: 198]. Функции взаимно дополняют друг друга и обеспечивают ведущую роль медиадискурсов в современных коммуникациях, в частности в формировании и трансформации общественного мнения и культурных ценностей в цифровую эпоху.

Образ массового реципиента, по мнению Т.Г. Винокур, характеризуется обобщенностью, избирательностью и непредсказуемостью реакции [Винокур 1993: 63], поэтому автору медиатекста необходимо осознанно подбирать лексические, стилистические средства, речевые конструкции, чтобы максимально эффективно воздействовать на аудиторию. Т.Л. Каминская утверждает, что адресат в массовом информационном пространстве играет настолько же значимую роль, какую В.В. Виноградов отводит фигуре автора

в художественном произведении. «Присутствие» адресата в медиадискурсе подтверждается интеграцией противопоставления *свои и чужие*, вниманием к речевой специфике, мировоззрению и социальным обстоятельствам аудитории [Каминская 2009: 17]. Согласно результатам исследования, медиапродукты ориентированы на следующие типы адресатов: интеллектуальное меньшинство, типичный представитель идеальной социальной среды, обычный гражданин [Там же: 18]. В данном случае резонирует утверждение Ю.М. Лотмана о том, что текст «включает в себя образ “своей” аудитории, а аудитория — “своего” текста» [Лотман 2000: 203].

Идею различных типов адресатов, связанных с редакционной политикой СМИ, развивает В.В. Антропова, разделяя издания на элитарные, качественные и массовые. Так, качественные издания реализуют креативно-рекреативный тип дискурса, который подразумевает двойственное восприятие и переосмысление ценностей, сформулированных элитарным обществом. Это означает, что такие издания одновременно и демонстрируют способность создавать новое видение традиционных ценностей, предлагая свежий взгляд на культурные нормы и убеждения, и поддерживают определенные аспекты традиционного мировоззрения. Данный подход позволяет балансировать между сохранением культурных традиций и инновационным развитием общества [Антропова 2013: 18]. Анализируя политический медиадискурс, трудно не согласиться с исследователем в утверждении, что адресат есть «конечное звено коммуникативных интенций» автора [Там же: 12].

Вернемся к изучению условной единицы медиадискурса — *медиатексту*. При переходе в медиапространство текст в классическом понимании обретает дополнительные признаки, такие как визуализация, фрагментация, динамизация [Арсеньева, Фащанова 2018], а также гипертекстуальность, которая обуславливает отсутствие завершенности медиатекстов и их «перекличку» внутри одного или нескольких дискурсов посредством ссылок и цитирований. Особое значение приобретает восприятие текста как продукта семиотической природы, который нельзя представить вне

окружающей действительности и мира остальных текстов [Казак 2011: 320]. В дальнейшем в работе мы подробнее рассмотрим интертекстуальность как сложный когнитивно-вербальный феномен, который обеспечивает полифоничность и культурную насыщенность медиатекстов.

В работе мы придерживаемся деятельностно-процессуального, праксиологического подхода к изучению медиатекстов [Медиалингвистика в терминах и понятиях 2020: 74], в рамках которого медиатекст представляется не статичным продуктом, а результативным процессом — от производства медиатекста до его восприятия и интерпретации с учетом коммуникативных, социальных и культурных факторов.

Медиатекст — сложная и подвижная единица высокого уровня обобщенности, служащая средством вербального взаимодействия в массовой коммуникации [Кузьмина 2011: 13]. Обобщенность обусловлена тем фактом, что медиатекст выступает гиперонимом, объединяя обозначения всех текстов, цель которых состоит в распространении информации среди широкой аудитории средствами массовой коммуникации, включая *журналистский текст, рекламный текст, текст телевидения, радио или интернет-СМИ* и др. [Там же]. Данное родовое понятие видится удачным инструментом объединения в том числе жанровых вариаций текстов. По мнению Т.Г. Добросклонской, медиатекст можно наиболее точно описать с помощью ряда критериев, среди которых особое внимание уделяется функционально-жанровому типу (интервью, новости и др.) [Добросклонская 2006: 22].

Рассмотрим жанровую дифференциацию медиатекстов подробнее. В анализе медиатекста жанр выполняет ключевую функцию, поскольку, с одной стороны, предоставляет автору необходимые структурные и содержательные ресурсы для полноценной реализации замысла, а с другой — формирует определенные ожидания и рамки восприятия, способствуя тем самым более эффективному и адекватному восприятию речевого произведения реципиентов [Майданова, Калганова 2006: 13]. Традиционно выделяют три ключевые группы жанров медиатекстов: «информационные (заметка,

репортаж, отчет, интервью), аналитические (комментарий, статья, рецензия) и художественно-публицистические (очерк, фельетон, памфлет)» [Кузьмина 2011: 19]. К этому перечню также добавляют специфические рекламные и пиар-жанры [Там же].

Заслуживает внимания типология жанров, разработанная Л.М. Майдановой и С.О. Калгановой, которая базируется на определении конкретного «технического приема», используемого при создании текста. Эта классификация выделяет пять основных жанровых групп, каждая из которых определяется конкретной целью: фиксация факта, аналитика факта, метатекстовое изложение, или так называемый «текст о тексте», формирование диалогового взаимодействия и построение образного представления предмета обсуждения [Майданова, Калганова 2006: 44–46]. Во главу жанровой классификации коммуникативную цель ставит и Т.В. Шмелева в своей известной работе об анкете речевых жанров, выделяя информативные, императивные, оценочные и этикетные тексты [Шмелева 1997: 88–89]. В сборнике статей за 2010–2012 гг. с опорой на историю вопроса ученый фиксирует присущие медиaprостранству пять основных видов коммуникативного воздействия: информирование, разъяснение с опорой на анализ и оценку, убеждение с использованием рациональных и эмоциональных инструментов влияния, развлечение, привлечение и побуждение к действию [Шмелева 2010–2012], которые представляется возможным взять за основу рассмотрения жанровой специфики медиатекстов.

Однако необходимо учитывать, что медиатекст в настоящее время объединяет в себе элементы разных жанров, в том числе интенциональных признаков. Это явление получило разные названия, например «уплотнение жанров» [Шмелева 2018], «смешение жанров» [Лазутина 2011], жанровая диффузия/синтез [Малышева 2014], конвергенция жанров [Jenkins 2006]. Поэтому в медиа наблюдается игровой подход к использованию жанровых форм [Анненкова 2011а: 112]. Исследователь Х. Бранн справедливо отмечает трансформацию жанровой дифференциации в более гибкую и прагматичную

концепцию жанра, которая учитывает исторический и культурный контекст, а также ориентируется на специфику аудитории в условиях цифровой эпохи [Bruun 2011: 36].

Рассматриваемое явление органично встраивается в специфику современных медиадискурсов и, следовательно, медиатекстов, и незамедлительно приобретает термин *текстовой полиинтенциональности* [Дускаева 2012; Шмелева 2012], который подразумевает сочетание нескольких коммуникативных намерений в рамках одного медиатекста. Примером служит формирование жанра «инфотейнмент», суть которого складывается из значений составляющих этого названия и заключается в сочетании новостного и развлекательного жанров с акцентом на персоналиях, стиле подачи материала, умении рассказывать истории и визуальной привлекательности [Thussu 2007: 3–8; Serazio 2018]. Например, в политическом медиадискурсе инфотейнмент конкретизируется такими формами, как *democratainment* [Hartley 2004] и *politicotainment* [Riegert 2007: 1], которые журналисты используют для противодействия росту числа пользователей сети, «оторванных» от новостей [Blekesaune, Elvestad, Aalberg 2012]. Апеллируя, в частности, к общему культурному бэкграунду, авторы стремятся восстановить связь с «потерянной» аудиторией. Подобные сочетания жанров и коммуникативных намерений с использованием прецедентных феноменов свидетельствуют о возможностях современного автора эффективно соответствовать институциональным требованиям медиадискурса, прежде всего выполняя функцию информирования аудитории, и одновременно реализовать свой творческий потенциал.

Описание медиатекста невозможно без внимания к заголовку, особенно в рамках настоящей работы, поскольку именно эта часть текста отражает предмет нашего исследования — прецедентный феномен — в таких характеристиках, как синтаксический лаконизм, семантическая насыщенность и способность к смысловой компрессии, что в совокупности обеспечивает необходимое воздействие на адресата [Ремчукова, Михеева 2015: 94].

Заголовок представляет собой графически выделенное название текста, которое занимает стратегически значимую позицию в медиатексте и рассматривается как самостоятельный жанр публицистической речи [Костомаров 1965: 163]. Отметим, что в современных условиях интернет-коммуникации, когда большинство пользователей ограничиваются ознакомлением лишь с заголовком, его роль как основного навигационного и коммуникативного элемента существенно возрастает: около 80% читателей уделяют внимание исключительно заголовкам [Лазарева 1989: 3].

Анализ заголовка, в котором нередко присутствует прецедентность, проводится в рамках концепции совокупного заголовочного текста [Прохорова 2011], согласно которой заголовочный комплекс включает заголовок, подзаголовок, лидер-абзац, подписи к материалам и фотографиям, эпиграфы и вставки. Данный комплекс выполняет ряд функций: графическое выделение, информативность, смысловая компрессия, создание эмоционального фона и реализация полифонической функции [Дускаева 2020: 196–200]. Последняя непосредственно связана с теорией прецедентности, поскольку прецедентные феномены обогащают семантику заголовков, насыщая текст дополнительными значениями. М. Конбой, сосредоточиваясь преимущественно на практической информационной роли заголовков, обозначает также функцию индикатора ценностей и стиля [Conboy 2013], который отражает общую направленность и специфику медиаконтента конкретного издания.

Сущностная природа заголовка тесно связана с теорией интертекстуальности как в структурном, так и в культурном аспектах, что представляется возможным подтвердить концепцией французского специалиста по современной теории литературы, представителя структурализма Ж. Женетта, согласно которой в пространстве речевых произведений имеют место пять типов взаимодействия текстов: *интертекстуальность* в ее наиболее «классическом» сегодня понимании, обеспечивающая вертикальный контекст медиатекста; *паратекстуальность*,

подразумевающая внутритекстуальные связи, в том числе между заголовком, заголовочным комплексом и основной частью текста; *метатекстуальность* — критически-оценочная апелляция автора одного медиатекста к другому; *гипертекстуальность* обеспечивает систему ссылок для навигации внутри текста; *архитекстуальность*, подразумевающая слияние жанров в медиа [Genette 1982]. Об интертекстуальном значении заголовка медиатекста с опорой на дифференциацию Ж. Женетта, размышляет В.Ю. Варзапова и приходит к выводу, что концепция транстекстуальности действительно эффективна в описании содержательной, композиционной, семиологической специфики заголовков медиатекстов [Варзапова 2019: 119].

Таким образом, медиадискурс в первую очередь представляется нам именно массивом медиатекстов, которые можно объединить по темпоральному или тематическому признаку. Современному медиадискурсу, как и его основной структурной единице — медиатексту, присущи как традиционные характеристики, так и относительно новые, более специальные (например, эвокативность, мультимодальность). Медиатексты также отличает жанровое разнообразие и полиинтенциональность. Инструментальная гибридность медиатекстов в подавляющей степени обусловлена преобладающим сегодня каналом их распространения — интернет-средой [Freedman 2006: 277]. Также важно подчеркнуть, что деятельностно-процессуальный, праксиологический подход, которому сегодня отдает предпочтение большинство исследователей, предполагает изучение медиатекста в качестве механизма формирования общественного мнения, трансляции культурных ценностей и в целом идентичности в условиях глобализированного медиапространства. В данной работе актуализация национально значимой информации анализируется на примере *литературы* как важной части культуры и ее представленности в медиатекстах посредством прецедентики, о чем пойдет речь во второй и третьей главах настоящей работы.

1.1.2 Национальная идентичность как организующее начало политического медиадискурса

Обращаясь к знаменитой «биологической» метафоре Н. Постмана, предлагаем представить современное медиaprостранство как своеобразную «чашу Петри» [Postman 2000: 10], в «питательной» среде которой с помощью медийных технологий формируется и развивается идентичность общества. А идентичность, разумеется, выступает сущностным фундаментом любой личности и любого общества как субъектов исторического процесса и социально-культурного развития [Швецова 2017: 654].

Слово *идентичность* происходит от латинского слова *idem*, означающего «тот же самый», и представляется символом тождественности, совпадения [Большая российская энциклопедия 2004–2017]. В научной литературе понятие идентичности традиционно связывается с именем американского психолога Э. Эриксона, который рассматривает идентичность в трех взаимосвязанных измерениях: как индивидуальное чувство идентичности, процесс ее формирования и результат этого процесса [Эриксон, 1996]. Таким образом, идентичность объединяет в себе внутреннее ощущение единства и стабильности, одновременно являясь динамическим процессом самоопределения.

В рамках широкого научного поиска наиболее распространенные определения идентичности представляется возможным разделить на три группы. Первая включает трактовки, в которых идентичность предстает внутренней позицией субъекта, определяющей его самоощущение и принадлежность к некоторой социальной группе, что служит фундаментом для формирования мировоззренческих и поведенческих диспозиций, а также механизмом социальной интеграции и консолидации. Вторая группа характерна, главным образом, для психологической науки и этнологии, которые интерпретируют идентичность как неотъемлемое свойство личности или народа. Наконец, третья опирается на когнитивно-гносеологическую парадигму, согласно которой идентичность определяется через совокупность

признаков, свойств и отношений, выражающих тождественность, аутентичность и самоидентичность субъекта [Тхагапсоев 2011: 10–25]. Важной особенностью последней считается возможность фиксации и описания признаков идентичности, то есть конкретных маркеров, паттернов, что в дальнейшем позволяет проводить их системный анализ и в целом использовать для решения соответствующих исследовательских задач. Опираясь на умозаключения Х.Г. Тхагапсоева, мы не отрицаем значимость идентичности как индивидуального самоощущения и самопозиционирования, однако, прежде всего, придерживаемся идеи существования идентичности именно в *интерсубъектном* пространстве, то есть через коммуникацию на основе общеузнаваемых знаков, символов и конструируемых смыслов [Тхагапсоев 2010: 18].

В этой связи определяют жесткую и мягкую концепции идентичности. Жесткая концепция акцентирует внимание на стабильности, цельности идентичности и рассматривает ее как относительно фиксированное и устойчивое явление [Брубейкер 2012: 84]. Так, в частности, идентичность понимается как самоидентификация личности с определенной социальной группой через систему принадлежностей, функционирующих подобно якорям [Вендина 2012: 27], которые помогают данной личности определять свое положение в социокультурной реальности и свободно ориентироваться в окружающей действительности [Лучшева, Преснякова 2011: 156]. Напротив, мягкая концепция подразумевает изменчивость, фрагментарность и множественность проявлений идентичности и рассматривает ее как динамический процесс, подверженный постоянным трансформациям и контекстуальным вариациям [Брубейкер 2012: 85]. В таком случае всякий промежуточный результат непрерывного процесса идентификации рассматривается как проявление идентичности [Енина 2017, Енина, Чепкина 2010: 160], заслуживающее внимания исследователей.

Объектами научного анализа становятся различные типы идентичности: региональная [Головнева 2013, Еремина 2012], территориальная [Каминская

2017], гендерная [Смирнова 2011; Santoniccolo et al. 2023], сетевая [Федорченко 2021: 3], культурно-языковая [Демидова 2016, Исканиус 2002], профессиональная [Каминская 2017, Брызгалин 2023], этническая [Науменко 2010], национальная [Енина 2017]. В настоящей работе интерес представляет непосредственно *национальная* идентичность, которая относится к фокусному типу идентичностей, а это значит, что относительно нее выстраиваются все другие идентичности [Демичев, Султанова 2018: 109].

Национальная идентичность понимается как относительно устойчивое, общеразделяемое представление граждан о своей стране и ее народе, а также чувство принадлежности к ним [Ачкасов 2012: 89]. Фундаментом идентичности выступают национальное государство и соответствующая национальная культура [Малахов 2001: 78–79]. Подобным же образом Н.Н. Трошина рассматривает национальное самосознание не только как осознание принадлежности к определенной нации, но и как совокупность представлений о ее истории, культуре, языке и положении в мировом сообществе [Трошина 2000: 53]. Национальная культура формирует своеобразное гравитационное поле, притягивающее субъектов к общим национальным культурным ориентирам [Akaliyski et al. 2021]. Исторические события, выдающиеся личности и достижения страны, или фоновые культурные знания, выступают символами национального единства, появление которых в медиакоммуникации способствует укреплению чувства принадлежности ее участников к обществу граждан страны и формированию национального самосознания.

Современные исследователи подчеркивают важность изучения национальной идентичности в условиях глобализации, поскольку соответствующие процессы порождают новые и новые вызовы для национального самоопределения [Ордокова, Хамурзова, Хунтхужева 2016; Герасимова, Ивахнов 2017]. Однако, как справедливо отмечает А.Г. Санина, государство продолжает служить необходимой основой для самоидентификации человека и построения цепочки его идентичности от *дома*

и малой родины до страны, таким образом позволяя ощущать связь с большим социальным целым [Санина 2012: 60]. Текущие изменения в мировом политическом ландшафте выступают катализатором возрастания интереса к проблеме национальной идентичности, что особенно проявляется в дискурсе многополярного мира, вызывающего сегодня широкий медийный резонанс.

Идентичность сообщается *речью* и имеет *дискурсивную* природу [Сандомирская 2001; Лаппо 2013: 27], поскольку, представляя себя или характеризуя других, мы неизбежно используем вербальные и невербальные знаки, приобретенные в ходе социализации и обусловленные нашим жизненным опытом, учитывая при этом прагматические особенности конкретной ситуации общения. Л.В. Енина подчеркивает, что дискурсивный подход к анализу идентичности смещает исследовательский фокус на семантические ресурсы, фигурирующие в дискурсах, в нашем случае — медиадискурсах, обладающие информацией об этой идентичности [Енина 2016]; то есть значение имеют не только речевые средства, но и комплексное смысловое содержание всего рассматриваемого речевого произведения, медиатекста, а также экстралингвистические факторы, так или иначе его определяющие. Например, фраза *я люблю свою Родину* приобретает разные значения в дискурсе предвыборной кампании и комментария к фотографии живописного пейзажа, а утверждение *N — враг народа* одновременно идентифицирует и актора N, и говорящего, который дистанцирует себя от первого [Проблемы конструирования... 2017: 23].

Заметим, что сторонники дискурсивного подхода считают необходимым исследовать не столько отражение идентичности в тексте, сколько непосредственно ее построение в самом дискурсе. В таком случае идентичность нельзя зафиксировать окончательно, а выводы исследований остаются валидными лишь для конкретных проанализированных дискурсов и временных периодов. Опираясь на позицию М.А. Лаппо, которая рассматривает идентичность как одновременно репрезентируемую и конструируемую в речи, представляется возможным утверждать, что выбор

между пониманием идентичности как фиксированного отражения социальных, культурных смыслов или как динамического процесса активного создания и перестройки смыслов [Лаппо 2014: 33] определяется конкретной исследовательской парадигмой, спецификой дискурса и культурного контекста, а также может реализоваться путем сочетания этих двух подходов.

Вместе с тем, важно принять во внимание замечание М.А. Лаппо о существовании двух основных форм вербализации идентичности в языке, а именно — выражения и описания. При этом описание идентичности выполняет номинативную функцию, то есть служит для называния ее обозначающих, тогда как выражение подразумевает выполнение экспрессивной функции [Лаппо 2014]. Номинативный аспект выражения идентичности проявляется через языковые маркеры ее присутствия в медиатексте. Мы вслед за И.В. Арнольд понимаем экспрессивность как категорию, усиливающую прагматический эффект высказывания, повышающую его коммуникативную значимость путем выражения субъективного отношения автора, его реакции на ситуацию и целенаправленного привлечения внимания адресата к содержательной стороне сообщения или отдельным его фрагментам [Арнольд 2002: 100]. При этом экспрессивность нередко сопровождается эмоциональным компонентом содержания [Комиссарова, Якупова 2018: 85]. Эпидейктические коннотации формируются на основе соотнесения языковых единиц с принятыми в культуре моделями поведения, стереотипами, культурно значимыми образами и традиционными ценностями, что демонстрирует социокультурную природу таких коннотаций [Токарев 2003: 58; Приходько 2015]. Поэтому оценочность и экспрессивность нередко сопровождают трансляцию национальной идентичности в медиатекстах.

Оценочность, реализуемая в том числе путем использования прецедентности, выступает универсальной характеристикой медиадискурсов и проникает во все уровни медиатекстов [Володина 2003: 15]. Актуализация оценочных суждений в медиадискурсе осуществляется посредством двух

эффективных коммуникативных стратегий: стратегии позитивной оценки (одобрение) и стратегии негативной оценки (неодобрение). Стратегия одобрения реализует свою цель через применение следующих коммуникативных тактик: выражение согласия с позицией собеседника, признание достоинств объекта оценки, демонстрация восхищения, публичная похвала. Стратегия неодобрения включает следующие тактические приемы: проявление недовольства объектом оценки, открытое порицание, использование сатирических иронических замечаний, аргументированная критика [Овчаренко 2020: 5]. Демонстрируя положительное или негативное отношение субъекта коммуникации к сообщаемому в тексте, она может проявляться как в эксплицитной, так и в имплицитной формах [Комиссарова, Якупова 2018: 85]. Эксплицитная оценка в тексте обозначается эмоционально-оценочной лексикой, тогда как имплицитная передается посредством метафорических конструкций [Там же]. Наряду с метафорой важным стилистическим инструментом имплицитной оценочности выступает ирония [Головня 2010], интегрируемая с целью реализации эмоционального воздействия на читателя за счет присвоения словам противоположного смысла [Куличенко, Курченкова 2023: 174]. При этом данные стилистические ресурсы могут служить как «эзоповизации» медиаречи, так и ее инвективизации. Е.Н. Овчаренко выясняет, что имплицитные средства отличаются бóльшим манипулятивным потенциалом [Овчаренко 2020: 5].

Медиадискурсы, транслируя социально значимые оценки, функционируют в рамках определенных ценностных ориентиров, которые обладают аксиологической значимостью и служат основанием оценивания [Абрамова, 2014: 17; Абушенко, 2019]. Современные авторы медиатекстов придают особое значение формированию ценностных представлений аудитории, что признают важной характеристикой деятельности первых [Цветова 2014: 11]. В этом контексте роль журналиста заметно усложняется: он формирует социально-культурный контекст и придает смысл

происходящим событиям, тем самым влияя на восприятие и интерпретацию окружающей действительности [Черных 2015: 67].

Таким образом, сегодня медиaprостранство представляется ключевой площадкой репрезентации и конструирования национальной идентичности, которая не статична, а обладает дискурсивной природой, то есть конструируется и реконструируется в ходе коммуникации. В медиатекстах национальная идентичность выражаются с помощью различных речевых средств — от номинативных маркеров до экспрессивных и оценочных конструкций. Ценности, транслируемые медиа, выступают в роли фундаментальных компонентов идентичности, задавая нормативные ориентиры для формирования коллективной картины мира. Теоретический обзор теперь представляется возможным переместить в свет ключевого, на наш взгляд, конститутивного свойства медиатекстов — интертекстуальности.

1.2 Роль интертекстуальности в конструировании политического медиадискурса

Национальная идентичность народа, в значительной степени опирающаяся на культурную память, актуализируется в тексте благодаря интертекстуальности. В текстах современных исследований, прежде всего, художественного, затем и медийного дискурсов, нередки такие термины, как *интертекстуальность*, *прецедентность*, *прецедентный феномен*, *интертекст*, *интертекстема* и пр.

Термин «интертекстуальность» был введен в научный оборот в 1967 году исследовательницей художественного, поэтического языка Ю. Кристевой в статье «Бахтин, слово, диалог и роман». Французская исследовательница вслед за своим учителем М.М. Бахтиным считает, что текст неотделим от истории и жизни общества. Текст представляет собой динамичный речевой процесс, бесконечный диалог между множеством существующих в культуре текстов. Авторы не создают свои тексты оригинальными, а конструируют их путем комбинирования и переработки

существующих текстов, создавая таким образом интертекстуальные связи, в результате чего всякий новый текст представляет собой продукт предшествующих текстов [Kristeva 1980: 36]. Интертекстовый диалог реализуется в двух плоскостях: на личностном уровне — посредством мировоззренческих установок, примеров личного опыта и коммуникативных намерений автора и адресата (и/или персонажа) рассматриваемого текста и на культурном уровне — как взаимодействие текста с культурой в целом, помещение его в глобальный культурный, исторический контекст [Кристиева 2000: 428]. Отметим, что такое взаимопроникновение создает условия для *полилога* в медиапространстве, в рамках которого наблюдается взаимодействие автора, аудитории и самого текста [Моисеенко 2021: 455].

Французский теоретик Р. Барт, современник М. Фуко, известный прежде всего, своей идеей о «смерти автора», в свое время позволившей революционно для научного дискурса вывести на первый план *адресата* речевого произведения как активного участника сотворчества системы смыслов, заложенной в данное произведение, уподобляет любой текст *ткани*, постоянно формируемой множеством переплетенных цитат, каждая из которых несет собственное значение и имеет собственную историю происхождения [Барт 1989: 515], что также примечательно демонстрирует явление интертекстуальности. Речевое произведение, согласно философу, следует *наблюдать*, воспринимать как непрерывный процесс подключения к разным культурным кодам, и следовательно, в широкой перспективе, к обществу и истории [Там же: 422]. При этом именно степень вовлеченности текста в культурный мир всех остальных произведений определяет его культурное значение [Allen 2000: 1].

Текст выступает зеркалом культурно-исторической памяти, запечатлевая специфику породившего его общества и раскрывая национальную идентичность. Интертекстуальность, таким образом, может вполне служить основой для изучения культурных аспектов современного политического медиадискурса.

1.2.1 Интертекстуальность: конститутивное свойство политического медиатекста

Для иллюстрации интертекстуальности Дж. Портер обращается к заключительной сцене романа У. Эко «Имя розы», где монах Адсон собирает обгоревшие фрагменты книг из разрушенной библиотеки [Porter 1986: 34]: *lesser library, a symbol of the greater, vanished one: a library made up of fragments, quotations, unfinished sentences, amputated stumps of books*. Эта сцена метафорически демонстрирует творческий процесс создания нового текста автором, который, подобно историку или археологу, восстанавливает смысл и порядок из разрозненных остатков прошлого, упорядочивает имеющиеся опыт и знания. У. Эко имплицитно описывает постмодернистскую концепцию интертекстуальности, согласно которой сущность любого текста заключается в бесконечном диалоге с культурным прошлым.

Идеи взаимосвязи текстов и их диалогичности восходят к Ф. де Соссюру, Р. Барту и М.М. Бахтину, однако непосредственно термин *интертекстуальность* был введен в научную литературу Ю. Кристевой. Исследовательница определила интертекстуальность как открытость текста, его цитатность и, как следствие, способность становиться частью глобального культурного и исторического контекста. Согласно ее трактовкам, всякий текст располагает языковыми сигналами, указывающими на его включенность в политекстовое пространство [Кристева 2000: 428]. Первоначально интертекстуальность рассматривалась как теория художественной литературы, однако и в современном медиапространстве она предстает фундаментальным свойством текстов. В условиях цифровизации использование так называемых «готовых интеллектуально-эмоциональных блоков» (термин Ю.Н. Караулова) приводит к расширению и усложнению интертекстуальных связей в медиатекстах и медиадискурсах. Интертекстуальность современных медиатекстов представляется возможным наблюдать на трех уровнях: содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом [Чернявская 2014].

Традиционно интерпретации феномена взаимной открытости текстов дифференцируют по двум ключевым моделям: широкой и узкой [Чернявская 2009: 11]. Широкая, или радикальная, идеологическая, модель представлена в работах постструктуралистов и семиотиков, в том числе основоположников рассматриваемой теории Ю. Кристевой, Ж. Дерриды, Р. Барта, которые заметили, что между новыми и существующими текстами имеет место разделяемое ими пространство, постоянно вбирающее накапливаемый культурный опыт. В их понимании интертекстуальность выступает неотъемлемым свойством любой литературной коммуникации, благодаря которому тексты находятся в постоянном взаимодействии и взаимном обогащении. Речевое произведение воспринимается комплексно как часть единого культурного процесса, а внимание акцентируется на глубинных семантических диалогах между произведениями. Узкая, более прикладная, на наш взгляд, модель подразумевает изучение конкретных текстов, которые содержат идентифицируемые отсылки к предшествующим текстам, а именно цитаты, аллюзии, реминисценции, парафразы (см. напр. работы Н.А. Кузьминой, В.В. Красных). Подобные маркеры интертекстуальности воздействуют на память аудитории, вызывая обусловленные контекстом ассоциативные связи и стимулируя интерпретацию, часто не лишенную творческого компонента.

В медиадискурсах интертекстуальность проявляется в различных формах. Как отмечает М. Фаррелли, важно различать явную интертекстуальность, то есть прямые цитаты, ссылки и аллюзии, и конститутивную, которая включает заимствование жанровых, стилистических и дискурсивных паттернов, формирующих структуру сообщения. Однако современный анализ не должен ограничиваться лишь фиксацией явных отсылок: принципиально важно выявлять и «отсутствия» — те элементы, которые намеренно или случайно не включены в текст, поскольку они могут быть не менее значимы для понимания дискурсивных стратегий. Кроме того, анализ интертекстуальности предполагает рассмотрение сетей

взаимосвязанных текстов (англ. *networks of inter-texts*) и их типичности для определенных социальных практик, что позволяет выявить модели обращения к тем или иным источникам. Интертекстуальность функционирует на уровне отдельных медиатекстов, на уровне медиадискурса, а также на полидискурсивном уровне через сети социальных практик и идеологий [Farrelly 2019: 2–4].

Американские исследователи Б. Отт и К. Уолтер рассматривают интертекстуальность как явление, в котором сбалансировано соотношение роли автора и аудитории текста: с одной стороны, интертекстуальность выступает как результат интерпретационной деятельности адресата, с другой — в качестве авторского стилистического инструмента [Ott, Walter 2000: 430]. Данный подход к пониманию явления, на наш взгляд, позволяет наиболее комплексно исследовать интертекстуальность на примерах современного медиаконтента.

Массив интертекстуальных маркеров, актуализируемый в процессе создания и восприятия текста как автором, так и читателем, К. Берк определяет как *символический аппарат* (англ. *symbolic equipment*) [Burke, 1973]. В свою очередь, Н.А. Кузьмина использует термин *интертекстуальный тезаурус* для обозначения индивидуально сформированной совокупности элементов, которые субъект воспринимает как «чужие» при знакомстве с некоторым текстом и наделяет статусом цитатных при создании собственных текстов [Кузьмина 2011], что подчеркивает специфику именно интертекстуальных связей в процессе смыслообразования.

Интеграция в медиатексты культурных референций побуждает реципиентов перемещаться от одного текста к другому, восстанавливая в памяти прежние случаи встречи с этими фрагментами культуры и осознавая их новые роль и значение в текущем контексте. Встречаются концептуально значимые дефиниции, такие как *интертекстуальная компетенция аудитории, читательская формация смыслов, интертекстуальное чтение* [Fiske 1989: 108], способствующие описанию роли аудитории в процессе

соконструирования текста. Исследователь в качестве примера интерпретационной деятельности аудитории обращается к названию комедийно-приключенческого телесериала *The A-Team*, интертекстуальному маркеру, который вписан в национальный литературный контекст [Fiske 1989: 87]. «А» здесь не только обозначает превосходство и первенство, ассоциируясь с оценкой «отлично», но также несет в себе более сложные символические коннотации, связанные с художественным произведением Н. Готорна «Алая буква», по сюжету которого она символизирует клеймо изгнания, социального маргиналитета. Название сериала намекает на высокое качество и эффективность действий команды и вместе с тем на их положение вне официальных институтов и норм, что придает образам персонажей двойственную природу — они и герои, и аутсайдеры. Знание и адекватная интерпретация аудиторией этого интертекстуального слоя заметно обогащает восприятие сериала в целом.

С другой стороны, очевидно, что автор медиапродукта действует *стратегически*, используя интертекстуальные маркеры в качестве стилистического инструмента привлечения читательского внимания и последующего вовлечения целевой аудитории в полилог. Подходы к работе с интертекстуальным тезаурусом Б. Отт и К. Уолтер дифференцируют по следующим категориям. *Пародийную аллюзию* авторы понимают как интертекстуальный прием, который, в отличие от пародии, не подразумевает критический или комический комментарий текста-источника, а служит усилению эстетического удовольствия аудитории через узнавание и сопоставление знакомых культурных образов, что предполагает активное участие реципиента и эксплуатации его культурой компетенции [Ott, Walter 2000: 436]. *Творческая апроприация* — интертекстуальный прием, при котором текст-реципиент частично или полностью заимствует фрагмент текста-источника с целью положительного или негативного комментария, а также для популяризации оригинала или его значения в культуре [Ibid.: 437]. *Саморефлексивные аллюзии* [Ibid.: 438], в свою очередь, сознательно

подчеркивают конструктивную природу повествования, комментируя методы подачи информации и процесс ее создания, напоминая аудитории о том, что, например, новость — это интерпретируемый и отобранный медиатекст, и таким образом способствует развитию критического восприятия.

Добавим, что авторские стратегии интертекстуальности уместно, на наш взгляд, рассматривать через призму идиостиля. *Идиостиль* заключается в речетекстовой специфике, творческой индивидуальности автора, стоящих за текстом проявлениях его личности, опыта и знаний [Болотнова, Котюрова 2014]. Например, идиостиль специального корреспондента газеты «Коммерсантъ» А. Колесникова отличается творческой переработкой интегрированных в аналитические тексты интертекстуальных маркеров путем семантического расширения. Тексты автора насыщены элементами интеллектуальной игры для вовлечения лояльной аудитории. Интертекстуальные отсылки А. Колесникова строятся на аллюзиях к советскому периоду и классическому литературному наследию, что придает его произведениям семантическую глубину и формирует интерактивный характер повествования [Наволоцкая 2023в: 207]. Следует отметить, что в данном случае идиостиль отдельного автора участвует в формировании имиджа медиаплощадки в целом.

Б. Отт и К. Уолтер также отмечают, что интертекстуальные маркеры востребованы реципиентами вне зависимости от авторской интенции, поскольку они предоставляют эмоционально-когнитивные ресурсы для навигации в условиях сложной информационной и социальной среды [Ott, Walter 2000: 440]. Проявление интертекстуальной компетентности также позволяет аудитории находить подтверждение своей причастности к определенным социальным группам и, следовательно, обособлять, укреплять свою национальную идентичность.

Единица фактической представленности интертекстуальности в текстовом полотне обозначается термином *интертекстема* и характеризуются стереотипностью, воспроизводимостью, частотностью и

стилистической маркированностью [Мокиенко, Сидоренко, 1999: 22]. М.Ю. Казак и А.А. Махова представляют интертекстему в более широком смысле, как родовое понятие, включающее две основные категории: *актуальные интертекстемы*, или традиционные цитаты наших современников, которые обеспечивают связь с современными источниками и актуальными событиями, делая текст более информативным и аргументированным; *культурологические интертекстемы*, отсылающие к широкому мировому и национальному культурному фонду [Казак, Махова 2015]. Такой подход позволяет систематизировать интертекстуальные единицы в зависимости от их новизны, устойчивости.

Если роль актуальных интертекстем заключается в обеспечении «содержательно-фактуального» слоя текста (И.Р. Гальперин), представляя «чужое» слово в виде прямой или трансформированной цитаты с опорой на глаголы говорения (например, «сказал», «заявил», «уточнил», «напомнил») [Кобозева, 2000: 263], то культурологические интертекстемы отвечают за создание образов, экспрессивных оценок, формируя «содержательно-концептуальный» (И.Р. Гальперин) слой медиатекста. Вторые выступают носителями лингвокультурологической ценности, то есть апеллируют к художественной литературе, искусству, историческому опыту человечества. В научной литературе данные интертекстемы обозначаются различными терминами, которые находятся в отношениях тождества, включения или частичного совпадения: *интертекст* (И.В. Арнольд, Г.В. Денисова, Н.А. Фатеева), *интертекстема* (В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко, Е.А. Попова), *текстовая реминисценция* (А.Е. Супрун, Г.Г. Слышкин), *прецедентный текст* (Ю.Н. Караулов), *прецедентный феномен* (Д.Б. Гудков, В.В. Красных), *речевые клише* (М.А. Кронгауз), *аппликации* (В.П. Москвин), *цитация* (Е.А. Земская), *цитатное письмо* (С.И. Сметанина).

Степень воспроизводимости и узнаваемости интертекстуальных знаков у аудитории варьируется, что приводит к их делению на *сильные* и *слабые тексты*. К сильным относятся те, которые обладают высокой

общеизвестностью и формируют ядро культурной памяти. Слабые тексты характеризуются вариативностью и динамичностью развития, занимая периферию культурной памяти. Кроме того, особое внимание уделяется *текстам влияния*, непосредственно воздействующим на аудиторию в настоящем времени и эффективно участвующим в конструировании современных медиадискурсов [Кузьмина 2011; Кузьмина 2009]. В качестве форм текстов влияния мы рассматриваем обозначенные Г.В. Денисовой *сильные интертексты*, то есть тексты, значимые в определенный исторический момент вне зависимости от их эстетического качества, и *слабые интертексты*, которые, в свою очередь, представляют «моментальные снимки ассоциативно-языкового сознания», формирующиеся «здесь и сейчас» под воздействием комплекса социальных факторов (например, интернет-мемы) [Денисова 2020: 103; Шомова 2019]. Сочетание вышеуказанных подходов подсвечивает связь между теорией интертекстуальности и теорией прецедентности. В рамках данного исследования прецедентность трактуется как разновидность интертекстуальности, характеризующаяся присутствием в тексте элементов предыдущих произведений [Слышкин, Ефремова 2004: 7]. Данный феномен тесно связан с концептами «сильных текстов» и «текстов влияния», которые выступают в роли культурно значимых и многократно воспроизводимых образцов в медиадискурсе.

1.2.2 Интертекстуальность и культурная память в медиа

Национальная идентичность формируется, консолидируется и сохраняется посредством использования различных, как правило, стереотипных источников традиции, коллективной памяти и культурного наследия [Чепайтене 2012: 82]. В этом контексте реализация интертекстуального тезауруса и интертекстуальной компетенции становится особенно значимой, поскольку она обусловлена как прагматикой коммуникации, так и речевой культурой говорящего. Следовательно, способность человека распознавать, интерпретировать и использовать

интертекстуальные маркеры в речевой деятельности напрямую связана с его воспитанием, образованием и в целом — культурным бэкграундом.

В наиболее широком понимании *культура* представляет собой исторически сформировавшуюся систему ценностей, норм, верований, обычаев, знаний, технологий и способов взаимодействия, передаваемых от поколения к поколению и характеризующих жизнедеятельность общества [Большая российская энциклопедия]. К основным функциям культуры традиционно относят репрезентацию духовно-практической деятельности человека, а также создание универсального контекста взаимодействия индивидов, что в современных реалиях осуществляется преимущественно посредством разнообразных медиа [Олешко 2020: 17–18].

Однако для сохранения и передачи таких сложных культурных систем необходимы особые механизмы, обеспечивающие преемственность и устойчивость коллективного опыта. Именно здесь на первый план выходит понятие *культурной памяти*, под которым сущностно понимают семиотическую систему, обеспечивающую трансляцию и актуализацию культурных значений, выходящих за рамки индивидуального опыта конкретного субъекта. Эта система поддерживается устойчивыми традициями и ритуалами, а также реализуется в различных знаковых формах, выполняющих функцию сохранения и воспроизводства культурного наследия [Репина 2003]. Трансляция элементов культурной памяти позволяет заново обретать, а иногда и «воскрешать» утраченные смыслы [Ассман 2004: 37–38]. Особенно важен вывод Я. Ассмана, автора рассматриваемого понятия, о том, что культурная память существует и сохраняется исключительно в процессах коммуникации между людьми. Если коммуникация прекращается или изменяются ее референциальные рамки — то есть те смыслы, на которые ориентируются участники коммуникации, — культурная память забывается и утрачивается [Там же].

Называя культурную память системой семиотической природы, необходимо обратиться к постулатам основателя Московско-тартуской

семиотической школы Ю.М. Лотмана, в частности, к определению им культуры через концепт памяти, а именно как коллективный интеллект, коллективную память, «надындивидуальный механизм» содержания, передачи текстов и производства новых [Лотман 1992: 200]. Ученый дифференцирует культурную память на память информативную и творческую, под второй имея в виду память искусства. Семиотический подход акцентирует внимание на значимости культурных констант — определенного набора устойчивых текстов культуры, по Б.М. Гаспарову «цитатного фонда» [Гаспаров 1996], формирующих единое смысловое пространство конкретного лингвокультурного общества.

Сегодня коммуникация во многом осуществляется через массмедиа, которые не только активно эксплуатируют ресурсы культурной памяти, но и значительным образом обогащают ее за счет формирования новых культурных смыслов, исходя из текущих повесток. Интеграция двух аспектов культурной памяти — ее *вечной* ипостаси, связанной с долговременным хранением и трансляцией укоренившихся смыслов, и *повседневной*, отражающей актуальные воспоминания, — обусловила возникновение соответствующего терминологического обозначения — *коммуникативно-культурной памяти* социума (В.Ф. Олешко). Несмотря на акцент, подчеркивающий важность коммуникации как необходимого условия сохранения и передачи культурной памяти, сосредоточимся на понятии *культурной памяти* и, вслед за В.В. Красных, будем понимать ее основой культурной идентификации [Красных 2012: 73].

Отметим, что сегодня трансляция и конструирование культурной памяти перестали быть прерогативой специалистов и теперь вовлекают всех заинтересованных пользователей онлайн-медиа в обсуждении политических тем. Онлайн-технологии способствуют интерактивности, доступности, полицентричности коммуникативных процессов [Коробейникова, Гиль 2010: 107], что создает благоприятные условия для активного и массового участия пользователей в формировании и распространении культурных смыслов.

Современные тенденции развития культурной памяти отражают устойчивые, общепринятые практики. К примеру, в материалах, подготовленных под эгидой Межправительственного совета Программы Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры «Информация для всех», упоминается, что в настоящее время процессы социализации, в том числе *гражданской вовлеченности*, преимущественно реализуются за пределами традиционной образовательной среды, а в производстве медиапродуктов способен участвовать практически любой пользователь глобального цифрового пространства [Медиа- и информационная грамотность ... 2013].

Исследование литературного капитала культуры приобретает сегодня особую значимость, поскольку оно отражает ключевую роль литературного наследия в формировании ценностных ориентиров и смысловых предпочтений аудитории различных медиа. Особенную динамику процессу придает *медиавнимание* [Фомичева 2017], которое играет ведущую роль в постоянном процессе воспроизводства и трансформации культурного капитала. Именно медиадискурсы формируют иерархию литературных образов и смыслов, закрепляя статус одних как центральных и значимых, тогда как другие оказываются вытесненными на периферию или со временем утрачиваются.

Поскольку культурная память, рассматриваемая нами в контексте национальной идентичности политической медиакommunikации, имеет дискурсивную природу, существенным представляется концепция типов речевой культуры как важнейших инструментов ее институционализации и преобразования в современном обществе. В.Е. Гольдин и О.Б. Сиротина выделяют пять типов речевой культуры, однако в рамках настоящего исследования предлагаем обратить внимание на два из них, релевантных заявленной проблематике. Так, *элитарный* тип понимается широким, осознанным использованием интертекстуальных маркеров, основанных на *классических* и культурно значимых прецедентных текстах, что способствует

глубокому погружению в культурный контекст и преемственности культурной памяти. *Среднелитературный* тип представлен обычно «интеллигентами в первом поколении» и большей частью образованной публики; характеризуется ориентацией на массовую культуру и популярную литературу. Исследователи указывают, что такая практика может снижать способность критически воспринимать интеграцию культурных знаков в текст [Сиротинина 2014: 686]. Подчеркивая важность общекультурной эрудиции, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров вводят понятие *облигаторности* для обозначения литературных произведений, которые обязательно должен прочитать каждый представитель определенного лингвокультурного сообщества [Верещагин, Костомаров 1990: 197], что подтверждает особое значение литературных интертекстуальных маркеров в культурном и коммуникативном пространстве. При этом тип речевой культуры определяет не только объем и качество используемых и воспринимаемых интертекстуальных маркеров, но и уровень вовлеченности акторов медиадискурса в процессы сохранения и трансляции литературного капитала культурной памяти.

Подчеркнем, что в состав *речевой культуры* входят не только функциональные, социальные разновидности языка в устной и письменной формах, но также особенности закрепленной в языке картины мира, подразумевающей совокупность зафиксированных языковыми средствами образов и знаний, которая формирует идиостиль носителей данного языка и служит ассоциативно-вербальным отражением действительности [Бернацкая 2014; Буров, 2008: 43]. Специфика языковой картины определяется лексемами-символами, метафорами, сравнениями, посредством использования которых в значительной степени осуществляется интерпретация происходящего [Фаткуллина, Сулейманова 2011: 1002–1005; Яковлева, 1996: 47–57].

Таким образом, культурная память, выступая символической, устойчивой системой передачи и актуализации культурных знаний,

реализуется сегодня преимущественно посредством медиакommunikации. Владение литературным культурным капиталом, характерное для элитарного и среднелитературного типов речевой культуры, играет важную роль в формировании авторской и читательской интертекстуальной компетенции и, следовательно, в поддержании культурной памяти и национальной идентичности общества страны в целом.

1.3 Прецедентика как инструмент реализации интертекстуальности

«Прошлое, выраженное в символах, тесным образом связано с эмоциональными ощущениями, присущими памяти, сохраняющей положительные эмоции, и с фантазией, которая придает прежним символам новые смыслы», — постулирует Е.Н. Шапинская [2023: 248]. Сущность прецедентного феномена, зафиксированная данным высказыванием, заключается в его способности обеспечивать связь нового текста с культурной традицией через актуализацию разделяемых обществом ценностей, эмоциональных коннотаций, что соответствует базовым параметрам интертекстуальности: прецедентные феномены выступают символами культурной памяти и способствуют семантическому обогащению текста.

В заголовке настоящего раздела и далее в тексте диссертационной работы мы используем не столь широко употребляемый термин «прецедентика», подразумевая под ним само использование в речи прецедентных феноменов, их контекстуальную реализацию. Терминологический статус *прецедентики* целесообразно подкрепить ссылкой на коллективную монографию исследователей из Санкт-Петербурга «Прецедентика в тезаурусе языковой личности» (2023), которая представляет результаты масштабного комплексного исследования, в частности проблемы восприятия литературной прецедентики в молодежной среде, выполненного при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. В дальнейшем мы не раз обратимся к материалам данной монографии как к важному теоретическому источнику.

Лингвокультурологический подход подразумевает непрерывное взаимодействие знаковых систем языка и культуры [Костомаров 2001: 37]. Прецедентные феномены выступают «языковым инструментом» культуры [Маслова 2001: 30], то есть под ними мы будем понимать знаки, насыщенные культурной информацией и активно участвующие в создании национального культурного пространства.

1.3.1 Определение прецедентных феноменов

В научной литературе обсуждение проблемы прецедентности началось с понятия *прецедентного текста*, введенного Ю.Н. Карауловым. Автор рассматривает прецедентные тексты в рамках коммуникативной деятельности языковой личности и в качестве основных свойств таких текстов отмечает *хрестоматийность* и *общеизвестность*: языковая личность «живет в мире текстов», усваивает их в ходе школьной программы, в процессе социализации, и эта осведомленность позволяет личности принадлежать к данному обществу, эпохе и культуре. Эти два свойства обуславливают еще одно — *реинтерпретируемость*, то есть прецедентный текст, будучи фактом культуры, имеет тенденцию приобретать интерпретации у новых и новых поколений. Прецедентными текстами Ю.Н. Караулов признает и невербальные произведения архитектуры, музыки, изобразительного искусства и т.д. Лингвист также отмечает *временную непостоянность* прецедентных текстов: какие-то могут устаревать, выходить из употребления, а другие наоборот — появляться; в зависимости от потребностей языковой личности [Караулов 2010: 216–218].

Ю.Н. Караулов выделяет три способа бытования прецедентного текста, включая *натуральный* (полное восприятие), *вторичный* (жанровые трансформации) и *семиотический* (частичное выражение прецедентности намеками), а также определяет и некоторые формы прецедентности, в том числе название текста, имя автора, имя персонажа и цитату, демонстрируя таким образом возможность эмпирического подтверждения теории

прецедентности. На предмет наличия прецедентных текстов ученый, в частности, исследует дискурс речи персонажа В. Карманова в романе советского писателя Р.Т. Киреева «Подготовительная тетрадь»; используем один из текстов в качестве примера прецедентного имени автора: *Что Достоевский! Этажные администраторы гостиниц — вот лучшие психологи мира!*¹ Лингвист поясняет данную апелляцию к личности драматурга тем, что Достоевский — эталон «психолога в превосходной степени», который мастерски раскрывает тайны человеческой души, анализируя сложные внутренние миры своих персонажей [Там же: 222]. Семантическая интеграция прецедентного имени обеспечивает компактное, экспрессивное выражение идеи героя, позволяя ему при этом достигнуть высокой степени коммуникативной точности.

В этой связи следует отметить позицию Д.Б. Гудкова, поддержанную Н.А. Кузьминой, согласно которой превращение интертекстуального знака в прецедентный сопровождается редукцией содержания исходного культурного объекта. Исследователи выражают обеспокоенность тем, что в результате теряется диалектичность культурного материала, а вместе с тем — богатство смысловых оттенков. Тенденция способствует закреплению поверхностных, стереотипных образов [Кузьмина 2011]. В рамках второй и третьей глав работы мы обсуждаем, как ведущие информационные медиаресурсы России и Великобритании активизируют *образовательный* потенциал интеграции прецедентных текстов из сферы-источника «литература» в свой контент, что, на наш взгляд, представляется справедливым рассматривать как свидетельство более позитивной динамики в сохранении культурного разнообразия современными медиа. Следует также учитывать известную закономерность: чем более упрощенным представляется код, тем шире охват аудитории [Meurowitz 1994: 52], что особенно актуально в контексте стратегически выстроенной медийной коммуникации политической направленности.

¹ Р.Т. Киреев «Подготовительная тетрадь», с. 43. URL: <https://www.litlib.net/bk/249028/read/8>

Впоследствии теория Ю.Н. Караулова получила серьезное развитие, прежде всего, благодаря работам представителей московской школы, в частности исследователей В.В. Красных, Д.Б. Гудкова и И.В. Захаренко. В их публикациях источники прецедентных текстов перестали ограничиваться исключительно произведениями классической литературы и религиозных текстов. По утверждению Д.Б. Гудкова, статус прецедентных феноменов присваивается исключительно тем единицам, которые, обладая высокой степенью когнитивной значимости, находят свое вербальное воплощение в языке [Гудков 2003а: 104–105]. Возникла необходимость введения обобщающего термина для обозначения примеров прецедентности — *прецедентный феномен*. Данный термин представляется нам наиболее адекватным в качестве родового понятия, позволяющего в дальнейшем конкретизировать обозначения конкретных маркеров прецедентности в зависимости от их типологической принадлежности.

Согласно исследованиям Ю.Н. Караулова [Караулов 2010: 218–219], В.В. Красных [Красных 2003: 369], Д.Б. Гудкова [Гудков 2003а: 118] и И.В. Захаренко [Захаренко 2017], прецедентным считается феномен, который отвечает следующим признакам: известен всем членам конкретного лингвокультурного сообщества (или как минимум большинству) и обладает общим, обязательным для представителей этого сообщества инвариантом восприятия, сформировавшимся на основе национально детерминированного ментально-лингвального комплекса; актуален в когнитивном и эмоциональном планах, что всегда обусловлено содержанием текста-реципиента; регулярно воспроизводится в речевых практиках представителями данного сообщества.

Совокупность источников прецедентных феноменов конкретного лингвокультурного сообщества получила обозначение *когнитивной базы* [Красных 1997: 130]. Д.Б. Гудков понимает под ним интегрированную систему общезначимых для большинства представителей определенного лингвокультурного сообщества знаний и ментальных репрезентаций;

основополагающими компонентами такой базы выступают не индивидуальные познания отдельных лиц относительно культурных феноменов, а универсальные паттерны восприятия объектов, закрепившиеся в коллективном сознании нации [Гудков 2003а: 98]. Уровень осведомленности о прецедентных феноменах в таком случае рассматривается как критерий принадлежности к той или иной культуре, в то время как недостаток подобного знания может стать причиной изоляции от данной культурной среды [Караулов 1987: 216]. Для определения прецедентного феномена также важно подчеркнуть, что в интертексте он представляет собой всегда репрезентированное включение [Чернявская 2014: 79]. Именно видимость и, следовательно, эффективная декодируемость таких включений позволяют читателям распознать их значимость в контексте речевого произведения, в частности, медиатекста, что способствует семантическому углублению восприятия, интерпретации содержания текста.

Одним из ключевых вопросов, возникающих при определении прецедентности как коммуникативной категории, есть выбор между широким и узким пониманием данного термина. В первом случае подразумевается включение в перечень прецедентных феноменов речевых клише «от поговорки до сказки» [Пермяков 1970], основанием чему служат когнитивно-эстетическая ценность, регулярная воспроизводимость подобных единиц [Рождественский 1970]. Однако при изучении сущности маркеров прецедентности важно помнить, что помимо репродуктивности, стереотипности, неотъемлемой составляющей выступает прототипичность, то есть присутствие исходного образа, на основе которого формируются последующие модификации [Красных 2003]. Соответственно, идентификация прецедентного феномена предполагает поэтапное выполнение процедур: сначала происходит распознавание феномена, затем устанавливается его связь с определенным культурным контекстом, то есть определяется набор присущих ему культурных коннотаций [Глазков 2000: 37]. Узкое понимание сокращает количество прецедентных феноменов, отвергая, например,

пословицы, поговорки и фразеологизмы, зачастую не имеющие определенного источника. И все же данный вопрос остается полемичным, так как смыслы в пословицах и поговорках также могут иметь прототипическую основу, однако при этом ее отличает бóльшая архаичность по сравнению, например, с крылатыми выражениями. Так многие общеизвестные цитаты книжного происхождения постепенно приобретают характеристики пословиц. Основываясь на этих фактах, отдельные ученые предлагают включить в категорию прецедентных феноменов пословицы, поговорки и фразеологизмы, не имеющие однозначного текстового источника [Ворожцова 2006, Красных 2003, Милосердова 2004 и др.]. В настоящем исследовании анализируются все примеры использования прецедентных феноменов с *литературной атрибуцией*, представленные в базе эмпирического материала, — независимо от степени их автономности по отношению к тексту-источнику.

Прецедентный феномен характеризуется специфической внутренней организацией, в которой выделяются ядро и периферия. *Ядро* составляют дифференциальные признаки, обладающие наибольшей частотностью апелляции в коммуникативных актах; именно эти признаки формируют инвариант восприятия и первыми актуализируются в сознании реципиента при декодировании сообщения. Внутри ядра различают центр и периферию: центральные компоненты регулярно воспроизводятся в дискурсе, тогда как периферийные, несмотря на сравнительно низкую частотность обращения, обеспечивают однозначное и адекватное понимание при их актуализации. Периферийные атрибуты представляют собой факультативные элементы, способствующие более детализированной репрезентации феномена в контексте, хотя и не являющиеся обязательными для его идентификации [Красных 2003: 198]. Таким образом, структура прецедентного феномена интегрирует устойчивые и вариативные аспекты восприятия, отражая динамику его функционирования в медийной коммуникации.

Ключевой особенностью современных изысканий выступает систематический анализ функционирования прецедентных феноменов в

разнообразных дискурсивных средах. В частности, их функционирование рассматривалось в политическом (Е.А. Нахимова, О.А. Ворожцова, Н.Н. Воропаев), художественном (И.А. Воронцова, С.В. Банникова), публицистическом (Л.Э. Рогозина, Е.И. Карташева), юмористическом (Ю.В. Шурина, А.А. Проскурина), рекламном (С.Л. Кушнерук) и кинематографическом (Е.В. Скворцова) дискурсах, а также в ряде других коммуникативных контекстов. Внимание уделяется прагматическому аспекту, отражающему особенности языковой личности, обращающейся к данному феномену, в том числе ее контекстуальные намерения, мотивацию и мировоззренческие установки [Прохоров 1996: 156].

Г.Г. Слышкин рассматривает прецедентнику в рамках обособившегося *культурологического* направления, согласно которому внимание сосредотачивается на значении прецедентных феноменов в отношении к национально-культурной памяти и механизмах передачи смыслов в лингвокультурном сообществе посредством прецедентики. Прецедентные феномены в данном случае трактуют как специфические *концепты*, которые входят в коллективное сознание, формируются под влиянием культуры и получают выражение в языке [Слышкин 2000: 9]. В своем многообразии они, как правило, формируют прецедентную концептосферу — совокупность концептов, ориентированных на утверждение уникальности и культурной значимости отдельных объектов и способствующих успешной коммуникации в силу своей иллюстративности [Слышкин 2004: 116].

В ходе развития данного направления было введено понятие *прецедентного мира*, которое понимается как совокупность прецедентных феноменов, объединенных не только хронологической и пространственной сопряженности, но также общностью смысловых связей; как единая сфера-источник для неограниченного числа сфер-мишеней [Кабанков 2017: 39]. В данном контексте сфера-источник представляет собой собственно прецедентный культурный маркер или совокупность таких маркеров, а сфера-мишень охватывает постоянно расширяющееся множество контекстов-

интерпретантов [Там же: 39], к которым, в частности, относятся иницирующие сетевое общение медиатексты. При этом в качестве основы, знакового ядра для оформления прецедентного мира могут выступать различные культурные и социальные явления, например, историческая эпоха или событие, художественное произведение, сферы искусства (например, литература), политическая деятельность, известная личность. В качестве показательных примеров подобных лингвоконцептологических образований можно привести следующие прецедентные миры: Великая Отечественная война [Лавриненко 2007], комикс-культура русского рэпа [Шмелева 2023b], прецедентные миры Ф.М. Достоевского [Ремчукова, Кузьмина 2022б], Дж. Р.Р. Толкина [Сидорова 2012], В. Высоцкого [Кабанков 2017].

Описание функций прецедентных феноменов представляется нам еще одним важным для их анализа аспектом. Существует множество подходов к дифференциации функций прецедентных феноменов, которые, как показывает анализ соответствующей научной литературы, во многом зависят от предмета и объекта исследования. Функциональное разнообразие представлено в рамках шести основных, на наш взгляд, групп функций и для удобства отражено в Таблице 1.

Обнаруженные функции мы предлагаем сгруппировать следующим образом. Номинативную функцию, согласно Э.М. Аникиной и другим исследователям, целесообразно переосмыслить как *смыслообразующую*, поскольку процесс называния должен, на наш взгляд, рассматриваться шире — как формирование дополнительного семантического слоя в ходе дискурсивного взаимодействия текущего сообщения и культуры. Прагматическую функцию считаем актуальным рассматривать как реализацию любых авторских интенций [Гришаева 2008: 121], поскольку в медиадискурсе всякое речевое высказывание несет стратегическую нагрузку. Эстетическую функцию предлагаем интерпретировать через описание использования языковых средств, так как прецедентные феномены привлекают внимание не только содержанием, но и стилем обращения. К

реализации эстетической функции, в частности, относится трансформация прецедентных феноменов в зависимости от содержания текста-реципиента. Оценочная функция тесно связана с манипулятивными аспектами коммуникации, которые требуют отдельного анализа. Кроме того, необходимо обозначить самостоятельную консолидирующую функцию, которая, в свою очередь, отражает вклад прецедентных феноменов в формирование идентичности общества (по В.Н. Базылеву и другим исследователям), становление и укрепление доверия между автором и аудиторией, а также создание публичного имиджа, что имеет особое значение в контексте политического медиадискурса. Более подробный анализ функциональной реализации прецедентности представлен в третьей главе диссертации.

Заметим, что медийная информация, согласно диаде В.Г. Костомарова о публичной речи [Костомаров 1971: 88], направлена на решение следующих задач: привлечение и удержание внимания адресата, а также обеспечение ясности и однозначности формулировок текста. Прецедентные феномены в этом отношении, с одной стороны, выступают как важные инструменты оформления экспрессии текста, с другой — представляют собой словесные образы, широко известные получателю. В связи с этим представляется вполне обоснованным акцентировать внимание на актуальности изучения прецедентных феноменов именно в медийной среде.

Одна из особенностей русской культуры заключается в ее литературоцентричности [Караулов 1987, Денисова 2003, Гудков 2003а, Кондаков 2005]. Это проявляется в преимущественном обращении к словесно-художественной форме творчества, вследствие чего литература оказывается центральной составляющей интеллектуальной жизни общества, а остальные области культуры зачастую воспринимаются сквозь призму литературных традиций, например: *Он юный, светлый, он герой // Он поднял голову Медузы // Стальной, стремительной рукой*².

² Н.С. Гумилев. Стихотворение «Персей (Скульптура Кановы)» из: Стихотворения и поэмы. Ленинград: Сов. писатель (1988 г.). С. 229.

Таблица 1. Функциональное разнообразие прецедентики в рамках шести обобщенных групп функций.

Группа функций Авторы классификаций функций	Образования смысла: функции называния, обозначения	Оценочная: выражение оценки, отношения говорящего	Консолидирующая: обеспечение групповой принадлежности, формирование социального единства	Прагматическая: воздействие на адресата, управление его восприятием	Эстетическая: языковая игра, художественное оформление, выражение эмоций	Создание, трансформация имиджа
Ю.Н. Караулов (1987)	Номинативная, ф. цитирования референтная	Референтная	Референтная (наращивание духовного заряда)	-	-	-
Б.В. Гудков (2003б)		Оценочная	Парольная		Экспрессивная	-
Г.Г. Слышкин (2000)	Номинативная		Парольная	Персуазивная	Людическая (игровая)	-
Е.А. Нахимова (2007)	Смыслообразующая, моделирующая	Ф. оценки	Парольная	Прагматическая эвфемистическая	Эстетическая, людическая	-
О.А. Ворожцова (2007)	Когнитивная (номинативная, моделирующая, гипотетическая)	Когнитивная (оценочная)	Коммуникативная	Прагматическая	Эстетическая (изобразительная, экспрессивная)	-
А.А. Филинский (2002)	Референтивная	Оценочная	Опознавательная		Поэтическая	-
В.Н. Базылев (2005)	-	Оценочная	Идеологическая, консолидирующая	-	Экспрессивная	-

С.И. Сметанина (2002)	Ф. интеллектуализации, интеграции в общеисторический, культурный контекст	-	-	-	-	-
Н.И. Клушина (2002)	-	Ф. экспрессивной игры со словом	-	-	Ф. экспрессивной игры со словом	Ф. создания положительного / отрицательного портрета
М.В. Терских (2003)	-	-	-	Персуазивная, ф. авторитетности, аттрактивная, делимитативная	Эстетическая	Имиджеобразующая
Э.М. Аникина (2004)	Смыслообразующая, ф. аккумуляции информации	Выражение авторского отношения к сообщаемому	Ф. парольного обращения	Ф. убеждения	-	-

Несмотря на то, что некоторые ученые считают необходимым рассматривать разнообразные источники прецедентных текстов, включая мифологию, народную поэзию, религиозные писания и публичные выступления [Караулов 1987: 216], большинство исследователей сходятся во мнении, что основная масса прецедентных феноменов возникает именно в беллетристике, будь то классическая русская проза, советская драматургия или мировые литературные образцы [Караулов 1987: 217, Кушнерук 2006].

Научные исследования свидетельствуют о том, что распределение источников прецедентных текстов строится на традиционной бинарной оппозиции между социальными и литературными источниками [Нахимова 2005: 103]. Такой подход опирается на понятия вертикальных социологического и литературного контекстов, введенных О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенетом (1997), которые предложили деление прецедентных текстов на филологические и социально-исторические, фиксируя связь первых с литературой, а вторых — с историческими процессами и общественными явлениями. Дополнительная градация осуществляется с учетом историко-национальных особенностей или жанровой специфики прецедентного текста [Слышкин 2004; Фоминых 2002]. В частности, А.Е. Супрун выделяет библейские сюжеты, античную мифологию, русский фольклор, популярную музыку и политические тексты как значимые источники реминисценций³ [Супрун 1995: 25–27]. Особое внимание уделяется детской литературе и поэзии, играющим важную роль в формировании прецедентных феноменов [Слышкин 2004]. Классические и близкие к ним произведения русской и зарубежной литературы, включая Священное Писание, образуют отдельную крупную группу источников прецедентности [Там же]. Сходное агрегирование русскоязычных, иностранных, религиозных прецедентных текстов отмечается

³ Термин «текстовая реминисценция» синонимичен «прецедентному феномену»: А.Е. Супрун обозначает им заимствования фрагментов ранее созданных текстов, чаще всего известных и авторитетных литературных произведений; они используются осознанно или бессознательно, в точном или преобразованном виде, перенося смысловую нагрузку первоисточника в новый контекст [Супрун 1996: 17].

и в исследовании М.О. Фоминых, посвященном феномену прецедентности в пространстве русского постмодернистского искусства [Фоминых 2002]. Особого внимания заслуживает выделение отдельной категории художественных произведений советского периода, отличающихся высокой степенью значимости и влияния на современную литературу. В кандидатском диссертационном исследовании С.Л. Кушнерук, основанном на анализе рекламных публикаций и направленном на сопоставительное изучение функционирования прецедентных имен в российских и американских рекламных коммуникациях, область художественной литературы представлена делением на русскую, западноевропейскую и американскую литературу; автор подчеркивает доминирующее значение обращения к литературным источникам в российском рекламном дискурсе, тогда как американские специалисты преимущественно используют кинообразы, отводя художественному слову второстепенную роль [Кушнерук 2006].

Источником прецедентных явлений в настоящем исследовании являются литературные произведения как классической, так и современной эпохи, поскольку они воплощают культурные архетипы и представляют собой отражение исторических реалий своего времени. Религиозные тексты не включаются в поле анализа ввиду их универсального характера, выходящего за рамки задач настоящего исследования, тогда как индивидуально созданные художественные произведения позволяют выявлять специфику прецедентных феноменов в контексте определенной лингвокультуры.

Основываясь на указанных признаках, прецедентный феномен в условиях медиакоммуникации представляется возможным определить как стереотипную, частотную, маркированную и, следовательно, узнаваемую в тексте лингвокогнитивную единицу. Она воплощает культурную память языкового сообщества, формируя национально значимый контекст актуальной проблематики, что способствует эффективной трансляции смыслов от автора к читателям.

1.3.2 Типы прецедентных феноменов

Фонд прецедентных феноменов традиционно дифференцируют на прецедентные тексты, высказывания, имена и ситуации. Так, прецедентный *текст* — законченный, самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, обладающий (поли)предикативной структурой и сложной знаковой природой, хорошо знакомый среднему представителю лингвокультурной среды [Прохоров 2016: 151]. К прецедентным текстам относятся библейские произведения, мифы, произведения художественной литературы и кино, устное народное творчество. Д.Б. Гудков выделяет особое значение художественных произведений среди прецедентных текстов русского языка, отмечая их сильное воздействие на коммуникативное поведение носителей русского языка. Анализ одной и той же художественной литературы разными культурами обнаруживает значительные различия в понимании и интерпретациях, наглядно показывая специфику коллективного сознания и мировосприятия представителей различных лингвокультурных сообществ [Гудков 2003а].

Прецедентное *высказывание* представляет собой самодостаточную речевую единицу, которая может быть как предикативной, так и непредикативной, и представляется сложным знаком, смысл которого выходит за пределы суммы значений его компонентов. Несмотря на изъятие из первоначального контекста, например, прецедентного текста или ситуации, высказывание сохраняет свою смысловую и эстетическую ценность [Захаренко и др. 1997: 83]. Примерами выступают афоризмы, фразеологизмы, широко известные цитаты. Последние могут быть собственно цитатами в традиционном понимании, воспроизведением текста с помощью одной или нескольких фраз [Гудков 2003а: 107].

Прецедентная *ситуация* представляет собой общеизвестное событие, социально маркированное по критериям исторической значимости, конфликтности и выраженной эмоциональной окраски (например,

трагичности, комичности), обладающее *эталонным* статусом, обусловленным процессуальностью и значимыми последствиями [Захаренко и др. 1997: 83], что позволяет использовать его в качестве инструмента оценки современных событий и выражения отношения к ним в медиадискурсе. Д.Б. Гудков здесь напоминает о сцене предательства Иудой Христа как примере «идеального» предательства вообще. При этом символическим потенциалом отличаются и соответствующие ситуации дифференциальные признаки, атрибуты: *награда за предательство, донос, 30 серебрянников* и др. [Гудков 2003а: 107–108].

В этой связи в научную дискуссию также вводится понятие *символа* прецедентного текста или ситуации, которое выражает идею о том, что для выстраивания общей картины достаточно одного символического элемента. Это связано с тем, что прецедентные феномены не всегда могут быть воспроизведены в полном объеме при переносе в новые контексты ввиду сложной структуры и культурной насыщенности [Захаренко и др. 1997: 83].

В свою очередь, прецедентное *имя* функционирует как широко узнаваемое имя собственное, которое в коммуникативном аспекте выступает не просто как идентификатор конкретного субъекта, объекта или события, но прежде всего как своего рода совокупность определенных социокультурных характеристик, исторических нарративов и судеб [Нахимова 2007: 4]; ресурс ономастикона метафорически употребляют для обозначения лица, обладающего чертами, присущими «оригинальному» носителю задействованного имени собственного. Согласно точке зрения В.М. Воловой, прецедентные имена включают все «социально значимые» имена, к которым в рамках определенной лингвокультурной общности сформировано относительно единообразное отношение [Волова 2016: 84]. Нередко прецедентные имена задают «пантеон героев и злодеев» [Гудков 2003а: 147]. Согласно мнению В.В. Красных, прецедентное имя представляет собой единицу, которая связана либо с широко известным текстом (например, *Печорин, Теркин*), либо с прецедентной ситуацией, воплощенной в образах исторических деятелей (*Иван Сусанин, Алексей Стаханов*) [Красных 2002:

172]. В отличие от прочих типов прецедентных феноменов, прецедентные имена сохраняются в когнитивном пространстве индивида как сугубо вербальная единица, дополняемая совокупностью характерных свойств и атрибутов, придающих данному имени статус прецедентности [Будаев 2020: 53]. Согласно И.В. Гайдук, концептуальный инвариант прецедентного имени обязательно включает какую-либо прецедентную ситуацию, что позволяет исследовательнице разграничить понятия прецедентного имени и метафоры [Гайдук 2016]. Можно заключить, что именно отсутствие непроходимой границы между типами прецедентных маркеров позволяет рассматривать их отдельно от данного тропа.

Следующая форма типологизации базируется на степени универсальности прецедентных феноменов и широте охвата акторов, ими оперирующих. В.В. Красных выделяет следующие группы. *Социумно-прецедентные* феномены знакомы представителям конкретных социальных групп или профессиональных сообществ и входят в коллективное когнитивное пространство. *Национально-прецедентные* феномены характерны для среднего представителя национального лингвокультурного сообщества и формируют национальную когнитивную базу; примерами служат культурно значимые тексты и имена, отражающие национальную картину мира. *Универсально-прецедентные* феномены обладают общечеловеческой известностью и входят во всемирное когнитивное пространство [Красных 2002: 50–51]. Однако выявление универсальных характеристик феноменов представляется достаточно проблематичным и нуждается в дополнительном социологическом обосновании. По нашему убеждению, в данной ситуации уместнее оперировать термином *международно-прецедентных феноменов*, то есть феноменов, знакомых представителям различных национальных культур, располагающим достаточным уровнем энциклопедических знаний, включающих представления о нескольких лингвокультурах [Михайлова 2003: 50]. Г.Г. Слышкин, расширяя данную классификацию прецедентных феноменов, предлагает выделять также феномены с более ограниченным

охватом, например, семейные прецедентные тексты или тексты, характерные для студенческих групп [Слышкин 2000: 24].

В рамках исследования прецедентных феноменов важным аспектом выступает их классификация на основе уровня институционализации и степени осознанного усвоения индивидом. Данная классификация позволяет выделить две основные группы: *канонизированные* и *неканонизированные* прецедентные феномены [Красных 2001]. Канонизированные представляют собой элементы хрестоматийного бэкграунда индивида, то есть знания, усвоенные посредством целенаправленного обучения. К неканонизированным относятся феномены, которые преимущественно используются в неофициальном общении и устной речи. Как правило, они усваиваются индивидом неосознанно. Источниками неканонизированных феноменов могут служить популярные телепередачи, комедийные выступления, а также литературные произведения, не относящиеся к классической литературе. Такие феномены, как правило, не сохраняются в качестве прецедентных на длительный срок.

Кроме того, взяв за основу жизненный цикл прецедентности, Г.Г. Слышкин акцентирует внимание на феноменах прецедентности, обусловленных *текущим моментом* (происходит от термина Т.В. Шмелевой «ключевые слова текущего момента»), то есть на текстах, которые приобретают статус прецедентных в течение относительно короткого временного интервала и исчезают из активного употребления до смены поколения носителей языка (например, рекламные ролики) [Слышкин 2000: 29]. Такие тексты, несмотря на временную ограниченность своего бытования, обладают устойчивым ценностным потенциалом, выполняя роль значимых ориентиров предшествующего опыта, позволяющих эффективно интерпретировать актуальные события, что объясняет их повторяющиеся обращения в современной медийной среде.

Поскольку успешное использование прецедентных феноменов непосредственно зависит от их содержательной релевантности для

лингвокультурного сообщества в конкретный момент его исторического развития [Привалова 2005: 234], выделяют также *вневременные* и *темпоральные* прецедентные феномены [Там же]. Н.Н. Воропаев замечает, что динамика общественных отношений, трансформация социальных условий, пересмотр моральных ценностей, а также исчезновение одних и появление других понятий обуславливают изменчивость прецедентного состава [Воропаев 2007: 58]. Отметим, что к вневременным представляется возможным отнести *знаки высокой культуры* [Ремчукова, Кузьмина 2022а], классические символы, чья ценность не вызывает сомнений, служат индикаторами высокого культурного уровня как говорящего, так и воспринимающего, и их использование часто иллюстрируется примерами из произведений классической художественной литературы.

Рассматривая классификации форм интеграции прецедентных феноменов в новые тексты, важно обратиться к работе Г.Г. Слышкина (2000), в которой выделяются пять основных способов апелляции к прецедентным текстам: *упоминание* — прямое, то есть нетрансформированное воспроизведение языковой единицы, являющейся именем концепта прецедентного текста, например, заглавия произведения или имени автора; *прямая цитата* — дословное воспроизведение части текста в дискурсе; *квазицитация* — воспроизведение части или всего текста в умышленно измененном виде; *аллюзия* — соотнесение предмета обсуждения с ситуацией или событием, описанным в определенном тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, то есть на содержательном уровне; *продолжение* — создание самостоятельного литературного произведения, действие которого разворачивается в «воображаемом мире», уже известном носителям культуры из произведений другого автора, мифологии или фольклора [Слышкин 2000: 36–40]. Возможность выбирать между прямым упоминанием, цитированием, квазичитированием, аллюзией или продолжением позволяет адаптировать прецедентные тексты к конкретным коммуникативным задачам.

Представленная выше система типологий не претендует на отражение всего многообразия прецедентики, однако в большинстве работ рассматривается как базовая, с чем мы не можем не согласиться. Вместе с тем процесс дифференциации прецедентных феноменов продолжается и выражается в их детализации, расширении рубрикации, что свидетельствует о динамичном развитии теории прецедентности. Например, помимо традиционно выделяемых прецедентных имен, текстов, высказываний и ситуаций, в научной литературе все чаще встречаются такие категории, как прецедентное событие, прецедентный поступок, прецедентный знак, прецедентный концепт, прецедентный визуальный образ, прецедентное изображение, прецедентный жест, прецедентное звучание, прецедентный архетипический концепт [Нахимова 2018], прецедентная личность [Черноморец 2010].

Опираясь на представленные данные, скомпилируем базисные параметры для определения типа прецедентного феномена следующим образом: категория исходной единицы, степень универсальности и охвата субъектов, уровень институциализации, длительность партиципации в новых контекстах и форма актуализации. В медиатекстах типы прецедентики неизбежно уплотняются, в результате чего имеют место сложные лингвокогнитивные конструкции, и это обуславливает возрастание роли творческого потенциала автора, который посредством осознанного выбора, комбинирования прецедентных феноменов создает новые смысловые, эстетические значения. Для адекватного восприятия и интерпретации подобных конструкций требуется определенный уровень культурной, когнитивной компетентности со стороны адресата, что предполагает наличие обширных фоновых знаний и способности, готовности к распознаванию интертекстуальных связей.

ВЫВОДЫ

Резюмируя первую, реферативную, главу настоящего исследования, обозначим следующее. Медиалингвистика как самостоятельная научная дисциплина исследует функционирование языка в сфере массовой коммуникации, уделяя особое внимание специфике медиадискурса и медиатекста как базовых объектов своего анализа.

Медиадискурс представляет собой совокупность взаимосвязанных медиатекстов, которые можно сгруппировать по хронологическим или тематическим признакам. Признаки сетевого медиадискурса, как и его основной структурной единицы — медиатекста, проявляются комплексно и образуют единую систему, направленную на эффективное производство и потребление контента в современном мире; основными выступают следующие: массовая направленность, интерактивность, динамичность, диалогичность и интерсубъективность, эвокативность, гипертекстуальность, мультимедийность, интертекстуальность, политико-аксиологическая природа, полифункциональность. Медиатексты также отличает жанровое разнообразие и полиинтенциональность. Медиадискурс оказывает существенное влияние на восприятие окружающей действительности, активно участвуя в создании и поддержании коллективной идентичности, и определяет направления культурного развития общества.

Конститутивной характеристикой медиатекстов, прежде всего, семиотического порядка, представляется интертекстуальность, посредством которой эксплицируется культурная память общества. Интертекстуальность реализуется с помощью разнообразных языковых средств — от номинативных до экспрессивных и оценочных. Владение символическим аппаратом культуры, особенно характерное для элитарных и среднелитературных типов речевой культуры, способствует формированию интертекстуальной компетенции и, следовательно, укреплению культурной памяти, поддержанию культурной идентичности лингвокультурного сообщества в целом.

Прецедентные феномены как продуктивная форма реализации интертекстуальности представляют собой стереотипные, частотные и маркированные лингвокогнитивные единицы, отражающие культурную память общества и формирующие национальную картину мира. Помимо построения и уточнения смыслов, прецедентика служит инструментом интеллектуальной игры между автором и адресатом.

Научная литература выделяет ряд базовых параметров для классификации прецедентных феноменов: категория исходной единицы, степень универсальности и охват субъектов, уровень институционализации, длительность партиципации в новых контекстах, а также форма актуализации. Важно отметить, что в структуре медиатекстов прецедентные феномены нередко складываются в сложные лингвокогнитивные образования, что повышает их прагматическую значимость и позволяет автору реализовать собственный творческий потенциал через целевой подбор и комбинирование маркеров культуры, порождая оригинальные смыслы и эстетические эффекты.

Восприятие и интерпретация подобных конструкторов требуют от реципиента достаточно высокого уровня культурной и когнитивной компетентности, в том числе наличия фоновых знаний и умения, готовности устанавливать интертекстуальные связи. В нашей работе сферой-источником прецедентных феноменов выступают произведения национальной и мировой литературы как классического, так и современного периодов.

Во второй главе диссертационного исследования рассматриваются особенности политического медиадискурса, разрабатывается методика анализа прецедентики литературного происхождения как журналистской стратегии, а также проводится сопоставление интертекстуальных практик в русскоязычном и англоязычном политических медиадискурсах на примере аутентичных текстов.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС В РАМКАХ ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЧНОЙ СТРАТЕГИИ АВТОРОВ КОНТЕНТА

Осознавая широту дискурсивных проявлений медиаконтента, мы сосредотачиваем внимание на медиадискурсе политической направленности, который представляется нам совокупностью медиатекстов, относящихся к политической сфере деятельности. Политический медиадискурс предполагает массового адресата и так или иначе отражает все стороны общественной жизни. Литература, национальная и мировая, выступает в нем продуктивным источником прецедентных феноменов, о чем свидетельствует стабильный интерес к прецедентике литературного происхождения в политических контекстах со стороны исследователей [Гудков 2003б; Ворожцова 2007; Боярских 2008; Фокина 2017]. Прецедентные феномены, заимствованные из литературных произведений, апеллируют к коллективной памяти лингвокультурного общества, способствуют формированию художественных образов в политической реальности и, тем самым, оказывают значительное прагматическое влияние на общественное сознание.

2.1 Специфика политического медиадискурса и место в нем прецедентных ресурсов культурной памяти

Политический дискурс составляют тексты, которые создают, а также интерпретируют в рамках политической сферы. Участниками могут становиться как профессиональные политики и политические институты, так и общественные организации, различные социальные группы и отдельные граждане, так или иначе вовлеченные в это информационное поле [Van Dijk 1998]. Политический дискурс реализуется в различных коммуникативных событиях — от парламентских дебатов и избирательных кампаний до публичных обсуждений и публикаций в блогах, — и служит инструментом выражения, легитимации, оспаривания политических позиций, решений [Там же]. Выбор политического дискурса для исследования прецедентики

продиктован его пересечениями с другими разновидностями неинституциональных (бытового, художественного) и институциональных дискурсов (научного, военного, юридического, рекламного и др.) [Шейгал 2004: 33], а также отсутствием каких-либо требований для вхождения по отношению к адресату.

Признавая ключевую роль средств массовой информации в реализации политического дискурса, которые обеспечивают его адресность широкой аудитории и придают ему публичный статус, исследователи отмечают продуктивный характер интеграции медиадискурса и политического дискурса [Перельгут, Сухоцкая 2013: 39]. Политический медиадискурс демонстрирует значительный потенциал власти благодаря способности влиять на массовое сознание путем виртуализации политической реальности и преобразования ее в символический идеологический конструкт [Русакова, Грибовод 2014: 67].

Очевидно, что политический медиатекст необходимо рассматривать именно в рамках дискурса — с учетом условий его создания и функционирования. Кроме того, важным аспектом выступает связь данного текста с другими, которые в совокупности сообщают об одних и тех же событиях. Напомним, что дискурс-анализ подразумевает изучение единства процесса языковой деятельности и его результата [Кибрик 2003: 4], в нашем случае — медиатекста политической направленности.

Р. Водак полагает, что политические акторы стремятся разработать собственный уникальный код коммуникации, который выражал бы их мировоззрение и способствовал формированию, укреплению групповой идентичности. При этом использование соответствующих языковых средств и практик позволяет акторам устанавливать границы своего влияния, распространять собственные идеи, выстраивать аргументацию и т.д. [Wodak 1989: 137], то есть идеологически выстраивать сферу своего влияния. Концептуальные положения могут быть наделены властью только в том случае, если они выражены вербально и вместе с тем адаптированы к условиям восприятия целевой аудиторией, то есть обеспечена их релевантность в

конкретной социокультурной среде [Graber 1982: 197]. Значит, действующие лица политического медиадискурса не могут не учитывать содержание национальной, культурной идентичности общества.

Как отмечает А.П. Чудинов, дискурсивная специфика политических текстов существенно отличается от особенностей текстов, к примеру, научного или художественного характера. Автором выделяются следующие черты политического текста, актуальные, на наш взгляд, и для анализа политического *медиадискурса*: специфика авторства, которая представлена индивидуальными, анонимными, коллективными текстами; направленность на целевые аудитории включая, в частности, единомышленников, политических оппонентов, избирателей и в целом — массовую аудиторию; применение коммуникативных стратегий и тактик, направленных на модификацию политических убеждений адресатов и восприятия ими транслируемых теоретических концепций, исторических событий и общественно значимых фигур [Чудинов 2012: 73–76].

Раскрывая смысл *политического нарратива* (данному понятию мы все же предпочитаем *политический дискурс*), А.П. Чудинов фактически представляет когезионные элементы текстов внутри политического медиадискурса. Это *герои* — конкретные политики, партии и иные акторы дискурса, *событийная канва* (сюжет), локализованная во времени и пространстве, а также *полифония*, а именно множественность повествователей, разнообразие мнений, оценок. Исследователь подчеркивает, что каждый новый нарратив уникален и обусловлен спецификой конкретной политической обстановки, включая состав «героев» и «повествователей», темы обсуждения, стратегии противодействия, а также устойчивые модели интерпретации и оценки событий [Чудинов 2012: 79]. Таким образом, совокупность медиатекстов политического дискурса представляется нам своеобразной историей, в которой есть свои персонажи, зафиксированный во времени и пространстве сюжет, а также разнообразие интеракций и оценок, обусловленных соответствующей политической ситуацией.

В политической коммуникации реализуются различные языковые функции, которые подробно рассмотрены в обзоре А.П. Чудинова: *когнитивная* функция обеспечивает категоризацию и структурирование политической реальности; *коммуникативная* — направлена на передачу идеологически воздействующей на адресата информации; *побудительная* функция, также известная как *апеллятивная*, *вокативная*, *конативная*, *регулятивная* или *инструментальная*, предполагает эмоциональное воздействие на аудиторию с целью формирования заданной политической картины мира [Чудинов 2009: 65–67], а ее инструментальный характер проявляется в регуляции поведения через запреты, призывы к действию или воодушевление [Шейгал 2004: 34]. *Эмотивная* функция направлена на выражение эмоций автора и создание эмоционального фона, вызывающего у аудитории отклик, что подготавливает почву для последующего манипулятивного воздействия; *метаязыковая* функция обусловлена необходимостью разъяснения терминов из-за смешения в политическом дискурсе признаков специализированной речи, официально-делового и научного стилей; *фатическая* обеспечивает установление и поддержание коммуникативного контакта посредством использования идеологом как маркеров политической позиции, прямых обращений к аудитории и определения социальных ролей участников дискурса; *эстетическая* отвечает за риторическое оформление сообщения, где гармония формы и содержания усиливает прагматический эффект высказывания [Чудинов 2009: 65–70].

Дополняют данный список функции, выявленные Е.И. Шейгал: *агональная* и *гармонизирующая*, реализация которых направлена на создание конфликтной ситуации и достижение консенсуса соответственно; функция *интерпретации* политической действительности; и *акциональная* функция, подразумевающая деятельную природу политической коммуникации [Шейгал 2004: 41–42]. Указанные функции обеспечивают многоаспектное воздействие политической коммуникации на сознание и поведение адресатов, способствуя формированию и трансформации политической реальности.

Выделяют три основных подхода к изучению политического дискурса [Детинко, Куликова 2017]. Первый подход определяет политический дискурс как большую знаковую систему, которая обеспечивает политическую коммуникацию и, прежде всего, предназначена для достижения консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений [Шейгал 2000: 22]. При этом семиотическое пространство включает как вербальные, так и невербальные знаки [Детинко, Куликова 2017: 23]. Второй подход рассматривает дискурс не столько посредством формы выражения, сколько через форму содержания [Зайцева 2006: 8]. Содержание объединено признаком *полемичности*, поскольку, как подчеркивают Ю.И. Детинко и Л.В. Куликова, цель политической коммуникации неизменно заключается в борьбе за власть. Третий подход представляется наиболее близким к нашей работе, однако не предполагает полного отвлечения от первых двух, и подразумевает исследование политического медиадискурса в рамках общественно-культурного, исторического контекста [Демьянков 2002: 43]. Ю.И. Детинко и Л.В. Куликова в качестве примера обращаются к швейцарскому лингвисту П. Серио, который проанализировал политический контекст советской реальности через призму языка и пришел к выводу, что дискурс есть использование языковых ресурсов в системе идеологически обусловленных ограничений [Seriot 1995: 95]. Ю.С. Степанов в этой связи уточняет, что кроме продукта идеологической природы, политический дискурс представляет собой особый ментальный мир [Степанов 1995: 35].

Ментальный мир политического дискурса предполагает, согласно наблюдениям Т.П. Филичкиной, следующие три основных способа репрезентации событий в рамках медийного дискурса. *Отражение* характеризуется наибольшей объективностью, отсутствием субъективных комментариев, оценочных суждений. *Реконструкция* предполагает интерпретацию реальных событий сквозь призму определенных политико-идеологических позиций, сопровождаемых авторскими комментариями и эпидейктической речью. Наконец, *миф* позволяет произвести образ события,

зачастую значительно отличающегося от фактической действительности, и направлен на достижение идеологического воздействия ради реализации конкретных политических целей [Филичкина 2017]. Реконструкция и миф могут быть обеспечены потенциалом ресурсов цитатного фонда культурной памяти, которые способствуют образному восприятию действительности.

Поскольку в нашей работе внимание обращено к взаимодействию политического медиадискурса и культурного бэкграунда его участников, необходимо обратить внимание на непосредственно *культуроцентричный* подход к изучению политического медиадискурса. Его культурная детерминированность, то есть обусловленность его содержания и формы культурными нормами и ценностями, реализуется и поддерживается через профессиональные журналистские практики [Ван Дейк 1989], в том числе выбор лексики, оценок, сюжетов и способов подачи информации, включая творческую составляющую. В зарубежной литературе подобные практики обозначаются термином *закрепления* (англ. *anchoring*), который маркирует процесс придания медиасообщению устойчивого культурного значения в конкретной ситуации восприятия с учетом социальных и медиальных особенностей [Fetzer, Lauerbach 2007]; во многом данное понятие опирается на концепцию *габитуса* французского социолога П. Бурдьё [Webb, Schirato, Danaher 2002: 21], то есть системы устойчивых схем восприятия и оценивания действительности. Важно, что семиотические ресурсы культуры не просто выступают инструментами коммуникации, а есть продукт культурного выбора, когда решение о включении того или иного знака вносит вклад в переопределение культуры [Kress, Van Leeuwen 2001: 111].

Лингвокультурологическое направление изучения политической коммуникации подразумевает анализ специфических языковых категорий, которые посредством системного выражения различными языковыми средствами транслируют культурно значимую информацию, характеризующую определенное лингвокультурное общество, а точнее, его ментальные, ценностные установки; при этом важной речевой категорией

выступает прецедентность [Иванова 2007: 17]. Заряженные культурной информацией языковые ресурсы воплощают ценности и убеждения, которые резонируют с конкретной политической позицией [Charteris-Black 2019].

Использование тех или иных речевых ресурсов, в том числе прецедентных, продиктовано целью автора привести в исполнение интенции и достигнуть перлокутивного эффекта от взаимодействия со своей аудиторией. Поэтому принято рассматривать речевое поведение автора как коммуникативную стратегию (макроинтенцию), а конкретные шаги по ее реализации как тактики [Чернявская 2006: 45].

Ч. Ларсон описывает две ключевые когнитивные стратегии: первая заключается в акцентировании внимания на собственных достоинствах и выявлении слабостей оппонента, вторая — в минимизации собственных изъянов и недооценке достоинств противоположной стороны [Larson 1995: 15–22]. По аналогии с концепцией Ч. Ларсона, Т.А. ван Дейк вводит понятия стратегий позитивной самопрезентации и негативного представления оппонента [Ван Дейк 2013: 238–245].

Продолжая данную линию исследования, О.Л. Михалева выделяет две группы коммуникативных тактик, соответствующих обозначенным стратегиям. Повышение собственного статуса обеспечивается использованием следующих тактик: анализ плюсов собственной позиции (анализ-«плюс»), презентационная тактика, скрытая самопрезентация, оправдательная тактика и нейтрализация критики. Стратегия понижения статуса соперника реализуется путем выявления минусов его позиции (анализ-«минус»), прямого обвинения, обезличенного обвинения, публичного разоблачения, оскорбления и угроз [Михалева 2009]. Дополнительно, автор вслед за Е.И. Шейгал предлагает ввести третью стратегию — театрализацию, предполагающую превращение политического события в эффектное зрелище и манипуляцию эмоциями аудитории, то есть потенциальных избирателей [Шейгал 2000: 92]. Театрализация включает различные тактики привлечения внимания, в том числе предупреждения, призывы к действиям,

взаимодействие с аудиторией, разделение на «своих и чужих», распространение информации, озвучивание обещаний, провокационные высказывания, юмористическое обыгрывание ситуаций и прогнозы дальнейшего развития событий [Акопова 2013: 407–408].

Примечательно, что прецедентика органично вписывается в ведущую сегодня массмедиаальную плоскость политического дискурса, что, в частности, может быть представлено в рамках следующей дихотомии, представленной О.Ф. Русаковой и С.С. Курильченко: политический медиадискурс, с одной стороны, предполагает повышение доступности информации политического толка и, симптоматично, политизацией населения, а с другой — отличается тенденцией к реализации принципа *оптимальности* в предоставлении информации [Русакова, Курильченко 2019: 29]. Принцип оптимальности заключается в стремлении к различным формам компрессии информации и сопряжен с фрагментарностью медиаконтента, *клиповостью* мышления адресата, под которым понимают быстрое и эмоционально насыщенное восприятие информации [Митягина, Долгополова 2009: 53].

Обращения к культурной памяти позволяют *темпорально* сконструировать восприятие политического медиаконтента через оппозицию временных планов «прошлое — настоящее — будущее». Такая практика задействует механизм довольно сильной аргументации, обращаясь к опыту прошлого, что формирует у аудитории чувство надежности и уверенности [Тихонова, Артамонов, 2021: 52]. Прошлое отличается от будущего своей предопределенностью и предсказуемостью, поскольку события уже произошли и их развитие можно анализировать ретроспективно, оценивая сделанный ранее выбор и его историческое значение. Как подчеркивает Ю.М. Лотман, ретроспекция увеличивает степень детерминированности происходящего [Лотман 1994: 360]. К примеру, в онлайн-издании «Коммерсантъ» широко представлена ретроспективная прецедентность советской эпохи, выраженная посредством характерных фактов, устойчивых выражений и образов, знакомых большинству читателей. В совокупности

данный прецедентный фон способствует созданию комфортной атмосферы, облегчению восприятия материала и вызывает у аудитории положительные эмоции и чувство сопричастности благодаря активизации ресурсов коллективной памяти и, возможно, личного опыта, приобретенного в советский период [Наволоцкая 2023а: 89–90].

Политический медиадискурс, пишет В.И. Коньков, формируется двумя типами речевых образований, различающихся по происхождению. С одной стороны, это материалы, создаваемые непосредственно средствами массовой информации, в том числе новостные тексты, статьи, политические обзоры, комментарии и другие жанры. С другой стороны, медиадискурс включает тексты, рожденные вне медиапространства, например произведения художественной литературы [Коньков 2018]. Такие вне-медийные тексты образуют особый, не поверхностный семантический слой, который интегрирует медиаконтент-реципиент в общее культурное пространство, создает необходимый фон коммуникации с аудиторией, а также содержит информацию об авторе данного медиаконтента [Шмелева 2023а: 4]. Литературные тексты представляют собой значимый ресурс политического медиадискурса, обеспечивая его семантическую глубину и культурно-символическую репрезентацию политических событий и явлений.

Интеграция прецедентных ресурсов в политическую коммуникацию опирается на общий культурный бэкграунд участников дискурса, благодаря чему соответствующие знаки воспринимаются ими схожим образом. В частности, это способствует идентификации собеседников по категории «свой/чужой» — оппозиции, пронизывающей культурное пространство и выступающей концептуальной основой коллективного, в том числе национального, мировосприятия [Иванова 2018: 201; Степанов 2001: 126].

Обобщая изложенное ранее, мы приходим к выводу, что применение журналистских практик обращения к лингвокультурным ресурсам в политическом медиадискурсе есть ключевой фактор формирования ценностно-ориентированного, маркированного оценочностью содержания

медиатекстов. Прецедентные феномены выступают значимыми инструментами актуализации культурной памяти, оптимизируя представление политической информации через обращение к устойчивым образам и сжатое выражение смыслов. Прецедентика содействует консолидации аудитории на основе общих ценностей, культурных и исторических ориентиров. Ретроспектива повышает убедительность политических аргументов, способствуя укреплению коллективной идентичности и усилению воздействия политического дискурса.

2.2 Алгоритмы исследования прецедентных феноменов в текстах политического медиадискурса

Изучение прецедентных феноменов предполагает анализ дискурсивного порядка в семиотической, культурно-исторической и коммуникативно-функциональной плоскостях. Основная задача данного раздела заключается в обзоре существующих методик исследования прецедентных феноменов и описании этапов нашей работы с эмпирическим материалом при анализе литературных прецедентных феноменов, зафиксированных нами в современном политическом медиадискурсе.

Следует отметить, что первый этап работы — идентификация речевой единицы как прецедентной — подразумевает затруднение, поскольку данное решение обусловлено субъективным мнением исследователя, от которого требуется определенный уровень культурной компетентности. Отметим, что в рамках компетенции мы также рассматриваем применение вспомогательных ресурсов, а именно сетевых: поисковых систем, корпусных менеджеров (Национальный корпус русского языка и корпус “News on the Web”) и лексикографических источников, в базу которых вошли Большой Российский Энциклопедический Словарь, Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, Encyclopædia Britannica (в том числе программа-собеседник Britannica AI), The New Dictionary of Cultural Literacy и прочее. В силу того, что источником интересующих нас прецедентных феноменов служит

литература, все задействованные в работе литературные произведения также вошли в базу вспомогательных материалов; их перечень приведен в Приложениях 1, 2. Учитывая, что сферой-реципиентом выступает политический медиадискурс, специфика которого в том числе характеризуется массовостью и неопределенностью адресата, а также в соответствии с принятым определением (см. п. 1.3.1) и типологиями (см. п. 1.3.2) прецедентных феноменов, любая верифицируемая апелляция к отечественным или мировым литературным произведениям в медиатекстах политической направленности рассматривается нами как прецедентный феномен.

Ю.Н. Караулов, основоположник теории прецедентности, исследуя употребление прецедентных текстов в речи литературных героев, выделил три ключевых вопроса: цели обращения к прецедентным текстам, критерии выбора самих текстов и способы их интеграции в речь [Караулов 1987: 219]. Подчеркивая важность осознанности и культурного значения обращения к прецедентному тексту, автор предложил эффективный подход, позволяющий анализировать прагматические и аксиологические аспекты функционирования подобных единиц в коммуникативном процессе. Его подход вполне применим как базовая аналитическая основа, однако требует дальнейшего развития путем введения детализированной классификации и более точной терминологии.

В.В. Красных [2001, 2003] и Д.Б. Гудков [2003б], рассматривая повседневный дискурс русской языковой личности и межкультурной коммуникации, выделяют следующие этапы анализа прецедентных феноменов: распределение в рамках типологии, включающей прецедентные имена, высказывания, ситуации и тексты; разграничение уровней охвата прецедентности; характеристика взаимосвязей между различными видами прецедентных феноменов в рамках исследуемого дискурса. Подход представляется нам лаконичным в рамках конкретного дискурса. С.И. Сметанина дополняет методику московских ученых интертекстуальным видением, выделяя три способа интеграции прецедентных феноменов в

медиа́текст: когда прецедентный феномен выступает как «чужой» текст по отношению к медиа́тексту; когда он служит иллюстрацией медиа́текста; и когда используется в качестве материала для создания медиа́текста [Сметанина 2002: 125–132].

Л.И. Гришаева определяет сущностную характеристику прецедентного феномена как обеспечение непрерывности и целостности культуры. Она выделяет ключевое понятие *культурной континуальности*, которое подлежит изучению в двух временных плоскостях — синхронной и диахронной; учитывается в ходе межкультурного и внутрикультурного взаимодействия, принимает во внимание специфику типов культур и субкультур, форму коммуникативного контакта и применяемые способы кодирования информации, а также систему ценностных ориентиров, ассоциированных с этими единицами в пределах определенной лингвокультурной среды. Исследователь обозначает прецедентные феномены *культурными скрепами* и предлагает осуществлять их анализ согласно авторской матрице, которая состоит из следующих рубрик [Гришаева 2018: 380–388].

- *Сфера функционирования* прецедентного феномена. Исследователь предлагает раскрывать рубрику по таким критериям, как тип культуры (христианская, городская и др.), культурный регион, общечеловеческая культура в целом и субкультура (массовая, элитарная и др.).
- *Знак апелляции к фундаментальным ценностным ориентациям*. Данная рубрика подразумевает дифференциацию на однозначную привязку (добро — уважением к старшим, порядочность, любовь к родине и т.д.; зло — предательство, стяжательство и др.) и амбивалентную привязку.
- *Характер* прецедентного феномена проявляется в его универсальности или же культурной специфичности. В рамках данной рубрики предлагаем понимать специфичность прецедентного феномена через призму его национальной окраски, отражающей культурно-исторические особенности и уникальные когнитивно-эмоциональные коннотации, присущие конкретному лингвокультурному сообществу.

- *Источник* прецедентного феномена может иметь различную степень известности: быть общераспространенным, доступным широкому кругу лиц без специальных познаний; известным лишь ограниченному числу экспертов и исследователей; потенциально устанавливаемым в результате специального научного анализа; либо же оставаться неизвестным.
- «*Удельный вес*» в концептуальной картине мира. Данная рубрика включает два основных уровня: значительный удельный вес и незначительный удельный вес. Однако условность подобной классификации затрудняет описание как процесса ее практического применения, так и теоретической систематизации соответствующих признаков.
- *Сферой бытования* прецедентного феномена выступает дискурсоисточник (художественный, политический, оценочный и др.) или эстетическое направление, в котором бытует прецедентный феномен (романтизм, реализм и др.).
- *Длительность бытования* прецедентного феномена в дискурсе варьируется от одного поколения носителей культуры до нескольких поколений, что обусловлено его значимостью, частотностью употребления и степенью интеграции в общественное сознание.
- *Привязка* прецедентного феномена к исторической эпохе может быть представлена однозначно, недостаточно ясно или вовсе отсутствовать.
- Возможна рубрикация прецедентных феноменов исходя из степени их *привязанности к конкретной социальной группе*, определяющей уровень распространения и значимость феноменов внутри ограниченной среды или всего социума в целом.
- Предлагается также характеризовать *условия апелляции* к прецедентному феномену. Автор анализирует *маркеры прецедентности* в текстах/дискурсах разного типа, представленные: устойчивой сравнительной конструкцией, эпитетом и другими тропами, а также

аллюзиями, реминисценциями (что по терминологии исследователя есть намек на известное высказывание), прямой цитацией, историческим именем собственным и культурно весомой идиомой.

- *Функциональный потенциал* прецедентных феноменов представлен разнообразно и часто становится основанием методики анализа эмпирического материала [Будаев 2021: 24–25]. Прецедентика сообщает участникам взаимодействия о базовых культурных ценностях, помогает обосновывать мотивы поступков, характеризует личностные качества индивидов и демонстрирует специфику вербального воплощения действительности. Прецедентные феномены также активно применяются для яркой и образной характеристики исторических периодов, героев речевых произведений, формируют индивидуальные речевые портреты персонажей, а также иллюстрируют национальную специфичность культуры. Кроме того, они выступают в роли символов, заменяющих конкретные образы и ситуации, усиливают эмоциональное восприятие ключевых эпизодов текста, способствуют формированию и поддержанию общекультурных стереотипов, содействуют процессу инкультурации и аккультурации, обозначая границы между «своими и чужими». Л.И. Гришаева считает целесообразным выделить три основные разновидности функциональной нагрузки: монофункциональный, полифункциональный и амбивалентный варианты. В условиях современного развития медиакommunikаций рациональным решением может быть применение типологии, предложенной указанным исследователем, на начальном этапе анализа функциональности прецедентного феномена, допуская последующую детальную проработку полученных результатов. Целесообразно дополнить классификацию с учетом случаев доминирования единственной функции вместо понятия «монофункциональность».
- *Способы кодирования* прецедентных феноменов различаются своей природой: они могут носить вербальный характер (от отдельных лексем

до целых предложений и макроуровневых текстовых структур) или реализовываться в невербальном аспекте.

- В отношении *когнитивной природы* прецедентные феномены подразделяются на фреймовые структуры (сценарии, схемы, планы) и гештальт-структуры. Первые представляют собой организованный комплекс знаний о ситуациях и событиях, вторые основаны на целостном восприятии объектов и явлений без выделения составляющих элементов.
- *Личность, которая обращается к прецедентному феномену для реализации своей интенции*, рассматривается исследователем через психотип и социотип.
- *Интеракция, в которой реализуется прецедентный феномен*, может быть представлена коммуникативными ситуациями (например, приветствие, заключение договора).
- *Эффект от использования прецедентного феномена* оценивается автором матрицы как благоприятствующий установлению взаимопонимания или же препятствующий успеху акта коммуникации.

Как и было заявлено, матрица отражает культурно-обусловленную когнитивную структуру прецедентных феноменов, служащую моделью концептуализации окружающей действительности, что позволяет последовательно анализировать процессы культурных заимствований, преемственности традиций, инкультурации и аккультурации в различных формах человеческого взаимодействия, оперирующих как вербальными, так и невербальными средствами коммуникации. Вместе с тем концепция отличается широкой применимостью, что подтверждается заметной условностью, иллюстративностью рубрик, а также охватом общетеоретического, специально-теоретического и прикладного направлений. Наша работа относится к специально-теоретическому, поскольку сочетает анализ сферы-источника прецедентности (литература) и сферы-мишени (политический медиадискурс). Таким образом, рубрикация, предложенная

Л.И. Гришаевой, рассматривается нами как совокупность ключевых параметров, на основе которых возможно формирование оптимальной комбинации для комплексного анализа интересующего дискурса.

Еще одним значимым для нашей работы подходом анализа прецедентики стала концепция, представленная Е.О. Наумовой [2004], а именно двунаправленный анализ, учитывающий позиции как адресата («образ читателя»), так и адресанта («образ автора»). С одной стороны, автор предпринимает попытку описать вербальную память, рецептивный потенциал аудитории, формируя корпус прецедентных феноменов на основе ассоциативно-смысловых связей, что реализуется, в частности, через использование «Русского ассоциативного словаря» как модели обыденного языкового сознания. Ключевыми исследователем задаются следующие параметры:

- *способы хранения*, а именно слова-стимулы, в том числе инициальные элементы прецедентных текстов и концептообразующие лексемы, а также атрибутивные маркеры персонажей, сюжетов;
- *трансформации при актуализации*, среди которых автор называет изменение грамматических форм, семантическая компрессия, наложение аллюзий;
- *выявление концептуального ядра*, которое обеспечивает успешную идентификацию прецедентного феномена даже после совершенных над ним контекстуальных манипуляций.

Е.О. Наумова [Там же] отмечает мотивационно-ценностный аспект обращений к вербальной памяти общества и фиксирует некоторые функции прецедентных феноменов. Во-первых, прецедентные феномены выступают в качестве индикаторов когнитивных установок, что выражается в готовности языковой личности к языковой игре. Во-вторых, прецедентные феномены служат ценностными ориентирами, отражая в себе этические и социальные нормы, закрепленные в коллективном сознании. Наконец, они проявляют креативный потенциал личности, обусловленный способностью к интерпретационным манипуляциям. Таким образом, обращение к

прецедентным феноменам есть не только репрезентация коллективных смыслов, но также индикатор творческой активности языковой личности.

Исследователь отмечает творческий потенциал не только у адресата, но и у адресанта, рассматривая с его позиции способы интеграции прецедентных феноменов. К числу таких способов относятся *формирование образного ряда*, включающего исторические, литературные и фольклорные аллюзии, которые создают оценочный контекст и позволяют устанавливать параллели между актуальными событиями и классическими сюжетами. Кроме того, важным компонентом выступает *нормативный пласт*, представленный «эталоном» поведения, обращение к которым обусловлено необходимостью социально-этической аргументации. Автор подчеркивает важность описания трансформаций прецедентного феномена, включая *морфологическую трансформацию*, *семантическое наложение*, то есть совмещение нескольких смыслов в одном высказывании, а также *прагматическую переориентацию*, другими словами, переакцентировку эмоционально-оценочного содержания прецедентного феномена. Данный подход демонстрирует, как прецедентные феномены выступают медиаторами между коллективной культурной памятью и индивидуальным творчеством, обеспечивая эффективность коммуникации в условиях массмедийного дискурса, включая процессы производства и интерпретации контента. Двухнаправленный анализ предполагает необходимость глубокого и всестороннего знания как аудитории, так и автора, что в условиях ограниченности вводных данных не всегда представляется возможным. Тем не менее, методика Е.О. Наумовой видится нам ценным инструментом для изучения прецедентных феноменов в медиадискурсе. Добавим, что, принимая во внимание особую направленность именно политической сферы-мишени на целевую аудиторию, представляется релевантным рассматривать позицию говорящего через стратегии и тактики авторов контента политического медиадискурса (см. раздел 2.1).

Учитывая методологическую ориентацию настоящего исследования, определяемую медиалингвистическим, дискурсивным подходами, а также

опираясь на систематизированный в истории вопроса опыт анализа прецедентики, мы разработали следующую пошаговую методику работы с литературной прецедентикой в медиатекстах политической направленности.

1. Работа начинается с выявления апелляции к литературе в русскоязычных и англоязычных политических медиатекстах различных жанров и обязательной верификации таких апелляций путем сопоставления с оригинальными текстами и справочными ресурсами, что обеспечивает квалификацию данных обращений как прецедентных феноменов со сферой-источником «литература».
2. Затем проводится базовая категоризация выявленных феноменов по их типу: текст, высказывание, имя, ситуация или же комбинация типов; а также по статусу: трансформированные или оригинальные, универсальные или национально окрашенные, канонизированные (вневременные, знаки высокой культуры) или неканонизированные (темпоральные, связанные с текущим контекстом).
3. На следующем этапе осуществляется семантико-прагматический анализ, который подразумевает описание ядерных и атрибутивных смыслов прецедентного феномена; и контекстуализация, то есть описание его непосредственного языкового и креолизованного окружения интертекстуальной природы. Фиксируются сопутствующие слова текущего момента, поскольку они усиливают значимость прецедентных феноменов. Особое внимание уделяется способности прецедентного феномена и его окружения популяризировать соответствующее литературное знание среди целевой аудитории.
4. Далее проводится функциональный анализ, направленный на выявление функций прецедентных феноменов в архитектуре медиатекста, в числе которых смыслообразующая, прагматическая, оценочная, консолидирующая, эстетическая, функция создания/трансформации имиджа.

5. Наконец, объединенный анализ автора и адресата сосредоточен, с одной стороны, на стратегиях использования литературных прецедентных феноменов для легитимации позиции, формирования интеллектуального имиджа автора и онлайн-издания, а также накопления и креативного преобразования символического капитала при производстве политического медиаконтента; с другой стороны, направлен на установление когнитивных, культурных детерминант, которые позволяют предпринять попытку описания эмоционального и смыслового восприятия содержания медиатекста читателями.

В рамках следования рекомендациям первого пункта настоящей методики представляется возможным также определить вариант интеграции литературных прецедентных феноменов в политический медиадискурс из следующего ряда: единичное *упоминание*, чаще квазицитация, с целью привлечь внимание без установления глубокой связи литературного источника с текстом-реципиентом; *экспликация* пересечения прецедентного феномена с новостной повесткой; *импликация* пересечения, дополняющая смысл нарратива без явного выражения. В каждом из трех вариантов прецедентный феномен подразумевает свою величину вероятности быть распознанным, понятным читателем именно в той мере, которую предполагал автор, либо же в той степени, какую допускают возможности конкретных интертекстуальных связей текста-источника и текста-мишени. Таким образом, упоминание предполагает от адресата минимально — реакцию на нестандартным или знакомым образом маркированный заголовок, максимально — хотя бы поверхностное знакомство с исходным текстом, необходимое для интерпретации подобной апелляции, или знание о его существовании. Прецедентика в заголовке может не только привлечь внимание аудитории, но и быть тематически и лексически связана с основным текстом медиаматериала. Экспликация пересечения мира литературы и политического медиадискурса дает возможность немедленно вступить в диалог с автором при наличии необходимых знаний или, при желании,

восполнить пробелы самостоятельно посредством обращения к дополнительным источникам. Импликация, в свою очередь, характеризуется отсутствием авторских пояснений, реализацией «парольного» потенциала и требует определенных интеллектуальных усилий читателя, способного освоить дополнительный, хотя и необязательный, пласт семантики медиатекста.

Таким образом, способы интеграции прецедентных феноменов в политические медиатексты можно представить в виде следующей схемы:

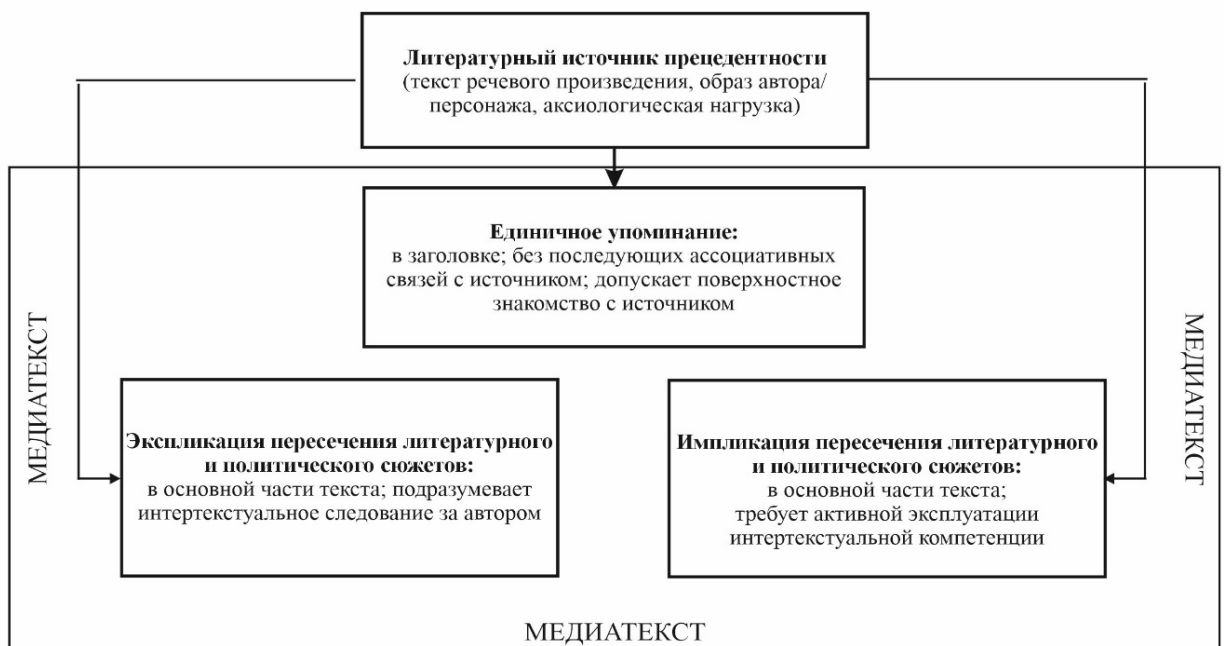

Рис. 1. Схема способов интеграции прецедентных феноменов в политические медиатексты (авторская разработка)

Предложенная методика обеспечивает системный анализ литературных прецедентных феноменов в политических медиатекстах как продуктов переработки когнитивно и культурно насыщенной информации, что позволяет использовать ее в качестве эффективного инструмента описания прецедентности литературного происхождения в формировании политической медиареальности. Перед апробированием методики на конкретных примерах, опишем репрезентацию художественной литературы в русскоязычном и англоязычном политических медиадискурсах.

2.3 Литературные прецедентные феномены в современном политическом медиадискурсе

Выбор медиатекстов для анализа обусловлен комплексом критериев, включая языковую принадлежность (русский и английский языки), публикацию в изданиях общенационального уровня, соответствие актуальной политической повестке и наличие прецедентных феноменов в содержании. Все отобранные медиатексты относятся к политическому медиадискурсу и посвящены обсуждению ключевых внешне- и внутривнутриполитических проблем. В частности, в эмпирическую базу включены тексты, аналитически рассматривающие такие острые внешнеполитические вопросы, как межгосударственные конфликты и войны, проблемы спорных территорий, борьба за политические права и свободы личности, политико-экономическая интеграция, формирование наднациональных политико-административных и военно-экономических структур. Кроме того, авторы медиатекстов обсуждают внутривнутриполитические вызовы, включая глобальные вопросы организации управления и демократизации, геополитические аспекты национальной безопасности и международных политических объединений, а также специфические национально-государственные, региональные и локальные проблемы [Корконосенко 2025: 285–289]. Согласно С.Г. Корконосенко, именно указанные выше проблемы представляются наиболее обсуждаемыми в медиа [Там же: 285] и, следовательно, формируют сегодня основное поле политического медиадискурса.

2.3.1 Художественная литература как интертекстуальный ресурс современного российского политического медиадискурса

За отечественной культурой закреплён статус литературоцентричной [Денисова 2003, Кондаков 2005]. Он объясняется её доминирующей склонностью к словесно-художественным формам выражения, чему соответствует центральное место литературы в творческой и познавательной

деятельности человека. Другие же составляющие культуры, согласно И.В. Кондакову, так или иначе литературой опосредованы [2005: 400–402]. Подобная характеристика неизбежно находит свое отражение в медиакommunikации и подтверждается результатами нашей работы.

Эмпирическую основу исследования интеграции литературы в русскоязычный медиаконтент составили медиатексты современного политического дискурса, опубликованные в качественных онлайн-изданиях: Ведомости, Известия, Коммерсантъ, РБК, РИА Новости и др. Выбор указанных ресурсов обусловлен их общеполитической направленностью, содержательной близостью и высокой скоростью реагирования на события. В выборку вошли свыше 300 медиаматериалов, отобранных по критерию релевантности к исследуемой тематике. Средний объем каждого медиатекста составляет 8–10 тысяч знаков. Для верификации семантики и узуса прецедентных текстов использовались данные Национального корпуса русского языка. Дополнительно, для уточнения терминологии и фактических положений, привлекались материалы лексикографических источников, перечень которых приведен в библиографии.

Анализ исследуемого материала показывает, что литературный капитал русской культуры в современных медиатекстах политической направленности представлен авторами как отечественной, так и зарубежной классики. Среди классиков в прозе наиболее частотны апелляции к следующим авторам, их персоналиям и творчеству: А.С. Пушкин («Евгений Онегин», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «Пиковая дама»), Н.В. Гоголь («Мертвые души», «Ревизор»), Ф.М. Достоевский («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Дневник писателя»), И.А. Крылов (басни) Л.Н. Толстой («Война и мир»). Проза советского периода в качестве ресурса прецедентности представлена такими авторами как М.А. Булгаков («Мастер и Маргарита», «Собачье сердце»), И. Ильф и Е. Петров («Двенадцать стульев», «Золотой теленок»), М.А. Шолохов («Судьба человека», «Тихий Дон»). В поэзии выделяется Ф.И. Тютчев как поэт-мыслитель; значимым поэтом XIX века

выступает в политическом медиадискурсе Н.А. Некрасов («Кому на Руси жить хорошо», «Русские женщины»), М.Ю. Лермонтов («Парус»). Встречаются также обращения к поэтам XX века, в том числе В.В. Маяковскому («Облако в штанах», «Стихи о советском паспорте» и др.), Р. Рождественскому (поэзия на военные темы) и В. Высоцкому. Общая доля прецедентной базы классической и советской литературы превышает 76% от общего количества проанализированных примеров. Доля прецедентности, источником которой является современная отечественная литература, составила менее одного процента. Это указывает на то, что прецедентности в русскоязычном политическом медиадискурсе преимущественно «питают» классические тексты, что обеспечивает устойчивость и воспроизводство национальных культурных ценностей.

Кроме того, отечественные журналисты обращаются к мировому фонду художественной литературы (в 24% случаев), который преимущественно представлен такими авторами, как У. Шекспир («Гамлет», «Ромео и Джульетта» и «Макбет»), А.К. Дойл («Приключения Шерлока Холмса»), Джером К. Джером («Трое в лодке, не считая собаки»), А. Кристи («Убийство в "Восточном экспрессе"», «Десять негритят»), а также современным классиком Дж. Роулинг. Американская литература в журналистском дискурсе представлена Дж. Оруэллом, в частности, его романом-антиутопией «1984», Э. Хемингуэем («Прощай, оружие», «По ком звонит колокол»). Необходимо также отметить шведскую писательницу детской литературы А. Линдгрен, к произведениям которой также апеллируют авторы медиаконтента политической направленности. Инокультурные беллетристические источники прецедентности расширяют культурный и семантический контекст политических сообщений, позволяя апеллировать к универсальным символам, понятным широкой аудитории вне национальных границ.

Общий список выявленных нами литературных источников прецедентности в отечественном медиаконтенте представлен в Приложении 1 и составил более 60 наименований. Результаты исследования

представленности литературных источников поддерживает идею о литературоцентричности российского общества. Также, указанные в списке авторы и произведения коррелируют с базовыми нравственными ориентирами, зафиксированными в Указе президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 ...]; что свидетельствует о важности классической литературы для поддержания устойчивых стратегий по консолидации общества страны в медиа.

Упоминание феномена культуры бывает не связано с основным содержанием политического сообщения, и призвано привлечь внимание читателя, что обусловлено локализацией данного упоминания в заголовке к медиатексту. При этом в рамках соотношения заголовочного комплекса и основной части медиатекста нередко наблюдается когнитивный диссонанс: заголовок активизирует в массовом восприятии определенный концепт, вступающий в противоречие с представленным следом описанием события. Как справедливо резюмирует Т.А. Воронцова, сознательная акцентировка негативных аспектов события посредством заголовка ведет, с одной стороны, к деформации восприятия действительности у реципиентов, а с другой — ослабляет степень доверия как к определенным источникам информации, так и к медиа в целом [Воронцова 2017: 25]. Рискнем предположить, что функциональная роль прецедентных явлений в заголовках ограничена привлечением внимания читателей, и глубокий анализ интертекстуального

сообщения речевых произведений остается неостребованным ввиду особенностей современной *клиповой* культуры восприятия.

Упоминание в качестве способа включения прецедентного феномена служит одной из характерных особенностей конструирования заголовков в «Известиях». Структура заголовков онлайн-издания обычно состоит из двух частей, связанных двоеточием. При этом первая часть представляет собой трансформированное прецедентное высказывание с использованием прецедентного имени темпорального порядка, а вторая — служит для обозначения содержания медиатекста и объясняет выбор конкретного прецедентного феномена в первой части. Проиллюстрируем эту тенденцию несколькими примерами.

В заголовке *Мертвые души: Киев продолжает репрессии против канонического православия*⁴ (03.04.2025) к медиатексту о нарушении прав и свобод человека в религиозной сфере автор не устанавливает каких-либо связей с содержанием художественного произведения и использует название романа Н.В. Гоголя из-за его известности, хрестоматийности. Название подходит к теме контента, непосредственно связывая литературное выражение с идеей духовной опустошенности и утраты священных ценностей.

Трансформированное посредством паронимического замещения название социально-фантастической повести Аркадия и Бориса Стругацких в заголовке к медиаматериалу о возможности формирования новой блоковой системы в Азии *Трудно быть блоком: в Вашингтоне обсудят шаги по противодействию Китаю*⁵ (01.04.2025) служит основанием для соотношения ключевой проблемы произведения — ответственность, которые несет в себе стремление к вмешательству в естественный ход вещей, — и основным содержанием медиатекста, которое может быть представлено цитатой: *Китай во всех документах стратегического планирования США рассматривается как экзистенциальная угроза. Под общими фразами о том, что страны*

⁴ URL: <https://iz.ru/1864277>

⁵ URL: <https://iz.ru/1680911>

нацелены на взаимодействие и усиление сотрудничества, скорее всего, будет скрываться модель по синхронизации совместных действий против Пекина, — сказал «Известиям» ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН Константин Блохин.

Аллюзия на название юмористической повести Дж. К. Джерома в заголовке поддерживается лишь количеством региональных политических игроков соответствующего медиатекста: *Трое в Пусане, не считая США: что обсуждали Пекин, Токио и Сеул*⁶ (26.11.2023). Название романа Н.А. Островского в заголовке с сопутствующим прецедентным именем текущего момента, названием металлургического комбината и места боевых действий 2022 года, в заголовке *Как закалялась «Азовсталь»: в РФ создают игру про события в Мариуполе*⁷ (11.02.2025); а также прецедентное выражение из текста стихотворения В. Маяковского «Кем быть?», субституированное с помощью соответствующей основному содержанию лексемы, в заголовке *Я б в аграрии пошел: кадры для АПК будут готовить с детства*⁸ (14.01.2025), помимо привлечения внимания, отвечают за эмоциональную составляющую новостного содержания медиатекстов, в частности, вызывают чувство патриотизма.

Напротив, паронимически субституированное название романа Ф.М. Достоевского оправдано лишь в заголовке к медиатексту о пополнении казны за счет действия санкций *Поступления и наказание: доходы бюджета от налоговых штрафов выросли на 70%*⁹ (05.08.2024); в основном тексте дополнительной мотивации для такой отсылки не обнаруживается. Так же в заголовках *Привет, оружие: почему США не могут решить проблему массшутинга*¹⁰ (26.11.2023) и *Продай оружие: российские системы на выставке IDEX-2025 пользуются вниманием*¹¹ (08.02.2025) эксплуатируется

⁶ URL: <https://iz.ru/1611276>

⁷ URL: <https://iz.ru/1834724>

⁸ URL: <https://iz.ru/1822218>

⁹ URL: <https://iz.ru/1737118>

¹⁰ URL: <https://iz.ru/1595675>

¹¹ URL: <https://iz.ru/1840629>

название романа Э. Хемингуэя, и хотя произведение не получает содержательного развития в данном контексте, прецедентное имя побуждает читателя, установившего ассоциативные связи с источником прецедентности, к размышлениям о ценности жизни в условиях насилия и разрушений. Функционально такие заголовки, во-первых, привлекают внимание, во-вторых, позволяют читателю быстро оценить полезность медиатекста. Частое апеллирование к данной формуле построения заголовков демонстрирует ее практичность и универсальность. Кроме того, ее применение способствует органичному трафику контента и укреплению голоса издания в медиaprостранстве.

*А судьбы кто?*¹² (27.06.2023) — пример заголовка медиатекста, репортажа, онлайн-издания «Коммерсантъ». В данном случае перед нами канонизированное, национальное прецедентное высказывание, восходящее к произведению «Горе от ума» русского драматурга А.С. Грибоедова, в котором принадлежит главному герою Александру Андреевичу Чацкому:

А судьи кто? за древностию лет
 К свободной жизни их вражда непримирима,
 Сужденья черпают из забытых газет
 Времен очаковских и покоренья Крыма¹³.

Традиционно обращение к высказыванию объясняется интенцией выразить презрение к мнению авторитетов, которые не превосходят тех, кого они стремятся критиковать [Серов 2003], однако в медиатексте семантика смещается и подсвечивает такие характеристики *фамусовского* общества, как слабость к сплетням и тревожность, предвосхищающая изменения. Высказывание в данном случае преобразовано через субституцию, которая обоснована содержанием репортажа. Медиатекст посвящен выступлению президента Российской Федерации с обращением к гражданам, которое должно было быть *судьбоносным*, и эта идея сквозным образом отражена в

¹² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6068852>

¹³ Д. 2, явл. 5, слова Чацкого.

тексте: *Главное, чтобы президент уже переходил скорее к судьбоносности; От апокалиптической судьбоносности последних дней все и так, конечно, уже устали, но уж лучше бы скорей; Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков усугубил ситуацию, когда сказал, что заявления президента «без преувеличения, определяют судьбу России»; Тут вскоре оказалось, что и Дмитрий Песков на самом деле про судьбоносность ничего не говорил; Причина эта состоит именно в том, что обращение президента на этот раз не стало судьбоносным. Обошлось. Апелляция к литературе оправдана и в основной части текста, где, как и в известной комедии, многочисленные слухи становятся своеобразным двигателем сюжета: *Слухи были один масштабнее другого; От имени журналистов некоего президентского пула < ... > распространялась информация, что обращение готовилось весь день и что всем предстоит в этом убедиться и мало не покажется вообще никому; Еще один слух < ... > состоял в том, что как никогда сольются, до полного изнеможения и поглощения, Белоруссия и Россия; Слухи были, короче говоря, один величественнее другого. И главное, все правдоподобные, какими бы абсурдными они ни были. Ибо все последние дни подтверждали, что чем абсурднее предположение, тем больше шансов у него сбыться немедленно.**

Представляется уместным обозначить указанные проявления *прецедентной коннотацией*. Контекстуально литературная прецедентика сопровождается литературной метафорой: *Это была лирика, но для вступления она была ведь необходима*; а также характерным для всего текста *саспенсом*, благодаря которому происходит эмоциональная сонастройка автора медиатекста и его читателей. Таким образом, функциональную нагрузку прецедентики в репортаже предлагаем описать следующим образом: смыслообразующая функция проявляется через активизацию определенной семантики прецедентного имени и текста в целом; консолидирующая функция реализуется через национальную маркированность; прагматическая — обеспечивает создание эффекта тревоги; эстетическая функция выражается в художественном преобразовании жанра репортажа.

Тот же источник прецедентности встречается в репортаже *А яйца кто?*¹⁴ (Коммерсантъ, 21.11.2022). В этом случае литературный смысл не задействован, скорее эксплуатируется экспрессивная нагрузка прецедентного вопроса: *Отечественная генетика властвует в скотоводстве. Этого пока не скажешь о птицеводстве. Зато создан «отечественный кросс (гибрид. — “Б”) кур “Смена-9”». Уже кое-что. Дело-то идет, хоть и приходится преодолевать препятствия (и курам они на смех). Но все-таки дома и стены помогают; Губернатор Московской области Андрей Воробьев рассказал, что летом в области был заложен селекционно-генетический центр, «который позволит решить проблему мясной породы кур... Здесь мы значительно зависели от Америки и Великобритании (слава богу, только в этом, и зависимость очевидно падает.— А. К.)*. Подобно гамлетовскому «быть или не быть», автор медиатекста использует прецедентный вопрос Чацкого в заголовке как риторический прием. Это позволяет актуализировать проблему кадровых назначений в сельскохозяйственном секторе, соединив ее с прецедентными феноменами текущего момента, относящимися к специальной военной операции, санкциям Европейского союза и национальным курсом на суверенизацию: *Да, санкциями давят, в том числе и, может быть, больше всего на яйца, но «принятые ранее решения по поддержке АПК, отраслевой науки сработали»; Сохранность (живой массы) — 98,5%. Видимо, бой происходит не только на уровне яйца. Элементарная давка. Минус 1,5%; Он добавил, что есть намерения экспортировать телочек и быков в Иран. В идеале — в обмен на беспилотники*. Сочетание прецедентности высокой культуры и текущего момента свидетельствует о значимости литературы при осмыслении происходящих в мире событий.

Рассмотрим импликацию значения как способ интеграции литературных элементов — не обязательный к прямому декодированию, но эффективно выполняющий свою прагматическую функцию, связанную с реализацией

¹⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5680150>

авторских интенций, как было установлено ранее. Заголовок к авторскому репортажу о встрече главы государства с историками и волонтерами в День народного единства *Архивом общим не измерить*¹⁵ (Коммерсантъ, 05.11.2022) апеллирует к стиху Ф. Тютчева «Умом Россию не понять...». Заголовок трансформирован посредством субституции, основанной на паронимической аттракции. Паронимическая аттракция, или парономазия, представляет собой нарочитое сближение в тексте слов, сходных по звучанию, но различающихся по смыслу. Примером может служить цитата Р.И. Рождественского: *Камни смачно скрипят в холодных зубах скреперов* [Бельчиков 2004–2007]. Основная роль этого приема заключается в придании тексту дополнительной образности и оригинального фонетического оформления. При этом стилистическая ценность паронимической аттракции возрастает с увеличением смысловой дистанции между сближаемыми единицами [Шмелева 2011].

Лексема *архив* появляется позже в реплике персонажа материала А. Торкунова: *Сейчас мы видим объятия руководителей Польши и Украины. А идея-то, она жива! И идея поглощения Украины, она никуда не делась! Но это никто почти не знает. Это только в архивных документах! Значит, литературный заголовок выполняет оценочную функцию и, помимо установления связи с историческим контекстом, выражает убежденность автора в необходимости анализа разных источников для формирования комплексного, наиболее объективного представления о рассматриваемой проблеме. Обращение к Ф. Тютчеву присутствует и в основной части медиатекста, где служит промежуточным итогом беседы, кульминацией нарратива: *Выяснилось, что преимущество России в том, чего вообще-то нет. То есть это нельзя измерить — не факт, что это есть, но это может быть. И оно может работать. Да, не обязательно работает. Но шанс-то есть. Что же это? Это потенциал.**

¹⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5651531>

Популярная апелляция к «Горю от ума» А.С. Грибоедова в основной части материала — *более того, мне казалось, часов не наблюдали* — отражает увлеченное общение героев сюжета и рождает ассоциацию со знакомым адресату высказыванием «счастливые часов не наблюдают», которой вторит окружение прецедентного высказывания: *не могли расстаться друг с другом, то сидели в нежных белых кожаных креслах, то стояли тесным, но тоже ведь нежным кружком.*

Метатекстуальные (по Ж. Женетту) упоминание медиатекста издания «РИА Новости» о неосмотрительном высказывании В.Р. Мединского и последующий комментарий героя представляют коллекцию артефактов прецедентного мира Ф.М. Достоевского: *А я спросил господина Мединского, за что он, как следовало из сообщения «РИА Новости», на днях назвал либеральными тварями преподавателей факультета журналистики МГУ имени Ломоносова. И разве можно так было?; Все вырвано из контекста, — отозвался Владимир Мединский. — Все! Ну дело-то происходило в кафе «Достоевский» на Воздвиженке! Говорили про тварей дрожащих, конечно... Я вспомнил, что тут, почти напротив, на журфаке, какие-то твари затравили парня... Сорвались эти твари дрожащие с языка, уже не мог остановиться... И что там, на журфаке, много либеральных преподавателей... И в других местах тоже... Но я же не говорил, что на журфаке либеральные твари!; в частности, усеченное высказывание «Тварь я дрожащая или право имею?». Примечательно, что метатекстуальная связь свидетельствует о том, что литературные прецедентные феномены не только способствуют интерпретации происходящего, но и активно участвуют в самом формировании общественно-политических повесток, а также, как демонстрирует приведенный пример, действительно реализуют функцию преобразования портрета говорящего.*

В описании сеттинга мероприятия встречается группа прецедентных имен: *Зал был исполнен во всем синем, на стенах виднелись цитаты про единение и единство. Василий Белов, Валентин Распутин, Александр Пушкин,*

Василий Ключевский, Федор Тютчев, Дмитрий Лихачев, Петр Столыпин... Все были тут. В общем, зал был оформлен удачно. Правда, ни одной женщины отчего-то. Как будто они совсем не думали и не думают о единении. Автор, используя имена указанных личностей (подчеркнуты в тексте), также апеллирует к их творческому наследию, которое воплощает ключевые духовные и культурные ориентиры, способствующие консолидации общества.

Завершая анализ прецедентики рассматриваемого медиатекста, позволим себе также привести удачное описание теории интертекстуальности, встретившееся в данном медиатексте: *начальствующий епископ без остановки щеголял цитатами из Библии, брал одну высоту за другой; при этом так легко и уверенно скользил по эпохам и судьбам, что просто любо было, братцы, любо*¹⁶.

Наконец, рассмотрим примеры эксплицитного выражения прецедентики литературного происхождения. Их значимость в политическом медиадискурсе, на наш взгляд, заключается в использовании образовательного потенциала. Читатель сталкивается с явной отсылкой к некоторому фоновому знанию, что, факультативно, стимулирует усвоение им этого знания и, следовательно, более глубокое понимание как материала, так и культурного, исторического контекста.

Проиллюстрируем образовательный потенциал эксплицитных прецедентных феноменов на примере медиатекста о параллелях между миром литературы и политикой *Оружие массового искажения*¹⁷ (Коммерсантъ, 07.06.2024). Литературная прецедентика, в значительной степени представленная творчеством Дж. Оруэлла, играет важную роль в конструировании субдискурса, посвященного событиям периода Холодной войны. В начале медиатекста отмечается, что непосредственно термин

¹⁶ Очередной «сопутствующий» прецедентный феномен — выражение из казачьей песни: Я слышал ее уже много раз, и меня всегда удивляет веселый припев: *Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить!* [И.А. Арамилев. В лесах Урала. Из: «Новый мир», 1941]; Наступила пауза. Любо, братцы, любо. Любо, братцы, жить! — затянул вдруг Евгений Устинович, с грозным весельем глядя на Лопаткина [Владимир Дудинцев. Не хлебом единым (1956)].

¹⁷ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6744586>

«холодная война» был впервые использован Дж. Оруэллом в эссе «Ты и атомная бомба» (прецедентное имя), что единовременно фиксирует значение его труда не только в контексте культуры, но и политики.

Автор демонстрирует широту спектра литературных источников, используемых для осмысления идеологических конфликтов указанного периода. Так, прецеденту медиатекста дополняет упоминание британского писателя А. Кестлера и его романа «Слепящая тьма». Интересно, что в тексте приводятся оценки отдельных литературных фигур; например, Д. Голдринг и Дж. Стейнбек характеризуются критически: *некоторые фигуранты списка были, как кажется, попросту Оруэллу несимпатичны («Дуглас Голдринг — писатель, разочарованный карьерист; Джон Стейнбек — писатель ("Гроздь гнева"), псевдонаивный»)*.

Описание советского контекста восприятия творчества писателя включает упоминание прецедентных имен литераторов и специалистов, в частности переводчицы, литературоведа, а также названия соответствующих произведений, источников: *В советской прессе его имя впервые появилось лишь в 1947 году. В статье «Растленная литература» в «Литературной газете» переводчица Нора Галь упоминала оруэлловский¹⁸ сборник эссе «Диккенс, Дали и другие». Хотя ничего комплиментарного в адрес Оруэлла сказано не было («теоретик очень путаный и скользкий, любитель всяческих софизмов и парадоксов»), само появление его имени было сочтено серьезной политической ошибкой. Следующего упоминания пришлось ждать три года. 12 мая 1950 года в «Правде» была опубликована статья «Враги человечества», в которой литературовед Иван Анисимов осуждал Олдоса Хаксли, высмеявшего пролетарское государство в романе «Обезьяна и сущность», и Джорджа Оруэлла, изобразившего в романе «1984» мир, в котором «капитализм перестает существовать, но лишь для того, чтобы открыть путь бесконечным войнам и деградации человечества».* Подобные

¹⁸ Литературный прецедентный антропоним, преобразованный через адъективацию.

апелляции необходимы для того, чтобы у читателя сложилась целостная картина, в которой все элементы «встали бы на свои места», обеспечивая понимание историко-культурного фона описываемого исторического периода. Авторская систематизация позволяет также выявить возможные лакуны в знаниях и потенциально стимулирует дальнейшее их восполнение, реализуя образовательный потенциал прецедентных ресурсов.

Важно отметить, что в медиатексте также представлены варианты переосмысления романа «1984» как антикапиталистического и антифашистского литературного произведения, что свидетельствует о подвижной, гибкой природе интерпретации литературных прецедентных феноменов в зависимости от политического контекста: *Ссылаясь на английских критиков, Кагарлицкий¹⁹ впервые написал о «1984» как об «антикапиталистическом» и «антифашистском» романе. Источником вдохновения, утверждал он, послужила для Оруэлла деятельность английских колониальных властей в Бирме и Германия времен национал-социализма, а в социализме его смущала лишь угроза личной свободе, и именно эти опасения «немедленно были использованы антикоммунистической пропагандой», в результате чего книга «сразу оказалась на переднем крае холодной войны»; Каждый год от 1949-го до 1984-го все явственнее, все убедительнее показывал, что Оруэлл, сам того не желая, нарисовал не карикатуру на социализм и коммунизм, а вполне реалистическую картину современного капитализма-империализма». Всего пару лет как вернувшийся из-за границы Стуруа²⁰, возможно, не осознавал, что в СССР все разговоры об Оруэлле все это время велись вслепую: первый перевод романа «1984» был издан только в 1989 году.*

С позиции методики анализа литературной прецедентики приведенные выдержки позволяют квалифицировать апелляции к Дж. Оруэллу и его творчеству как канонизированные, универсальные прецедентные имена. В

¹⁹ Юлий Иосифович Кагарлицкий — литературный критик.

²⁰ Мэлор Георгиевич Стуруа — журналист-международник, писатель.

медиатексте они выступают в роли мощных когнитивно-культурных символов, формирующих представления о тоталитаризме, манипуляции сознанием, идеологической борьбе. Упоминания современников писателя, коллег, критиков, в совокупности создают семантически насыщенный историко-политический контекст времени Холодной войны. В первую очередь, на наш взгляд, данный медиатекст реализует частную функцию конструирования образа рассматриваемой эпохи в литературной плоскости.

Выборка литературных источников не претендует на исчерпывающий охват ввиду значительного объема информации политической направленности, однако позволяет сделать вывод о том, что прецедентные феномены из сферы-источника «литература» в современном российском политическом дискурсе выступают важным когнитивно-эмоциональным ресурсом, способствующим формированию, поддержанию картины мира через канонизированные национальные, универсальные прецедентные феномены. В частности, данный ресурс прецедентности помогает автору и реципиентам медиаконтента структурировать информацию о политических событиях, осмыслять происходящее, а также получать новую для себя культурную информацию. Значимость прецедентности литературного происхождения также проявляется в ее контекстуальной связи с прецедентными феноменами текущего момента.

2.3.2 Художественная литература как интертекстуальный ресурс современного британского политического медиадискурса

С целью расширения аналитической перспективы исследования функционирования прецедентных феноменов в политическом медиадискурсе нами был сформирован специализированный корпус аутентичных англоязычных медиатекстов, охватывающий разнообразные проявления изучаемого явления. Цель настоящего раздела — представить систематизированные эмпирические данные, полученные в ходе анализа указанного корпуса. В корпус вошло более 300 медиатекстов современного

политического дискурса, опубликованных в британских онлайн-изданиях: *The Economist*, *BBC*, *The Guardian* и др. Выбор указанных ресурсов обусловлен их общеполитической направленностью, содержательной близостью, а также высокой скоростью отражения актуальных событий. Для поиска примеров, верификации семантики и узуса прецедентных текстов использовались данные корпуса “News on the Web”, а также привлекались материалы лексикографических источников, перечень которых приведен в библиографии.

Анализ материала демонстрирует, что литературный капитал культуры в современных медиатекстах политической направленности представлен авторами как британской литературы, так и беллетристики других стран. Среди классиков английской литературы лидером по цитируемости выступает У. Шекспир («Гамлет», «Король Лир», «Макбет»), важное место занимают Ч. Диккенс («Большие надежды», «Повесть о двух городах»), Дж. Оруэлл («1984», «Скотный двор», эссе) а также О. Хаксли («Прекрасный новый мир»), А.К. Дойл («Приключения Шерлока Холмса»), Дж. Остин («Гордость и предубеждение»). Английская литература XX века представлена Дж. Оруэллом («1984», «Скотный двор» и эссе), О. Уайльдом («Как важно быть серьезным», «Портрет Дориана Грея»). К этому периоду относятся также работы К. Воннегута, Дж. Джойса, Дж. Конрада, М. Митчелл, Дж.Р.Р. Толкина. Среди современных авторов выделяется З. Смит. Из американской литературы неоднократно встречаются обращения к Э. Уортоу («Эпоха невинности»), Х. Ли («Убить пересмешника»), а также современным авторам, включая С. Коллинз («Голодные игры»), М. Этвуд («Рассказ служанки») и Дж. Дидион (эссе). Кроме того, журналисты апеллируют к работам Э. Хемингуэя («По ком звонит колокол», «Праздник, который всегда с тобой»), У. Фолкнера, К. Воннегута («Механическое пианино»). Из русской литературы ключевыми фигурами референтности выступают Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. Кроме того, в центральноевропейской традиции авторам «импонирует» М. Кундер («Невыносимая легкость бытия»),

во французской литературе — М. Пруст («В поисках утраченного времени»). Так, британский политический медиадискурс опирается на широкий спектр ресурсов литературных прецедентных феноменов, охватывающих различные исторические эпохи и литературные традиции разных стран.

Отметим, что в то время как авторы русскоязычного политического медиаконтента преимущественно ориентируются на отечественную литературу, представители британских изданий обращаются к национальной и мировой литературе практически в равной пропорции, а именно в 55% и 45% случаев соответственно.

Общий список литературных источников проанализированной нами прецедентики в британском медиаконтенте представлен в Приложении 2 и составил порядка 54 наименований. Обзор применения персоналий писателей и поэтов, их произведений в политическом медиадискурсе Великобритании демонстрирует некоторую корреляцию с перечнем доминирующих ценностей, которые оказывают влияние на политическое поведение акторов европейского общества, а именно: стремление к власти и влиянию, ориентация на достижение целей и успеха, поиск удовольствий и жизненного комфорта, желание новых впечатлений и стимулирующих изменений, ценность самостоятельности и свободы выбора, приверженность идеалам справедливости и заботы о благе всех, проявление доброжелательности и поддержки к другим, уважение к традициям и укорененным нормам, соблюдение социальных правил и ожиданий, а также потребность в безопасности и стабильности (англ. Power, Achievement, Hedonism, Stimulation, Self-direction, Universalism, Benevolence, Tradition, Conformity и Security) [Brosch, Sander 2016: 74]. Перечень демонстрирует бóльшее влияние современной художественной литературы в британском политическом медиадискурсе, где она фигурирует в 4,5% случаев, тогда как в русскоязычном политическом медиадискурсе ее доля составляет немногим более 1%.

Зарубежные исследователи подчеркивают, что полижанровые медиатексты политической тематики, сочетающие информативные и

развлекательные составляющие, в числе которых имеют место и литературные прецедентные феномены, обладают потенциалом стимулировать политическое и гражданское участие, предоставляя аудитории образное пространство для рефлексии и воображения, связанное с политическими процессами и темами, в доступной и наглядной форме [Van Zoonen 2005]. Вместе с тем, как отмечают М. Боукес и соавторы, данный воспитательный потенциал нередко остается недооцененным или вовсе игнорируется авторами [Boukes, Aalbers, Andersen 2020]. Ф.В. Майер постулирует, что нарративная информация не только лучше запоминается реципиентами, но также обладает сильным убеждающим воздействием благодаря формированию когнитивной и эмоциональной связи с аудиторией [Mayer 2014]. Интересно, что преимущественно именно доступность ассоциативных связей при интеграции прецедентных феноменов прослеживается в журналистских практиках англоязычного сегмента политической медиакommunikации.

Следуя разработанной методике анализа прецедентных феноменов, а также руководствуясь установленными способами их интеграции в пространство медиатекстов, обратимся к ряду примеров обращения к литературному наследию в материалах авторитетной онлайн-газеты “The Economist”. Выбор данного издания обусловлен результатами предварительного анализа (по Ю.Н. Караулову), свидетельствующими о высоком уровне оригинальности и выразительности используемых в нем прецедентных явлений. Некоторые предварительные выводы настоящего раздела были изложены нами в публикации текущего года «Истории повторяются: способы интеграции прецедентных феноменов (Практики онлайн-газеты *The Economist*)» [Наволоцкая 2025б].

Важная особенность издания “The Economist” заключается в коллегиальном подходе к производству медиапродуктов: тексты публикуются анонимно, без подписи конкретных авторов. Такая практика обусловлена необходимостью поддержания объективности и нейтральности освещения событий, а также убеждением редакции в приоритете голоса самого издания

перед индивидуальностью журналиста: *The Economist has no by-lines. It is written anonymously because its collective voice and personality matter more than the identities of individual journalists.*²¹ Коллегиальная организация творчества журналистов обеспечивает формирование устойчивого восприятия контента аудиторией, поскольку каждый участник команды поддерживает бренд издания. Научный интерес вызывает исследование роли прецедентных феноменов в процессе формирования институционального голоса медиаплощадки.

Анализ работы *The Economist* с литературным символическим аппаратом выявляет активную эксплицитность включения прецедентных феноменов. Данная практика демонстрирует использование прямой аналогии между знаковой системой литературы и социально-политическими реалиями современности. Устанавливая ассоциативные связи с широко известными культурными феноменами, авторы обеспечивают доступное восприятие сложной либо абстрактной информации политической направленности. Задача выявления установленных автором параллелей находится в интертекстуальной компетенции аудитории. Добавим, что эта практика способствует повышению уровня лояльности и вовлеченности аудитории, поскольку читатели ощущают уважение к себе, включенность в равноправный культурный диалог с авторами и экспертами соответствующих областей знания. Этот метод интегрирования прецедентных элементов одновременно закрепляет статус системы культурных символов как надежной и авторитетной системы культурных ориентиров, в том числе аксиологических, укрепляя обоснованность подобных сравнений в медиадискурсе.

В заголовках медиатекстов встречаются литературные прецедентные феномены, которые не получают последующего комментирования в основной части материалов. Заголовок *The unbearable lightness of being Donald Trump*²² (09.04.2025) представляет собой преобразованное через расширение

²¹ URL: <https://www.economistgroup.com/about-us>

²² URL: <https://clck.ru/3PbMBa>

прецедентное название романа М. Кундеры, обращение к которому отражает в медиатексте двойственный характер действий президента: с одной стороны — *легкость* и уверенность в своих поступках, с другой — потенциальная сложность их последствий, которые, опасается автор, могут оказаться «тягостными» для окружающего мира. Так, заголовок с помощью прецедентности задает тон для дальнейшего анализа, связывая политическую ситуацию с философскими идеями, представленными в книге. Однако, если читатель не сосредоточится на культурной отсылке в заголовке, он все равно освоит суть текста.

В заголовке *Great exhortations*²³ (03.04.2025) наблюдается отсылка к названию романа Ч. Диккенса, трансформированному через субституцию лексемы *expectations* на *exhortations* (*увещевания, призывы*). В соответствующем медиатексте анализируется риторика политика Дж.Д. Вэнса, чьи призывы, согласно содержанию материала, вызывают у автора сомнения в их эффективности. Прецедентный феномен здесь подчеркивает традиционную проблему соотношения между словом и делом. Литературная прецедентика в подобных заголовках, главным образом, способствует привлечению внимания аудитории, формирует определенный эмоциональный фон восприятия контента, однако не получает семантического развития в основной части медиатекстов, в связи с чем читателю не обязательно декодировать интегрированные знаки культуры для усвоения основного содержания политического контента.

Следующий фрагмент медиатекста *In praise of flag-shagging*²⁴ (16.04.2025) иллюстрирует эксплицитную интеграцию прецедентного имени и высказывания литературного происхождения и сопутствующего исторического факта с целью образного выражения критики эксплуатации британской национальной идентичности политическими деятелями: *Labour's claim to love the country is made easier by the Conservative Party seeming to hate*

²³ URL: <https://clck.ru/3PbMBq>

²⁴ URL: <https://clck.ru/3PbMBv>

it. Conservative nostalgia has soured into nihilism. Sir John Major, a former Tory prime minister, drew on George Orwell to describe a country of "long shadows on county grounds, warm beer, invincible green suburbs, dog lovers and... old maids bicycling to Holy Communion through the morning mist". Применение кавычек наглядно подчеркивает принадлежность цитаты внешнему источнику и подтверждает ее чужеродность в тексте-мишени. Важно отметить, что данное прецедентное высказывание выступает в качестве *метацитаты*, объединяя два значительных культурных факта: оригинальную цитату Дж. Оруэлла из эссе «Лев и единорог: социализм и английский гений», позже переосмысленную британским премьер-министром, представителем Консервативной партии Дж. Мейджором в известной речи 1993 года, и именно эта трансформированная версия была вновь воспроизведена автором медиатекста, намеренно обратившим внимание читателей именно на политическую речь, а не на литературный первоисточник.

Эссе Дж. Оруэлла выражает идеализированное и эмоциональное изображение английской идентичности посредством ряда повседневных, сентиментализованных образов. Привлечение внимания к данному прецедентному высказыванию известного литератора призвано вызвать у читателя воспоминания о романтизированном представлении «старой, доброй» Англии. Художественно представленные образы — зеленые окрестности, теплое пиво, красные почтовые ящики, «старые девы на велосипедах, едущие к заутрени в осеннем тумане»²⁵ — символизируют характерные черты традиционной сельской жизни, отражающие такие национальные ценности, как ностальгия, стабильность, устойчивость традиций, преемственность поколений, глубокая привязанность к родине.

Однако использование этого символического образа литературного происхождения не представляется возможным назвать нейтральным. В рассматриваемом медиатексте автор противопоставляет нынешние

²⁵ Перевод с английского В.П. Голышева (2003 г.).

патриотические высказывания лейбористов «испорченной» ностальгии консерваторов, подразумевая, что некогда объединяющий и положительный образ ныне воспринимается как проявление негативизма и деструктивного мировоззрения («нигилизма»): *Listen to the shadow cabinet today and Britain is a land of grooming gangs, machete fights and migrants on Deliveroo bikes.*

Таким образом, интеграция контрастных культурных знаков служит эффективным риторическим средством, позволяя автору сформулировать оценочное, критическое, отношение к современной политической реальности, а также поставить перед аудиторией вопрос о целесообразности использования романизированных образов прежней Англии в рамках актуального политического нарратива.

Приведем еще один пример прямой апелляции к высказываниям Дж. Оруэлла, а точнее к его концепции «умирающих метафор», выраженной следующим образом в медиатексте *How the British government sounds like a tabloid*²⁶ (10.04.2025): *These terms are what George Orwell, an English essayist, called dying metaphors: worn-out images which have lost all evocative power and are used out of laziness and habit. “The appropriate noises are coming out of his larynx, but his brain is not involved as it would be if he were choosing his words for himself,” wrote Orwell, of the politician who employs them.* Анализируемый медиатекст посвящен специфике современной политической риторики британских властей, которую автор квалифицирует как архаичную, безжизненную. Данная оценка поддерживается обращением к авторитетной критике признанного литератора.

Термин «умирающие метафоры» предназначен для номинации шаблонных словесных конструкций, утративших свою оригинальность и эффективность воздействия на аудиторию. Применяя его, автор формулирует утверждение о том, что злоупотребление клише отдаляет говорящего от

²⁶ URL: <https://clck.ru/3PbMCA>

реального осмысления действительности и, следовательно, затрудняет ведение продуктивной дискуссии в политическом пространстве.

Отметим, что издание не только критикует речь британского правительства, но также обозначает собственную интеллектуальную, профессиональную позицию и побуждает читателей обратить критический взгляд на политическую риторику. Прецедентные феномены выступают здесь в роли аналитических инструментов, а также обозначают исторически сложившуюся традицию интеллектуальной критики речевой практики политических акторов.

Делая небольшое отступление от непосредственного анализа, отметим, что обращения к творчеству Дж. Оруэлла представляют собой популярный прецедентный ресурс, прецедентный мир, в современных англоязычных медиа. Согласно статистическим данным, собранным корпусом “News on the Web” за период с 2022 по 2025 годы, имя писателя фигурировало в общей сложности в 7682 контекстах, что составляет более половины всех случаев его упоминания, зарегистрированных данным корпусным менеджером²⁷. Высокая частотность упоминания имени автора, по нашему мнению, отражает нарастающий общественный интерес к вопросам, резонирующим с тематикой его произведений, а именно — свободе слова, доверию к институтам власти и средствам массовой информации, в контексте осмысления событий, обусловленных глобальной политической нестабильностью.

Особенного внимания заслуживает вступительная часть анализируемого текста, исполненная в форме короткой викторины: *Here’s a quiz. Which of the following sentences were published by: 1) The Sun newspaper; 2) His Majesty’s Treasury; or 3) The Home Office? a. “The evil linchpins at the top of people-smuggling gangs who consider themselves untouchable will be hunted down...” b. “Up to 60,000 more engineers, brickies, sparkies, and chippies to be trained...” c. “Sir Keir Starmer has vowed to unleash a home building bonanza...” Few Britons*

²⁷ Всего в корпусе “News on the Web” зафиксировано 14338 контекстов с данным прецедентным именем, самые ранние из которых датированы 2010 годом.

buy tabloid newspapers these days, but their strange form of the English language lives on in Whitehall (The answers are 1c, 2b, 3a). В ходе реализации прагматической функции, а именно развлечения аудитории, среди прецедентных имен текущего момента выделяется наименование влиятельного британского таблоида, функционирующего, согласно автору, как эталонный источник «умирающих метафор». В рамках стратегии позитивной самопрезентации данная апелляция создает эффект дополнительного контраста между позицией автора публикации, подкрепленной мнением знаменитого литератора, и рассматриваемой практикой политических акторов, усиливая негативную оценку последней.

Арсенал литературных прецедентных ресурсов онлайн-издания включает также примеры эксплицитной интеграции современной прозы. Например, в репортаж о серьезных пожарах в Лос-Анджелесе *Los Angeles against the flames*²⁸ (08.01.2025) добавлена следующая референция: “*Los Angeles weather is the weather of catastrophe, of apocalypse*” wrote Joan Didion in 1969, in an essay about the Santa Anas. The violent winds “affect the entire quality of life in Los Angeles, accentuate its impermanence, its unreliability. The wind shows us how close to the edge we are”. Творчество американской писательницы Дж. Дидион традиционно ассоциируется с созданием атмосферы тревожности, неопределенности, и в рассматриваемом медиатексте прецедентные имя и высказывание успешно выполняет задачу передачи сходных эмоций относительно уязвимого положения мегаполиса. Атмосферное, экзистенциальное описание хрупкости города перед лицом регулярных природных катастроф вписывается в широкий исторический контекст противостояния города природным катаклизмам. Кроме того, получившийся художественный образ играет важную роль в конструировании городской идентичности Лос-Анджелеса.

²⁸ URL: <https://clck.ru/3PbMCH>

В отрывке из медиатекста *The mystery surrounding China's missing defence minister*²⁹ (15.09.2023) о политической ситуации в Китае применяются литературные символы в качестве лаконичных намеков, не раскрываемых в самом тексте: *Rahm Emanuel, the American ambassador to Japan, compared China's government to an Agatha Christie novel, "And Then There Were None" <...>. After the reports about General Li on September 15th, he offered another literary analogy: "As Shakespeare wrote in Hamlet, 'Something is rotten in the state of Denmark'".* Один из персонажей сюжета — американский посол в Японии Р. Эмануэль — апеллирует к двум известным литературным прецедентным феноменам, символизирующим скрытые угрозы, системный кризис, неумолимое движение к трагическому результату³⁰: роману Агаты Кристи «Десять негритят» и шекспировскому высказыванию Марцелло «Что-то гниет в Датском королевстве»³¹. Данные референции литературного порядка использованы автором для толкования обстоятельств загадочного отстранения высокопоставленных китайских чиновников и предположительного снижения стабильности руководящего аппарата страны. Прецедентные феномены здесь реализуют преимущественно эстетическую функцию, обогащая текст оттенками таинственности и потенциального риска.

В следующем примере из медиатекста *MAGA's remaking of universities could have dire consequences*³² (10.04.2025): *Conservatives considered elite universities to be hostile territory before William F. Buckley published "God Man at Yale" in 1951*; встречается упоминание произведения У.Ф. Бакли «Бог и человек в Йельском университете». Интеграция раскрывается в результате эксплуатации интертекстуальной компетенции читателя. Произведение представляет собой консервативную критику предполагаемой либеральной предвзятости в элитных образовательных учреждениях на примере Йельского университета. Ссылаясь на эту работу, автор медиатекста связывает нынешние

²⁹ URL: <https://clck.ru/3PbMCP>

³⁰ The New Dictionary of Cultural Literacy, comps.: E.D. Hirsch, Jr. J.F. Kett, J. Trefil, 2002. P. 140.

³¹ Перевод из Энциклопедического словаря крылатых слов и выражений, сост.: В. Серов (2003 г.)

³² URL: <https://clck.ru/3PbMDG>

политические усилия движения MAGA³³ по перестройке университетов с давней консервативной традицией бросать вызов элитным академическим институтам. Парольная апелляция к литературе помещает злободневный политический сюжет в широкий исторический контекст продолжающейся идеологической борьбы в сфере американского образования.

Так, рассматриваемое издание не только использует артефакты культуры в качестве привлекающих внимание символов, источников опыта, способствующего интерпретации событий в настоящем времени, но и предлагает аудитории совместно этот опыт обогащать и, следовательно, формировать основы для дальнейшей коммуникации.

В медиатексте *How to get rich in 2025*³⁴ (27.02.2025) встречаются прецедентные феномены, имена, высказывания и ситуации классической британской и французской литературы, которые структурируют и придают медиатексту форму: *A single man of large fortune; four or five thousand a year. What a fine thing for our girls!*” (высказывание) *In “Pride and Prejudice” Jane Austen* (имена) *did not have to explain to the 19th-century reader what Mr Bingley’s* (имя) *“four or five thousand a year”* (высказывание-намеки) *meant, or why it excited* (ситуация) *Mrs Bennet* (имя). *It was obvious. Mr Bingley was an heir* (ситуация). *And the surest way to get rich was not by working hard but by marrying the right person. Fast-forward to today, and rich countries are starting to look like Austen’s world* (имя + ситуация). *In ways that will upend the economy and society, inheritance is back; The inheritance boom may, in turn, reinforce the trend towards slower economic growth. Just as in Honoré de Balzac’s time* (имя + ситуация), *the best way to get rich is increasingly not to work hard, but to marry well. “You will need to suffer ten years of misery...and lick the courthouse floor with your tongue,”* (высказывание) *says a character in “Père Goriot”* (имя), *as he lectures another about how only an idiot would choose a salary over an inheritance* (ситуация); *Our*

³³ MAGA (Make America Great Again) — американский политический лозунг, популяризированный Дональдом Трампом в ходе его президентской кампании 2016 года.

³⁴ URL: <https://clck.ru/3PbMDq>

advice is clear: you should find a modern-day Mr Bingley (имя) with “four or five thousand a year” (высказывание + ситуация), rather than someone who is clever or hardworking.

Отметим, что в медиатексте также встречаются сопутствующие референции к поп-культуре: *“Succession” (имя), a tv series, focuses on the wranglings of a set of siblings who hope to gain control of their father’s media empire. “Crazy Rich Asians” (имя) follows the trials and tribulations of a woman marrying into a Singaporean dynasty. Popular fiction, from “The Nest” by Cynthia d’Aprix Sweeney (имена) to John Lanchester’s “Capital” (имена), deals with the questions raised when people inherit vast sums. In the latter, a character receives a house in London (ситуация): “The equation was too plain and too depressing. In the debit column, she had lost her mother; in the credit column, she now had a gigantic pile of cash.” (высказывание).*

Интертекстуальные параллели между социальными настроениями XIX века, запечатленные в литературных мирах классиков, и современной действительностью подразумевают (очевидно, с некоторой долей иронии) возврат к социально-экономической модели, где богатство приобреталось преимущественно через наследование, а не личные усилия. Апелляция к примерам из современной художественной литературы демонстрирует, что рассматриваемая тенденция затрагивает не только экономические аспекты, формируемые под влиянием политической среды, но также прочно закреплена в самой культуре общества. Важно, что, поскольку фигурирующие художественные сюжеты не лишены трудностей, разочарований персонажей-наследников на пути вхождения в круги богатых людей, представляется возможным полагать, что прецедентика в данном случае также предлагает читателям задуматься о моральной стороне обозначенной тенденции.

Интересным в отношении интеграции прецедентики представляется следующий медиатекст, посвященный описанию политического стиля президента Америки, озаглавленный следующим образом: *Trump for dummies.*

*A ten-step guide*³⁵ (12.12.2024). Текст имеет необычную форму, которая напоминает читателю серию книг «... для чайников» (англ. "... for Dummies"), разработанную для самообучения начинающих пользователей компьютера. Специфика книг заключается в легкости восприятия благодаря понятному языку, отсутствию избыточных деталей, наличию визуальных подсказок и остроумных, юмористических комментариев.

Прецедентика в медиатексте начинается с заголовка и дизайна сопровождающей его карикатуры, также вызывающей в культурной памяти аудитории серию обучающих книг (Рис. 2, 3). Основная часть медиатекста поддерживает сатирический и одновременно поучительный тон: *Hello and welcome to the Donald J. Trump School of Politics and Public Policy!*; и представляет собой 10-шаговое руководство, посредством которого автор предлагает доступно осветить для читателей ключевые аспекты деятельности президента. В основной части текста встречается вариант преобразованного через параномазию прецедентного названия книг-источников: *Trump for Demmies*; трансформированная на основе паронимии путем присоединения лексемы *Democrats*.

Медиатекст служит примером жанров *politicotainment*, *democrataintment*. В нем также присутствуют гиперссылки на сопутствующий темам контент издания, система которых позволяет поместить этот материал в более формальную политическую повестку. Творчески упростив содержание медиатекста посредством литературного прецедентного феномена, автор демистифицирует политическую обстановку, эффективно реализуя консолидирующую (страна происхождения источника — Америка, поэтому данный феномен можно считать национально прецедентным) функции литературной пародии в политической журналистике.

³⁵ URL: <https://clck.ru/3Pbog5>

Trump for Dummies

A ten-step guide

ILLUSTRATION: DAVID SIMONDS

Dec 12th 2024

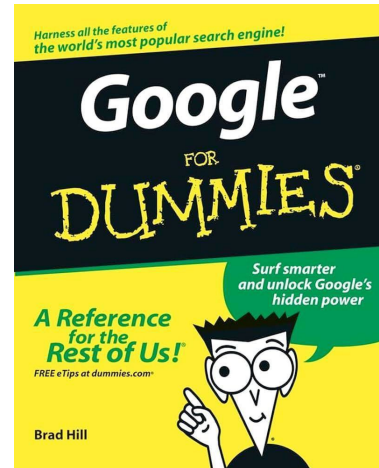

Рис. 2. Карикатура к медиатексту "Trump for dummies. A ten-step guide".
Автор: David Simonds

Рис. 3. Пример дизайна обложки книги из серии — источника прецедентности. Автор: Rich Tennant

Анализ представленных примеров демонстрирует, что разработанная методика исследования прецедентных феноменов успешно применима и к материалам на английском языке.

Несмотря на то, что составленный корпус медиатекстов британских онлайн-изданий, в том числе *The Economist*, не претендует на всеобъемлющее описание прецедентности в современном англоязычном политическом медиадискурсе, он способствует выявлению русско-английских параллелей и описанию специфики интеграции прецедентных знаков лингвокультурного общества. Так, в медиаконтенте *The Economist* способы интеграции прецедентных феноменов соответствуют трем установленным нами вариантам, то есть также могут быть дифференцированы на упоминания (преимущественно в заголовках) без развития апелляции к источнику, эксплицитные включения с авторскими пояснениями, а также примеры импликации пересечений литературы и политики, которые требуют активной эксплуатации читательской интертекстуальной компетенции. Кроме того, как и в русскоязычном медиадискурсе, прагматически значимым предстает интертекстуальное окружение литературного прецедентного феномена.

Ключевым отличием англоязычной прецедентики представляется эксплицитность реализации оценочной функции, что было ранее отмечено

нами в рамках анализа медиаконтента *The Guardian* [Наволоцкая 2022: 689]. Вместе с тем, в рамках реализации прагматической функции осуществляется интерпретация и симплификация комплексных политических явлений и процессов, а также имеет место стимулирование целевой аудитории к критическому осмыслению политической действительности; в рамках реализации консолидирующей функции обеспечивается историко-культурный контекст политической проблемы, рассматриваемой в отдельном медиатексте.

ВЫВОДЫ

Резюмируя изложенное во второй главе диссертационной работы, представляется возможным сформулировать ряд выводов относительно теоретико-методологических основ исследования прецедентности в политическом медиадискурсе, а также зафиксировать «параллели» литературной прецедентности в российской и британской политической риторике и обозначить специфику каждой.

Политический медиадискурс представляет собой массив текстов, которые порождаются и интерпретируются в рамках политической сферы. Интенциональность в данном случае связана с овладением властью, и любое концептуальное положение способно реализовать эту интенцию только посредством языкового выражения и погружения в конкретную социокультурную среду. При этом одним из наиболее эффективных речевых инструментов выступает прецедентный феномен благодаря семантической насыщенности и вместе с тем лаконичности выражения.

Анализ истории вопроса, а также эмпирических данных позволил разработать методику работы с литературной прецедентностью в медиатекстах политической направленности, которая подразумевает последовательное выполнение следующих задач: выявление апелляции к литературе и обязательная верификация ее прецедентности; типологизация прецедентного феномена с учетом возможности комбинаций типов одной парадигмы; семантико-прагматический анализ, в том числе выявление контекстуального окружения, включая слова текущего момента как дискурсивный признак актуальности анализируемого прецедентного феномена; определение функционального назначения прецедентности; описание авторской проработки прецедентного феномена и специфики ее восприятия аудиторией.

В результате неоднократного выполнения первой задачи установлено, что авторы интегрируют прецедентные феномены в политический контекст тремя ключевыми способами: посредством единичного упоминания без

дальнейшей ассоциативной связи с текстом-источником; эксплицитно с указанием пересечений литературного мира с политическими реалиями; имплицитно, лаконичным намеком, который способствует интеллектуальному диалогу между автором и массовым адресатом, укреплению доверия к автору, медиаресурсу и требует от реципиента эксплуатации интертекстуальной компетенции, а при удачной реализации образовательного потенциала прецедентного феномена — мотивированного знакомства с литературным источником и, как следствие, заполнения культурной лакуны, усиления чувства единства с читающим сообществом и национальной культурой в целом. Методика анализа по выявлению специфики, а также установленные нами способы интеграции прецедентных феноменов применимы к обоим вариантам политического медиадискурса.

Анализ исследуемого материала выявил, что в российском политическом медиадискурсе доминирующую прецедентную базу составляют классическая и советская литература, доля которых превышает 76% всех проанализированных примеров, при этом вклад современной отечественной литературы остается минимальным (менее 1%). Около 24% литературных прецедентных обращений приходится на мировую художественную литературу, что способствует расширению культурного, смыслового контекста политических коммуникаций. Результаты подчеркивают литературоцентричность российского общества и корреляцию с базовыми ценностями, закрепленными в Указе Президента РФ № 809 от 09.11.2022.

В британском политическом медиадискурсе, напротив, литературный капитал представлен более широким спектром авторов как национальной, так и мировой литературы, охватывающей различные исторические эпохи и традиции; здесь национальные и зарубежные источники используются практически в равной пропорции (55% и 45% соответственно). Современная художественная литература занимает в британском медиадискурсе около 4,5%, значительно превосходя ее долю в русском медиапространстве. Анализ литературных прецедентов в британских медиатекстах демонстрирует тесную

связь с главными ценностными ориентирами европейского общества, в том числе стремление к власти, достижение успеха, самостоятельность, справедливость, приверженность традиции и безопасность.

Заметим, что русскоязычный медиаконтент отличается большей эзоповизацией прецедентики, требующей от аудитории активного использования интертекстуальной компетенции. Для британского политического медиадискурса, напротив, характерно эксплицитное выражение оценочного потенциала прецедентных феноменов литературы, а также вербальных и невербальных стимулов к критическому осмыслению действительности, что упрощает коммуникацию между автором и его аудиторией, способствует актуализации образовательного, воспитательного потенциала литературной прецедентики.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Данная глава посвящена описанию функциональной специфики прецедентных феноменов, которая реализуется в современных русско- и англоязычном политических медиадискурсах.

В ходе исследования нами определен ряд основных функций прецедентности со сферой-источником «литература»: обязательные, в том числе смыслообразующая, оценочная, прагматическая; и вариативные, включая консолидирующую, эстетическую, функцию создания/трансформации имиджа. Данный перечень в сочетании с ведущими классификациями функционального назначения прецедентности представлен в Таблице 1 в рамках реферативной главы.

Эмпирический материал настоящей главы составил корпус медиатекстов политической направленности отечественных и британских онлайн-изданий, обзор которых приведен в подразделах 2.3.1 и 2.3.2 предыдущей главы. Вошедший в корпус медиаконтент служит актуальным отражением функциональной специфики прецедентных феноменов, характерных для политического медиадискурса в информационном пространстве России и Великобритании.

Большинство примеров представлено медиаконтентом авторитетных онлайн-изданий “The Economist” и «Коммерсантъ» (в частности репортажами корреспондента А. Колесникова). Выбор из общего корпуса материалов исследования и последующий анализ прецедентности именно этих медиатекстов обусловлены присутствием в них творческого начала, которое проявляется в авторской интерпретации политических явлений, событий и *выразительно продуктивной* интеграции прецедентных феноменов из отечественной, британской и мировой художественной литературы.

3.1 Обязательные функции прецедентики в политическом медиадискурсе: смыслообразующая, оценочная и прагматическая

Облигаторными функциями литературной прецедентики в политическом медиадискурсе выступают смыслообразующая, оценочная и прагматическая.

Функция *образования нового смысла* при интеграции прецедентного феномена в политический медиатекст представляется нам базовой. Поскольку каждый прецедентный феномен характеризуется смысловой компрессией, мы полагаем, что реализация этой функции неизбежно проявляется в процессе расширения семантического объема текста-мишени, независимо от формы выражения исследуемого явления. В случае интеграции прецедентного феномена в заголовочный комплекс для привлечения внимания нельзя исключать влияния прецедентики на семантическое обогащение дискурса в рамках нарративного аспекта который, согласно Н.И. Клушиной, необходимо учитывать наряду с интенциональным как «сплетение различных голосов, что формирует полифоничность» медиадискурса [Клушина 2014: 77].

Непосредственно *апелляция* к художественной литературе для объяснения новой информации политического толка предполагает отсутствие спонтанности, предварительную *оценку* и выполнение задачи по подчинению литературного знака инфлюативной составляющей медиатекста [Медиалингвистика в современной научной парадигме 2024: 45], то есть проявлению *прагматической* функции языка, которая понимается как направленное воздействие и взаимодействие автора и адресата в коммуникации. Кроме того, обязательность реализации оценочной и прагматической функций прецедентики обусловлена спецификой политического медиадискурса.

Отметим, что в политическом медиаконтенте оценочный потенциал прецедентных феноменов зачастую не декларируется прямо, оставляя интерпретацию на усмотрение аудитории, что требует от последней активного

использования интертекстуальной компетенции. Поскольку ориентация журналиста на предпочтения целевой аудитории составляет ключевой элемент прагматического подхода к созданию медиапродуктов [Валгина 2003: 13], данная стратегия направлена на повышение эффективности передачи информации путем достижения требуемого уровня прагматической адекватности [Панина 2012: 36].

Перейдем к изучению примеров влияния прецедентики на семантику медиатекста, оценочность и прагматику на материале политического медиаконтента современных отечественных и британских авторов.

3.1.1 Реализация обязательных функций в российском политическом медиадискурсе

В настоящем разделе представлен анализ примеров выполнения прецедентикой смыслообразующей, оценочной и прагматической функций в процессе формирования образного повествования, выражения социальных и политических позиций, а также вовлечения аудитории в отечественном политическом медиадискурсе.

Обратимся к медиатексту *Сами мы не местное*³⁶ (Коммерсантъ, 16.01.2024) о встрече президента России В.В. Путина с главами муниципалитетов, которая состоялась на площадке Live Arena. Автор, А. Колесников, описывает атмосферу мероприятия, отмечая необычно большое количество участников и неформальный стиль их общения. В тексте уделяется внимание деталям организации события, бытовым наблюдениям, разговорам с мэрами и номинантами премии «Служение», а также курьезным ситуациям с ПЦР-тестами и приглашениями. Благодаря авторскому изложению мероприятие воспринимается как демонстрация «муниципального могущества» и носит предвыборный характер: *Все тут было, прямо скажем, очень и очень предвыборно.*

³⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6454609>

Нарратив эффектно дополняет семантический слой литературного порядка благодаря интеграции соответствующих теме прецедентных феноменов. Сам заголовок медиатекста апеллирует к прецедентному высказыванию из советского художественного фильма «Адъютант его превосходительства», снятому по мотивам одноименного романа И.Я. Болгарина и Г.Л. Северского, в котором встречается следующая цитата: *Сами мы не местные, но свободный капиталец имеем*³⁷. В заголовке цитата морфологически преобразована и контекстуально может быть дополнена лексемой *самоуправление*. Прецедентность обеспечивает «знакомое звучание», что привлекает внимание адресатов, и вместе с тем привносит смысл географического разнообразия участников мероприятия — «приезжих» руководителей, которые наделяют сюжет региональной идентичностью.

В основной части текста присутствуют две референции к художественному творчеству И. Ильфа и Е. Петрова. Первая из них выражена через прецедентное имя и сопутствующий образ, заимствованные из романа «Золотой теленок», где Остап Бендер, Шура Балаганов и Паниковский выдают себя за сыновей героя революции 1905 года лейтенанта Шмидта, вымогая у местных советских властей деньги и льготы [Серов 2003]. В тексте приводится следующая цитата: *Нет, все-таки он был больше похож на одного из сыновей лейтенанта Шмидта, а не на мэра российского города. Мэра-то, мне казалось, я сразу узнаю*. В данном случае ядерное значение, традиционно связанное с образом мошенника, смещается в сторону более нейтрального, реализуя тем самым оценочную функцию — обозначает внешнего несоответствия героя сюжета занимаемой должности мэра.

Вторая референция, прецедентная ситуация, напоминает читателям атмосферу постоянного движения, творческой и административной работы, объединенной единой целью — выпуском газеты, контора которой в романе «Двенадцать стульев» представлена в рамках следующего описания: *По*

³⁷ URL: <https://clck.ru/3PbpXE>

*этажам и коридорам топали ноги секретарей, машинисток, управделов, экспедиторов с нагрузкой, репортеров, курьерш и поэтов <...> вершить обычные и нужные дела <...>. На втором этаже версту коридора занимала редакция и контора большой ежедневной газеты «Станок»³⁸. Данный прецедентный образ в рассматриваемом медиатексте обеспечивает авторскую оценку происходящего вокруг и передает общий эмоциональный фон описываемого мероприятия: *Я поднялся наверх и удивился огромному их количеству. Здесь был просто человеческий муравейник, мне просто не верилось, что тут собрались одни главы муниципальных образований, их была тьма, это была просто демонстрация муниципального могущества, ни у кого, наверное, нет их столько, ни у одной страны мира! И все они сновали вверх, вниз и в стороны, это была просто редакция газеты «Станок» в разгар рабочего дня.**

Далее по тексту встречаем прецедентное имя — название стихотворения Б.Ш. Окуджавы: *Время от времени из глубин какого-нибудь снимающегося семейства (а снимались в основном именно семейно, по родству регионов) раздавалось троекратное «ура!», и праздничное настроение усиливалось троекратно;* которое усиливает образ регионального единства и праздничного настроения среди участников.

Знакомые национальные прецедентные цитаты и образы в данном медиатексте выполняют функцию семантического расширения ключевых тематик, таких как региональная идентичность, имиджевая неоднозначность персонажей, коллективное единство и динамика события, при этом реализуя важную оценочную функцию, что способствует более содержательному восприятию описываемой ситуации адресатами. Прагматическая функция, в свою очередь, реализуется через создание установочного контекста, один из эффектов которого — вызвать эмоциональное сопереживание со стороны читателей медиатекста.

³⁸ И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. М., Правда (1987 г.). Предисловие К. Симонова.

Следующие тексты политического медиаконтента включают адъективированное прецедентное имя универсального, международного, канонизированного порядка: *И вот тут-то перед американскими производителями встал просто гамлетовский вопрос — а куда вообще сбывать свою продукцию? <...> Теперь западники мечтают все вернуть "как при бабушке", но, чтобы сохранить лицо, позиционируют это как "смягчение антироссийских санкций". Но тут и перед нами встает гамлетовский вопрос: а оно нам вообще надо?*³⁹ (РИА Новости, 03.10.2025). Интеграция трансформированного прецедентного имени предполагает отсылку к прецедентной ситуации, связанной со сложным и даже парадоксальным выбором, характерным для героя У. Шекспира. В медиатексте данный символ выполняет семантическую задачу — обозначает дилемму, стоящую перед западными странами: следует ли им продолжать санкционную политику в отношении России, учитывая, что данные меры в итоге наносят ущерб и им самим. Кроме того, референция также отражает авторскую оценку позиции России, ее стратегических интересов и вероятности ответных действий в условиях санкционного давления. Таким образом, словосочетание *гамлетовский вопрос* выступает метафорой непростого выбора, сопровождающегося внутренней уверенностью и необходимостью поиска рационального решения в условиях политической турбулентности. Прагматика состоит в повышении убедительности текста за счет активизации культурной компетенции аудитории.

В нашем корпусе вербальных текстов политического медиадискурса наиболее эксплицитная форма реализации обязательных функций прецедентики представлена речью председателя Конституционного суда Российской Федерации, опубликованная в сети: *Политические молчалины нашего времени, как и в прежние годы, присягают фамусовым. Фамусовы, проявляя чванливость и бездарность, провоцируют в обществе протест.*

³⁹ URL: <https://clck.ru/3PbpaR>

*Протест оседлывают чацкие. Умеренность оказывается скомпрометированной, поскольку все видят, что она присягает фамусовщине. Все видят это и только это. Все видят молчалиных и не хотят видеть дымовых. Да и сами дымовы — хороши! Они-то что, не понимают, чем может обернуться такая коллизия?*⁴⁰ (сайт Конституционного Суда Российской Федерации, 12.05.2023). Фрагмент медиатекста демонстрирует комплекс дериватов литературных антропонимов, заимствованных из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» и повести А.П. Чехова «Попрыгунья» (на примере антропонима *дымовы*), и реализует стратегию *цитатного письма*, интегрируя в повествование ядерные характеристики инвариантных прецедентных феноменов. Использование литературных имен собственных во множественном числе представляет собой морфологическую трансформацию и позволяет обобщить, подсветить типичные характеристики определенного социального или личностного типа. В частности, суффикс *-щин* выполняет функцию экспрессивной оценки с негативной коннотацией, отражая авторское осуждение.

Так, антропоним *Фамусов* олицетворяет консерватизм, ограниченность и посредственность дворянского общества, для которого характерна пассивность и безынициативность⁴¹, что усиливается прецедентным именем персонажа *Молчалина* — конформиста и льстеца. В.Г. Белинский, рассуждая о «знакомых незнакомцах» в читательской практике, пишет: «Не говорите: вот чиновник, который подл по убеждению, злореден благонамеренно, преступен добросовестно — скажите: вот Фамусов! Не говорите: вот человек, который подличает из выгод, подличает бескорыстно, по одному влечению души — скажите: вот Молчалин!»⁴². В этой символической парадигме выражение *присягать фамусовым* означает следовать устаревшим нормам и поддерживать статус-кво, несмотря на его очевидные недостатки. Напротив,

⁴⁰ URL: <https://clck.ru/3PbrLX>

⁴¹ Описание персонажей верифицировано через обращение к тексту произведения-источника, данным Российского гуманитарного энциклопедического словаря (2002 г.).

⁴² Отрывок из статьи В.Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835 г.).

Чацкий олицетворяет просвещенность, критическое осмысление действительности, стремление к переменам, и этот образ удачно транслирует выражение прецедентного характера *протест оседлывают чацкие*.

Дымов, в свою очередь, выступает символом российского интеллигента, воплощающего ум, деликатность и скромность, однако покорность персонажа делает образ пассивным и уязвимым [Кондратьева 2016]. Логико-семантические связи, выстраиваемые автором между прецедентными именами, значительно повышают символическую плотность медиатекста, что обуславливает необходимость глубокого когнитивного вовлечения реципиента, при этом может не стать исключением обращение адресата к первоисточнику с целью уточнения смысловых отношений, актуализации знаний и переосмысления идейного содержания злободневных произведений классической литературы.

В русскоязычном медиаконтенте прагматический и оценочный потенциал литературных прецедентных феноменов проявляется также в речи непосредственных героев политических сюжетов; подобные примеры составляют около 11% от общего объема отобранного материала. В качестве соответствующего примера обратим внимание на медиатекст *Поэт грустит, писатель сожалеет*⁴³ (Коммерсантъ, 03.12.2024) о встрече президента Российской Федерации с молодыми учеными. Отметим, что заголовок представляет собой прецедентное высказывание, источник которого — одноименное стихотворение советского поэта Р.Г. Гамзатова в переводе Н.И. Гребнева⁴⁴.

А. Колесников приводит цитату президента: *Вот есть такая книжка известная — «Мертвые души»* (прецедентное имя) <...>. *Один из главных героев говорит: «Завели пренебрежительный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упуцения»* (прецедентное высказывание). Далее собеседник В.В. Путина, А. Вышинский, выражает согласие, однако автор медиатекста

⁴³ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7345131>

⁴⁴ URL: <https://clck.ru/3PbrQG>

иронично замечает, что неясно, что именно господин Вышинский помнит: *что есть такая книжка или что есть такая фраза (заканчивается, как известно, вообще трагически: «Да и лошадей их корми сеном!»)*; в то же время продолжая прецедентное высказывание, инициированное президентом. Немой вопрос корреспондента выявляет двусмысленность апелляции к данному литературному прецедентному феномену, на который президент, словно в ответ, разъясняет, что такие организации, как «Сбер» и «Сириус»⁴⁵, при проведении научных мероприятий должны уделять больше внимания непосредственному привлечению самих учащихся. Главный герой репортажа подчеркивает важность взаимодействия с детьми, которых он характеризует как умных, талантливых, и это объясняет аксиологический характер прецедентного текста в заголовке.

Заголовок *Не Москва ль за ними?*⁴⁶ (Коммерсантъ, 20.07.2024) к медиатексту о предстоящих выборах депутатов Московской городской думы апеллирует к той части стихотворения «Бородино» М.Ю. Лермонтова, где в битве русские солдаты обороняли не просто поле, а рубеж, за которым находилась Москва. Прецедентное высказывание, морфологически адаптированное для соотнесения с кандидатами в депутаты, актуализирует историческую память, а именно память о знаковом сражении Отечественной войны 1812 года. Прагматический эффект в данном случае заключается в установлении эмоционального контакта на этапе прочтения заголовка, а затем в процессе ознакомления адресата с основной частью — в обеспечении оценки рядовой политической борьбы как героической и драматичной битвы, что эффективно повышает значимость описываемого политического события.

Заголовок *Уважать себя заставим*⁴⁷ (Коммерсантъ, 08.06.2023) к медиатексту об отставке спикера законодательного собрания Челябинской области представляет собой обращение к тексту «Евгения Онегина»

⁴⁵ Образовательный центр поддержки талантливых детей в России

⁴⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6822984>

⁴⁷ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6029743>

А.С. Пушкина. Автор, поддерживая интертекст в основной части материала: *проявлено недостаточно уважения*; использует литературный прецедентный феномен как намек на конфликт между героем и депутатским корпусом, что усиливает смысловую нагрузку заголовка. Прагматическая функция реализуется через упоминание срыва пленарного заседания из-за отсутствия кворума — это создает контекст борьбы за авторитет и влияние внутри институтов власти. Заголовок несет в себе оценочную коннотацию о необходимости взаимного уважения, сохранения достоинства и репутации в политической сфере. Литературное знание национального уровня, разделяемое автором и аудиторией, обеспечивает эффективное коммуникативное взаимодействие, формируя образное восприятие ситуации.

Отсылка к прецедентному имени — названию шестой главы «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова — содержится в заголовке *Дихотомия, как и было сказано*⁴⁸ (Коммерсантъ, 08.09.2023) к медиатексту о голосовании на выборах 2023 года, а также мнениях партий на этот счет: одни призывают голосовать в последний день, чтобы снизить риски фальсификаций, другие же поддерживают возможность голосования в любой из трех установленных дней, а некоторые приветствуют исключительно электронную форму голосования. Литературный и политический сюжеты объединены идеей внутреннего конфликта, двойственности ситуации, что свидетельствует о реализации смыслообразующей, оценочной функций. Замена *шизофрении* на *дихотомию* через параномазию преследует прагматическую цель: смягчает эмоциональный фон высказывания, переводит акцент с хаотичности и патологичности болезни на рациональное понимание противоречия во мнениях. Так, автор медиатекста сохраняет выразительность, образность, а также оптимизирует представление мнений политических акторов в рамках своего повествования.

⁴⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6199836>

Заголовок *Дом с мезонинным*⁴⁹ в медиатексте об агитации населения инвестировать в российскую экономику, с одной стороны, отсылает к рассказу А.П. Чехова «Дом с мезонином», где мезонин — это промежуточный этаж, символизирующий особое, «переходное» пространство. Литературный символ задает культурный контекст диалога между корреспондентом и читателями. С другой стороны, в экономическом и политическом контексте медиатекста термин *мезонинный* относится к виду финансирования, при котором привлекаются дополнительные средства сверх обычного банковского кредита. Таким образом, заголовок сообщает о положительной оценке новых финансовых инструментов и структурных мер, которые создадут «новый этаж» в экономическом «доме» страны, способствуя ее развитию. Благодаря парному смыслу — литературному и экономическому — заголовок не только привлекает внимание, но реализует смыслообразующую функцию, оптимизируя восприятие темы, так как связывает культурную традицию с актуальными экономическими процессами, и подчеркивает инновационный характер обсуждаемых в медиатексте мер.

Сочетание профессионализма и литературного образа встречается в медиатексте под заголовком *Искусственный требует жертв*⁵⁰ (Коммерсантъ, 24.11.2022) в форме прецедентного феномена *облако не останется в штанах*, который одновременно может быть интерпретирован через соотнесение с поэмой В.В. Маяковского и облачными технологиями. В.В. Маяковский в своих произведениях обращается к идеям прогресса, преобразования общества, необходимости развития и активных действий для достижения целей. В медиатексте о мероприятии, где обсуждается стратегическая роль искусственного интеллекта для будущего России, цитирование советского поэта выполняет смыслообразующую функцию, перенося поэтическую символику на актуальную тему технологических вызовов. Оценочная функция проявляется в акцентировании необходимости решительного и взвешенного

⁴⁹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5902088>

⁵⁰ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5682249>

подхода к инновациям. Прагматическая, в свою очередь, активизирует (с некоторой долей иронии) вовлеченность аудитории в полилог о стратегиях технологического развития страны.

Реализация прецедентикой функций образования нового смысла, оценочной и прагматической в русскоязычной политической риторике очевидна, однако их выражение характеризуется значительной степенью имплицитности. Оценочная функция чаще проявляет себя в позитивном аспекте, тогда как критические оценки встречаются реже. Вместе с тем важно, что воздействующий потенциал скрытой оценки остается высоким, а также нередко усиливается посредством иронией. Прагматическая функция художественной прецедентики обычно направлена на построение эмоционального фона, соответствующего политическому сюжету.

3.1.2 Реализация обязательных функций в британском политическом медиадискурсе

В настоящем разделе на примерах современных англоязычных политических медиаматериалов описывается влияние литературной прецедентики на формирование смыслов, выражение оценок и достижение авторских интенций в коммуникации с массовым адресатом.

Медиатекст *A room of their own. Texas's Democrats prepare for a glorious defeat*⁵¹ (The Economist, 14.08.2025) посвящен Демократической партии Техаса, которая, предвидя собственное поражение вследствие изменений границ избирательных округов, выгодных Республиканской партии, принимает решение покинуть территорию штата, невзирая на очевидные политические издержки, чтобы воспрепятствовать обеспечению кворума в законодательном собрании. Оценочность прецедентики реализуется через «сквозную» тему протеста, поддержанную заголовочным комплексом, в котором присутствует трансформированное с помощью лексической

⁵¹ URL: <https://clck.ru/3PbMEA>

субституции название эссе английской писательницы Вирджинии Вулф, дополненное выражением *glorious defeat*, источником которого может служить историческое событие — «славная революция» 1688–1689 гг. (англ. *glorious revolution*), в свое время вызвавшая дискуссии о сути конституции, природе монархии, правах подданных в английском обществе⁵².

Литературный прецедентный феномен декодируется в начале медиатекста: *Virginia Woolf* (прецедентное имя) *wrote in her essay “A Room of One’s Own”* (прецедентное имя) *that women who want to write fiction need physical space to think* (прецедентные текст и ситуация). *When Christian Manuel, a Democratic lawmaker, left Austin on August 3rd he carried her book with him. He and nearly 40 of his colleagues from the Texas statehouse would soon find themselves holed up in bare hotel rooms* (прецедентный знак; метафора) *in a sleepy suburb in Illinois. If they were novelists* («литературное» сравнение) *this retreat would surely be calm. Instead they are in the midst of a red-hot political rebellion: they have left the state to break the legislature’s quorum and prevent a new congressional map that would give Republicans an edge in future elections from getting a vote.* Автор раскрывает прагматический потенциал используемых референций, в том числе использует знакомый читателям образ писательницы, который в акциональном коде ассоциируется с революционными, визионерскими действиями, в том числе в отношении проблем политического порядка, в качестве вступления к описанию текущих событий. Отметим, что прецедентным знаком служит и *образ комнаты*, выступающий метафорой условий социальной, экономической, политической самостоятельности, изолированности, что также позволяет нам рассматривать медиатекст как пример реализации *эстетической* функции литературной прецедентики.

Заголовочный комплекс *President Lear. Senility in high office. Even leaders who are spry for their age eventually lose their grip*⁵³ (The Economist, 03.07.2024)

⁵² См.: Томсинов В.А. (2015). «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах: Учебное пособие. М.: Зерцало-М. 256 с.

⁵³ URL: <https://clck.ru/3PbMFf>

включает в себя прецедентное имя шекспировского персонажа. Смыслообразующая функция проявляется в том, что образ короля Лира становится культурным ориентиром для введения в основную часть текста исторических фигур — ключевых политических деятелей первой половины XX века, как Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт и др. Их упоминание связано с контекстуальной идеей о закономерном процессе старения и ослабления позиций ведущих политиков.

При этом в заголовке автор осуществляет субституцию слова *король* на *президент*, что актуализирует трагический образ, помещает его в контекст власти анализируемого периода истории. Семантическую целостность поддерживает выбор сопутствующих прецедентному имени прилагательных: *senile* (showing poor mental ability because of old age, especially being unable to think clearly and make decisions); *spry* (especially of older people; active and able to move quickly and energetically).⁵⁴

Прецедентное имя способствует реализации оценочного потенциала материала, подчеркивая универсальность проблемы: *History, science and common sense concur: even great leaders age; Because getting to the top requires such stamina, many successful politicians are “superagers”—people who preserve their physical and mental fitness into old age far better than the average. However, high office takes a toll, and even superagers must eventually deteriorate; а также обращая внимание на окружение политика, которое зачастую оказывается ненадежным или бездействующим: And the people around them, whose jobs may depend on the big guy keeping his, have every incentive to deny or conceal it.*

Финал медиатекста отличается метатекстуальным характером посредством интеграции прецедентного высказывания немецкого драматурга И. В. Гете с включением шекспировского героя: *From George Washington to Nelson Mandela, history tends to smile on leaders who bowed out before they had to. For the rest, Goethe has the last word: “An old man is always a King Lear.”*

⁵⁴ Определения из онлайн-словаря “Cambridge Dictionary” (URL: <https://clck.ru/3PcGuL>).

Прагматическая задача синергии литературы и политики в рассматриваемом медиатексте состоит в привлечении внимания адресата к тому, что эффективное лидерство требует не только опыта, авторитета, но и способности адаптироваться к новым условиям, сохранять гибкость мышления перед лицом современных вызовов.

Медиатекст *Also this week, Israel and Gaza, net zero, playback speeds, "Moby-Dick". Captain Ahab as president*⁵⁵ (The Economist, 28.08.2025) реализует три обязательные функции с помощью литературного прецедентного феномена, представленного образом капитана Ахава из романа «Моби-Дик» американского писателя Г. Мелвилла, включая библейскую аллюзию на царя Ахава. Смыслообразующая функция выражается в том, что этот прецедентный образ символизирует одержимость, разрушительность поведения человека, наделенного властью, которая ему не под силу⁵⁶. Оценочная функция проявляется через негативные коннотации образа, заостряя внимание на рисках, связанных с амбициозным и приспособленческим поведением подобных лидеров. Основная цель прагматической функции — стимулировать слушателей к анализу и осознанному восприятию проявлений власти и лидерства.

Данный материал примечателен тем, что относится к разделу писем читателей “A selection of correspondence”, а это подчеркивает интерактивный, диалогичный характер онлайн-издания. Ссылка автора на предыдущий материал *The Economist*, также посвященный пересечению политики и литературы, демонстрирует эффективность литературоцентричной стратегии редакции, направленной на объединение политического и художественного дискурсов в своих материалах. В частности, обзор консервативных романов, вдохновивший автора письма, указывает на глубокую взаимосвязь между жизнью и искусством, что усиливает вовлеченность аудитории и стимулирует аналитическое восприятие политических процессов через призму

⁵⁵ URL: <https://clck.ru/3PbMG5>

⁵⁶ URL: <https://clck.ru/3PbMGd>

литературных образов: *Your review of the novels conservatives want you to read reminded me that life can imitate art (“The right way to read”, August 9th). Imagine a delusional leader scarred by past events who assembles a crew of misfits, promises them riches, and then after taking command reveals that his true aim is to exact revenge. Sound familiar? It’s “Moby-Dick”. It doesn’t end well.*

Медiateкст *Cash no longer rules Caracas. A new paradise for crypto*⁵⁷ (The Economist, 24.07.2025) рассказывает о стремительном росте влияния цифровых финансов в условиях тяжелого экономического кризиса в Венесуэле. Из-за гиперинфляции, обесценивания национальной валюты — *боливара*, и дефицита наличных денег, многие венесуэльцы вынуждены переходить на криптовалюты. Популярность криптовалют растет, поскольку они также помогают обходить валютные ограничения и международные санкции. Критическую оценку валютного коллапса эффективно обеспечивает литературный прецедентный текст, интегрированный автором медiateкста эксплицитным способом, в роли художественного вступления: *In Ian Fleming’s 1961 novel, “Thunderball”, Ernst Stavro Blofeld, James Bond’s archenemy, considers the bolívar, along with the Swiss franc, to be the “hardest” of all the world’s currencies, an ideal store of value for the takings of his criminal enterprise. This fictional depiction accurately reflected contemporary economics.*

Литературная апелляция национального характера к седьмому роману Я. Флеминга о Джеймсе Бонде «Шаровая молния» служит демонстрации автором контраста между историческим положением Венесуэлы, когда боливар был стабильной, твердой валютой, и современным кризисным состоянием экономики и политики страны. Отметим, что в медiateксте, как и в романе британского писателя, фигурирует тема преступного мира: *Then, cash was king. Card payments were functionally useless because banks were still accounting using the official exchange rate, meaning spending limits became minuscule. “Going out to dinner you felt like a drug dealer, with bricks of banknotes*

⁵⁷ URL: <https://clck.ru/3PbMGg>

in every pocket,” recalls a diplomat who was posted to Caracas at the time; что усиливает критическую оценку сложившейся экономической ситуации. Литературная прецедентика в рассматриваемом случае выполняет прагматическую функцию — обеспечивает необходимый художественный контекст для более свободного восприятия читателем новой информации.

Наряду с У. Шекспиром и Дж. Оруэллом лидером по представленности в британских медиа выступает фигура английского критического реализма — Ч. Диккенс. Медiateкст *Higher expectations. The university lottery. Students are veering away from dodgy degrees. Governments should help them*⁵⁸ (The Economist, 05.04.2023) из нашего корпуса материалов служит одним из примером использования прецедентного текста, а именно тринадцатого романа писателя «Большие надежды» о жизни и приключениях взрослеющего сироты Пипа. Заметим, что субституция *Great* на *Higher* позволяет лексически сблизить прецедентный феномен с проблематикой высшего образования в Америке для иллюстрации параллелей между судьбой Пипа и современным опытом студентов высшей школы.

В романе главный герой Пип неожиданно получает наследство, открывающее ему возможность социального подъема, однако его надежды сталкиваются с реальностью классовых ограничений и разочарованиями. Аналогичным образом распространение университетского образования формирует массовое ожидание неременного успеха, но иллюзии сталкиваются с реальной социальной, экономической структурой: в основной части медiateкста сообщается, что рост числа студентов сопровождается высокими расходами на обучение, увеличением долговой нагрузки, неопределенностью на рынке труда и нерегулярностью трудоустройства, превращая систему высшего образования в своего рода «лотерею», где шансы на выигрыш ограничены: *It is fashionable to be gloomy about the costs and benefits of a degree. In America a majority of people now tell pollsters that they*

⁵⁸ URL: <https://clck.ru/3PbMHA>

think going to university is not worth it. For the average undergraduate that is far from the truth. < ... > For a shocking share of students, the returns from attending university are puny. About 25% of men and 15% of women graduates in England would have been better off financially had they not bothered. In total, student debt has reached \$1.6trn in America, 60% more than is owed on credit cards. Low earnings help explain why about a fifth of America's student borrowers were in default before the pandemic. Так, имплицитная интеграция произведения Ч. Диккенса выступает не только маркером культуры, но также инструментом аналитического порядка, подчеркивая противоречивость образовательной системы через призму классического, национального сюжета о надеждах и разочарованиях, что способствует диалогичности политического нарратива.

Интеграция современной классики, в частности серии романов Дж.К. Роулинг о волшебнике Гарри Поттере как удобного «шаблона» для иллюстрации реальной конфликтной ситуации максимально понятным образом,⁵⁹ расширяет возможности критического восприятия политических проблем массовым адресатом в современном медиадискурсе.

Так, в медиатексте *Expelliarmus! The magical thinking behind Britain's Rwanda bill Laws should be rooted in reality*⁶⁰ (The Economist, 12.12.2023) отсылка к магии из поттерианы выступает метафорическим приемом для критики так называемого «магического мышления» в британской политике, в частности в отношении миграционного кризиса и законодательных инициатив; в качестве примера автор приводит законопроект о вынужденных депортациях беженцев в Руанду.

Этимология заклинания *Expelliarmus* восходит к латинским корням: *expello* — *изгонять, выгонять* и *arma* — *оружие*; то есть в совокупности оно буквально означает *обезоружить*. В художественном мире заклинание выбивает волшебную палочку из рук противника, что символизирует

⁵⁹ См. напр. Шилихина К.А., Стратиенко Ю.А. (2017). Фрейм «Волшебный мир Гарри Поттера» как способ осмысления политической ситуации в англоязычном общественно-политическом дискурсе. Политическая лингвистика, 2. С. 116–123.

⁶⁰ URL: <https://clck.ru/3PbMHQ>

стремление к деэскалации конфликта без причинения прямого вреда. Автор медиатекста использует семантику образа не полностью, интегрируя лишь идею о потенциальной опасности и напряженности, чтобы выразить скептическое отношение к наивным представлениям о способности тривиальными, поверхностными политическими решениями избавиться от глубоких социальных проблем: *The scheme the bill seeks to resurrect — sending asylum-seekers to Rwanda — is not grounded in reality as laws should be. It won't "stop the boats": Kigali could take only a few hundred of the tens of thousands of asylum seekers who have crossed the English Channel in recent years. The scheme pretends that Rwanda's asylum system protects human rights as Britain's does, when it does not come close. That means it is also unlawful, as the Supreme Court ruled last month: the chief risk is of "refoulement", the return of asylum-seekers to dangerous countries.*

Медиатекст с заголовком *Europe's Hogwarts has a new Dumbledore*⁶¹ (The Economist, 07.08.2025) также использует прецедентные ресурсы из интертекстуального тезауруса Дж. К. Роулинг, а именно имен школы волшебства и ее директора для описания Европейского университета и его новой руководительницы Патриции Нанц соответственно.

Прецедентный хрематоним *Hogwarts* призван выразить уникальность, автономный статус организации в европейском образовательном пространстве. Употребление неопределенного артикля перед именем собственным *Dumbledore* позволяет автору создать архетипический образ мудрого и влиятельного лидера, отвечающего за обновление института и его миссии в условиях современных вызовов — это ключевой смыслообразующий компонент. В дискурсе медиатекста данный образ олицетворяется новой руководительницей, Патрицией Нанц, что усиливает прагматическую функцию прецедентики, ориентируя читателя на восприятие героини сюжета как символа обновления и стратегического лидерства. В тексте сообщается,

⁶¹ URL: <https://clck.ru/3PbMHX>

что руководительница стремится сохранить академическое превосходство, обеспечить практическую значимость научных исследований, повысить международное влияние организации, особенно в контексте цифрового суверенитета и европейских инициатив в сфере безопасности: *More philosophically, the EUI's new president wants to host a rethink of Europe's intellectual foundations, one that goes beyond tedious debates over how much power the EU's federal government should get. The summary version of the new mission statement she and her colleagues drafted has three points: maintaining academic excellence; providing orientation to European institutions and society at large; and communicating more effectively with the world outside academia.*

Кроме того, автор описывает конфликт между традиционной гуманитарной направленностью образовательной организации, обозначенной в прецедентной цитате: *But overall, Europe's Hogwarts was producing too few practising wizards*; и необходимостью отвечать на современные политические вызовы, в том числе на рост евроскептицизма, популизма. Медиатекст объединяет историческую преемственность университета, подтверждение которой представлено в учредительном документе: *the advancement of learning in fields which are of particular interest for the development of Europe*; и убедительную надежду на его политическую релевантность, способствуя позитивному восприятию проблемы развития европейского образования.

Анализ медиатекстов демонстрирует, что в англоязычной политической риторике литературная прецедентика используется с целью мотивировать адресата к рефлексии, анализу. Преимущественно *критическая* природа оценочного потенциала значительно усиливается благодаря привлечению ресурсов символического аппарата литературы. При этом также отмечается тенденция к симплификации восприятия политических реалий посредством эксплицитного обращения авторов к национальной и мировой литературе.

3.2 Вариативные функции литературной прецедентики в политическом медиадискурсе: консолидирующая, эстетическая и функция создания/трансформации публичного имиджа

Вариативными функциями литературной прецедентики в современном политическом медиадискурсе мы называем консолидирующую, эстетическую и функцию создания/трансформации имиджа.

Консолидирующая функция литературной прецедентики в политическом медиадискурсе подразумевает актуализацию национальной идентичности, сплочение аудитории на основе общего культурного, исторического наследия и традиционных ценностей. Реализация консолидирующей функции видится нам в контексте национальной идентичности, то есть особенно при интеграции прецедентных феноменов национального порядка.

Соглашаясь с Э.Г. Шестаковой, которая рассматривает современный медиатекст как «репрезентанта единства чувства жизни и красоты» и памятник своей эпохе [Шестакова 2017], а также с Н.С. Цветовой, утверждающей, что эстетическое начало присутствует на всех этапах подготовки контента [Цветова 2017], включая сбор необходимого материала, в настоящей работе мы конкретизируем *эстетическую* функцию литературной прецедентики до ее жанрово-элокутивного выражения в политическом медиадискурсе. Считаем важным обособить этот аспект в рамках функциональной категоризации, поскольку он отражает творческую часть работы журналиста, который использует прецедентные феномены в качестве стилистического приема.

Функция *формирования/трансформации имиджа* реализуется через прецедентные феномены, которые имеют значение в построении определенного впечатления, что Э. Гофман определяет как искусство управления социальным восприятием [Goffman 1967: 32]. Имиджеобразующая функция прецедентики проявляется в репрезентации образа политика в медиатекстах, публичных выступлениях официальных лиц, а также в сознательном взаимодействии литературного и политического дискурсов,

инициируемом авторами с целью освещения актуальных политических вопросов. Особенность последней формы состоит в формировании собственного имиджа журналиста или бренда издания как самостоятельного субъекта политического поля.

3.2.1 Реализация вариативных функций в российском политическом медиадискурсе

Для уточнения специфики прецедентики в русскоязычном политическом медиаконтенте проводится анализ примеров ее реализации в трех обозначенных функционально-вариативных аспектах: консолидация аудитории на основе общезначимых смыслов и ценностей, повышение эстетической выразительности материалов и создание/трансформация имиджа политических субъектов.

Обратимся к прецедентике с выраженным консолидирующим, аксиологическим потенциалом в медиатексте *Есть женщины в русских окопах*⁶² (Коммерсантъ, 06.03.2025). Данный заголовок представляет собой преобразованный через лексическое замещение отрывок из поэмы «Мороз, красный нос»⁶³ Н.А. Некрасова. Поэт воспеваеет женщину, воплощающую силу, трудолюбие, выносливость и стойкость, и этот образ присутствует в медиатексте, посвященном встрече В.В. Путина с матерями и женами бойцов, ушедших на фронт специальной военной операции: *Каждая из них рассказывала свою историю. Каждый раз казалось, что тяжелее некуда. Лексическая единица бабы во фрагменте: Под конец уж все бабы плакали;* сближает сюжет с текстом-источником, где это слово также присутствует.

Одна из героинь сюжета добавляет в повествование еще один литературный прецедентный феномен: *Она читала, встав, и говорила потом, что муж в каком-то разрушенном здании нашел сборник стихотворений Михаила Львова, поэта времен Великой Отечественной войны, вот и прислал*

⁶² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7562163>

⁶³ URL: <https://www.culture.ru/poems/39568>

ей одно. Этот фрагмент свидетельствует о литературоцентричности русской культуры, демонстрируя, что литература выступает опорой, источником поддержки и силы в трудные времена.

В целом репортаж транслирует такие национальные ценности, как патриотизм, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, взаимопомощь, историческая память [Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 ...]. Патриотическое чувство поддерживается контекстуальным окружением, а именно референцией к историческому опыту страны — событиям Отечественной войны 1812 года между Российской империей и наполеоновской Францией, — в замечании главы государства о характере русского человека: *До сих пор кому-то неймется... Есть еще люди, которые хотят вернуться во времена Наполеона, забывая о том, чем это закончилось... Все у них начиналось с недооценки характера русского человека... Есть что-то, что нас объединяет, всех живущих на этой российской земле.* Здесь автор, А. Колесников, создает эффект живой беседы, обеспечивая передачу интонации с помощью парцелляции и пунктуации, что выгодно отличает данный медиатекст от материала на эту же тему, к примеру, в «Известиях»⁶⁴. При этом за цитатой президента следует комментарий корреспондента: *Это было уже про новые, только что высказанные идеи Эмманюэля Макрона;* который подсвечивает для читателя недавнее политическое событие, а именно заявление президента Франции о необходимости наращивать арсенал ядерного оружия в Европе, и тем самым встраивает медиасообщение в общий политический контекст. Такие признаки, как высокая степень точности, выразительность и легкость воспроизведения [Мельник 2014: 151], позволяют рассматривать высказывание президента в качестве прецедентного на начальном этапе вхождения в языковую систему.

Отечественная литература нередко характеризуется как провидческая, что обусловлено способностью авторов предвосхищать научно-технические и

⁶⁴ URL: <https://iz.ru/1850218/2025-03-07>

социальные изменения. Эта специфика отражена в медиатексте о 22-м съезде партии «Единая Россия» *Единая Россия, а вступать некуда*⁶⁵ (Коммерсантъ, 14.12.2024): *На ней (постоянной экспозиции национального центра «Россия») были представлены достижения русских и советских писателей, в чем-то, как оказалось, недооцененных. Все они еще чем-то в жизни да отличились. Владимир Маяковский «предсказал беспилотный летающий аппарат» (в подтверждение была продемонстрирована книга «Летающий пролетарий»). Писатель Александр Беляев в книге «Борьба в эфире» «очень точно описал мобильный телефон... и космическую еду в тубиках». Писатель Вадим Охотников — устройство распознавания голоса. Писатель Николай Носов — робот-пылесос.* Непосредственное присутствие литературной прецедентики в самом событии, а не только в медиатекстовом ее выражении, свидетельствует о ее высоком значении в жизни страны.

Пушкинский и есенинский литературные коды с общей для них темой любви к родине встречаются в медиатексте *Так сказать*⁶⁶ (Коммерсантъ, 06.11.2024), посвященном заседанию Совета по реализации госполитики в сфере поддержки русского языка и языков народов России при участии президента страны.

Обратим внимание на реплики героя репортажа С. Безрукова, в которых присутствует апелляция к стихотворению А.С. Пушкина «К Чаадаеву»: *Присоединяюсь к тому, что уже было сказано об Александре Сергеевиче Пушкине <...> «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!..» (прецедентное высказывание) — *в самое сердце и очень точно...;* а также обращение к творчеству С.А. Есенина: *Если уж говорить о поэзии как инструменте популяризации родного языка, то хотел бы напомнить, что следующий год — это 130 лет со дня рождения Сергея Александровича Есенина <...> «Если крикнет рать святая: кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая, дайте родину**

⁶⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7380500>

⁶⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7283004>

мою!» (прецедентное высказывание) *Поэт, который просто... я не знаю!.. Прямо на биологическом уровне признался в любви к родине, к России!*

Поддерживая аксиологическую направленность сюжета, президент в финале репортажа преобразует строку из «Письма матери» С.А. Есенина: *можно смело сказать, что очень многие люди там <...> скажут: «Не такой уж горький я пропойца, чтоб Москвы не видя умереть!»*. Апелляции к литературным источникам связывают тему государственной поддержки русского языка с такими национальными ценностями, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, ответственность за его судьбу [Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 ...].

В отношении реализации эстетической функции удачным примером выступает аналитический медиатекст, который объясняет новые инициативы администрации США в сфере регулирования криптовалют, — *Взболтать, но не смешивать*⁶⁷ (Коммерсантъ, 20.02.2025). В рассматриваемом медиатексте автор обращается к универсальному, вневременному прецедентному тексту — трагедии «Макбет» У. Шекспира — точно, посредством соответствующих данному литературному произведению имен, ситуаций, высказывания: *Необузданные амбиции шекспировского Макбета (прецедентные имена) и действия прочих героев шекспировской трагедии ограничивались осознанием того, что рок довлеет над человеческими поступками (прецедентная ситуация). Амбиции команды Трампа вполне способны изменить глобальную экономику и усилить роль частных денег в мировых финансах, потому что это уже не человеческие амбиции, это нечто большее — претензии крупного капитала на кардинальную трансформацию текущей модели мировой экономики и миропорядка в целом в какую-то иную систему распределения благ и контроля за производственными и социальными отношениями. В «Макбете» Шекспира (прецедентные имена) сюжетом пьесы управляли три ведьмы (прецедентная ситуация). Те, кто будет управлять узурпацией*

⁶⁷ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7514447>

экономической и финансовой власти, *скрыты от зрителей за кулисами мирового «театра»* (продуктивный здесь маркер интертекстуальности, объединяющий близкую к театральному миру прецедентнику текста и медиасюжет; аналогичным образом «сработали» бы словосочетания «сценический» прием вместо продвижения криптовалют, экономическая «пьеса» для описания расстановки сил и т.д.), но реализацию их советов можно оценивать по тем сдвигам, которые будут происходить во всех сферах. И беззастенчивое продвижение криптовалют в мировые финансы — это один из таких шагов. <...> *«Double, double, toil and trouble, Fire burn and cauldron bubble...»* (строки из песни ведьм в «Макбете») (прецедентное высказывание на языке оригинала с поясняющим комментарием, которое эффектно способствует интертекстуальной иммерсивности читателей). *Захотят ли существующие экономические субъекты и государства мириться с такой трансформацией, будет ли ответ и устоит ли в итоге новый вашингтонский «Дунсинан»* (прецедентный топоним⁶⁸, по задумке У. Шекспира — символ центра власти, удачно расположенный с номинацией реальной политической столицы страны), *станет ясно уже в обозримом будущем. Но сейчас у криптовалют бенефис* (второй маркер интертекстуальности, сближающий прецедентнику текста и медиасюжет).

Интеграция прецедентного сюжета посредством прямого включения в полотно текста сопутствующих ему символов, позволяет автору провести параллель между мистическим влиянием сверхъестественных сил на судьбу персонажа трагедии и неоднозначными, не всегда прозрачными механизмами, определяющими современные экономические и политические процессы.

В целом интертекстуальная сигнатура данного медиатекста демонстрирует продуктивное взаимодействие беллетристической прецедентники и метафоризации повествования, что также позволяет квалифицировать эту стратегию как проявление внимания к аудитории:

⁶⁸ URL: <https://clck.ru/3PbMHc>

сложный фактологический материал политико-экономического характера театрализован, упрощен интеграцией доступных литературных образов.

Медиатекст *Горел Восток ведущей новой. Кто в итоге сгорел на пленарном заседании ВЭФа, покажет время*⁶⁹ рассказывает о выступлении президента на Восточном экономическом форуме, в ходе которого была озвучена идея введения преференциального режима для предпринимательства в Дальневосточном регионе и Арктике с 2027 года, а также проанализированы геополитические обстоятельства специальной военной операции. Заголовок содержит прецедентный текст из эпической поэмы «Полтава» А.С. Пушкина:

*Горит восток зарею новой
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам*⁷⁰.

При помощи субституции (*зарейю* → *ведущей*) автор противопоставляет образ медиаперсоны классическому символизму строк русского поэта. Метафора «горения» символизирует не только восход солнца, но также историческое возрождение, новые возможности в дальневосточных регионах страны, в частности, по таким направлениям, как «использование цифровых платформ, искусственный интеллект и оборот данных». В основной части репортажа художественная метафора развивается через лексические единицы, получая статус «сквозной» в отношении всего медиатекста: *Владимир Путин как-то сразу не зажегся; процесс горения ведущей; она должна именно гореть*. Реализация эстетической функции прецедентики обусловлена созданием устойчивого метафорического поля, объединенного идеями трансформации, надежды на обновление. Также, отметим *иронию* в авторской игре с оригинальными цитатами, их неожиданную адаптацию к политическому нарративу. Медиатекст представляется не только

⁶⁹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8021957>

⁷⁰ URL: <https://www.culture.ru/poems/5079/poltava>

информативным, но и художественным, остроумным, что привлекает лояльную аудиторию корреспондента.

Следующий медиатекст — репортаж *Чад вдвоем*⁷¹ (Коммерсантъ, 24.01.2024); повествует о визите президента Республики Чад Махамата Идриса Деби в Кремль как важном шаге в укреплении сотрудничества, особенно на фоне общей нестабильности в Чаде и региональных вызовов. Репортаж сочетает официальные заявления политиков с детальными авторскими наблюдениями А. Колесникова, и представляется «живым» портретом встречи.

Поэтический прецедентный образ *жирафа*, «бродящего изысканно» у озера Чад, из стихотворения Н.С. Гумилева⁷², интегрируемый посредством лаконичного намека, обогащает медиатекст иносказательностью: *И, хотелось бы думать, теперь будет обеспечен безвизовый проезд до озера Чад, где до сих пор, надо надеяться, изысканный бродит жираф (а пора бы уже удостовериться)*. В отличие от грациозности в «естественной среде» литературного источника, в медиатексте *жираф* символизирует неуверенность, неловкость поведения молодого президента: *На лице российского президента не дрогнул, как говорится, ни один мускул, хотя мог бы. Ведь Махамат Идрис Деби вел себя, не желая того, как жираф в посудной лавке; попытка надеть наушники для синхронного перевода <...> неизменно заканчивается крахом; это превращается в испытание, через которое можно пройти или даже не пройти, <...> Махамат Идрис Деби принял это испытание без остатка*. Обозначенное нижним подчеркиванием контекстуальное сочетание литературного образа и устойчивой метафоры, также имеющей литературное происхождение⁷³, транслирует дискомфорт и напряженность героя сюжета, что контрастирует с уверенной, тактичной

⁷¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6466754>

⁷² Н.С. Гумилев. Жираф («Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...»).

⁷³ История метафоры насчитывает четыре столетия и подробно описана в статье К.В. Душенко «Слон в посудной лавке»: к истории выражения. (2022).

реакцией российского президента. Авторский прием позволяет избежать прямой оценки, сохраняя уважительный, взвешенный стиль повествования.

Устойчивость имиджа российского президента в текстах А. Колесникова, выступает неотъемлемой частью авторского бренда, что, в свою очередь, может служить примером эффективного поддержания прочной связи корреспондента с лояльной аудиторией [Васильченко 2019: 28].

Позволим себе отметить, что воспитательный потенциал прецедентики в данном медиатексте способствует формированию у читателя осознания необходимости проявления осторожности и тактичности в дипломатической практике с целью предотвращения нежелательных последствий, которые метафорически обозначаются метафорой «разбить посуду».

“ — Я собрал вас... ” — с *гоголевской интонацией* начал Владимир Путин, — так начинается медиатекст *Готовы к труду и теробороне*⁷⁴ (Коммерсантъ, 22.08.2024) о совещании насчет положения дел в Курской, Белгородской и Брянской областях. Автор, интегрируя дериват прецедентного имени *гоголевский* актуализирует первую строку комедии «Ревизор» Н.В. Гоголя, а именно реплику городничего: “Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор”. С одной стороны, отсылка к литературному произведению сосредотачивает ресурс прецедентности на создании атмосферы тревоги и напряженности мероприятия, характерной и для начала комедии, когда появление ревизора вызывает страх и ожидание разоблачений. При этом роль ревизора автор отводит В.В. Путину, отмечая: *Ревизором тут, впрочем, был, как известно, один человек, то есть он сам*”. Герой репортажа представлен как фигура, обладающая властью и контролем над проверяемыми, что подчеркивает его ключевую роль в описываемой ситуации. А присущая литературному источнику связь данного статуса с И.А. Хлестаковым — чиновником,

⁷⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6906975>

избегающим ответственности, который был принят за инспектора⁷⁵ — в новом контексте деактуализируется, в том числе с помощью поддерживающих напряженную обстановку наблюдений корреспондента: *Без твоя улыбки сидел за своим столом и сам господин Путин; Очевидно, что господин Гладков готовится к худшему, и прав: лучше так; Прошу подготовить прямо сейчас соответствующие поручения и приступить к их исполнению незамедлительно* (реплика президента).

Ядерное значение прецедентного имени *Хлестаков* — беспринципность, жажда наживы — актуализировано в медиатексте, где Н.С. Михалков проводит параллель между этим литературным персонажем и президентом Украины: *Все по Достоевскому: там, где Бога нет — все дозволено. А когда все дозволено, тогда совершенно откровенно, с наивной улыбкой мир воспринимает катающегося по белому свету наркомана Хлестакова*⁷⁶ (Вести.Ру, 14.06.2024). При этом адресант также использует прецедентный антропоним — имя писателя Ф.М. Достоевского — и цитирует ставшее крылатым выражение авторства классика русской литературы⁷⁷.

Еще одно эксплицитное сравнение президента с литературным персонажем встречается в медиатексте *Захарова проиллюстрировала перепалку Трампа с Зеленским видео с Шариковым*⁷⁸ (РИА Новости, 01.03.2025) про опубликованный дипломатом эпизод художественного фильма «Собачье сердце», где *«профессор Преображенский в присутствии доктора Борменталья отчитывает Шарикова»*. Поскольку кинофильм снят по мотивам одноименной повести М.А. Булгакова, считаем целесообразным наличие этого материала в исследовательском корпусе медиатекстов настоящей работы. Отметим, что медиатекст сопровождается видеофрагментом картины — прецедентным феноменом аудиовизуального

⁷⁵ Характеристики литературного персонажа верифицированы с помощью данных Лингвострановедческого словаря «Россия». (URL: <https://clck.ru/3Pc7u4>).

⁷⁶ URL: <https://clck.ru/3PcKHd>

⁷⁷ Подробнее о выражении в статье В.А. Кувакина Ф. Достоевский: «Если Бога нет, то». (2013 г.)

⁷⁸ URL: <https://clck.ru/3Pc7t8>

характера. Сравнение В.А. Зеленского с Шариковым придает образу президента характеристики импульсивности и агрессивности, а также подчеркивает конфликтность его взаимодействия с Д. Трампом, образ которого, в свою очередь, сопоставленный с профессором Преображенским, обозначает американского лидера как наставника, усиливая восприятие его властного и доминирующего статуса, в рассматриваемой ситуации.

Интересно, что сопоставление беседы лидеров государств и эпизода художественного произведения стало, в свою очередь, прецедентным феноменом текущего момента: *Вошел приодевшийся Шариков. Доктор Борменталь и профессор Преображенский переглянулись, схватили Шарикова и потащили на операционный стол. Возвращать как было. Поскольку Преображенский, я хотел сказать Трамп, понял, что с Шариковым, то есть Зеленским, альтернативы СВО не было. И не будет; Шариков-Зеленский*⁷⁹ (МК.ru, 02.03.2025); *Захарова сравнила перепалку Трампа с Зеленским со сценой с Шариковым*⁸⁰ (Ведомости, 01.03.2025); что свидетельствует об эффективности ресурсов литературы как инструмента интерпретации политических событий в медиапространстве.

Реализация функции укрепления имиджа также присутствует в медиатексте А. Колесникова *Валдайству храбрых поем мы песню*⁸¹ (Коммерсантъ, 03.10.2025) о выступлении В.В. Путина на пленарной сессии Валдайского клуба. Важно отметить, что заголовок представляет собой реализацию эстетической функции прецедентики, а именно трансформацию посредством субституции текста «Песни о соколе» М. Горького. Выражение, которое иронически подразумевает отважный, но неразумный и сомнительный в отношении результата поступок [Серов 2003], позволяет имплицитно обозначить недостаточно успешную модерацию мероприятия.

⁷⁹ URL: <https://clck.ru/3PcKLz>

⁸⁰ URL: <https://clck.ru/3PcKQD>

⁸¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8081689>

Медиатекст примечателен речью президента, фрагмент которой представляет собой эксплицитное пересечение национальной классической литературы и политического контекста: *Знаете, я хотел выйти на трибуну, но не взял книжку с собой, хотел там кое-что вам прочитать, а потом просто забыл, ее здесь оставил. Что хочу сказать? У меня дома на столе лежит томик Пушкина (прецедентное имя). Я иногда люблю, когда пять минут есть, туда погрузиться... ; Буквально вчера открыл, полистал и наткнулся на одно стихотворение,— признался президент.— Все мы знаем, российская часть (зала.— А. К.) точно знает... Стихотворение Михаила Юрьевича Лермонтова «Бородино» (прецедентные имена, текст): «Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» — и так далее (прецедентный текст). Но я никогда не знал, что Пушкин (прецедентное имя) писал на эту тему! Я его прочитал, это произвело на меня очень серьезное впечатление, потому что это выглядит так, как будто Александр Сергеевич (прецедентное имя) написал его вчера! И как будто он мне сказал: слушай, ты едешь на Валдайский клуб, возьми с собой, прочитай там ребятам своим, что я по этому поводу думаю!; Поскольку вопрос прозвучал, а книжка у меня с собой (как кстати.— А. К.), вы разрешите? — попросил Владимир Путин.— Это любопытно. Это ответ на многие вопросы. Называется «Бородинская годовщина» (прецедентные имя, текст). Речь отличается искренностью, доверительностью, укрепляя образ президента как высокообразованного лидера с глубокой приверженностью историческим и культурным традициям.*

Эстетическая функция также находит отражение в структуре репортажа, который корреспондент завершает следующим образом: *Он (В.В. Путин) забрал со стола томик Пушкина. Вот что и для следующего раза пригодится;* поддерживая точку зрения героя сюжета и тем самым замыкая сквозную прецедентную медиатекста.

Кроме того, днем ранее «Коммерсантъ» опубликовал материал *Валдаится сердце, сердце валдаится*⁸² (отметим, что это преобразованный текст из песни Д. Тухманова на слова В. Харитонова «Мой адрес — Советский Союз») использует речь президента в качестве *клиффхэнгера*, то есть художественного приема прерванного нарратива [Козлов 2021: 22]: *Продолжение репортажа о пленарном заседании Валдайского клуба и о том, как был задействован томик А. С. Пушкина, читайте утром на сайте “Ъ”*.

Добавим, что в данном медиатексте художественная прецедентика находит отражение и в креолизованной форме (Рис. 4) — фотография президента с книгой сопровождается подписью корреспондента о чувстве уверенности, внутреннего покоя, связанного с национальной литературой.

Рис. 4. Фото к медиаматериалу «Валдаится сердце, сердце валдаится» с подписью А. Колесникова: *С томиком Пушкина как-то спокойнее*. Автор фото: Дмитрий Азаров, Коммерсантъ

Таким образом, анализ аутентичных примеров подтверждает реализацию вариативных функций художественной прецедентики в отечественном медиадискурсе.

В частности, прецедентика литературного порядка в речи политических деятелей служит инструментом формирования и закрепления определенных представлений об этих акторах. Для журналистов, владеющих оригинальным

⁸² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8081333>

стилем подачи материала, обращение к прецедентным феноменам может выступать важным элементом формирования персонального медийного бренда. Использование ресурсов символического аппарата литературы не только украшает медиатекст, но и повышает его привлекательность для целевой аудитории, укрепляя доверие и лояльность читателей.

Эстетическая функция, в свою очередь, реализуется через интеграцию литературы в медиатексты инструментами художественного языка, к числу которых мы относим трансформации прецедентных феноменов, что качественно обогащает коммуникативный потенциал текстов-реципиентов.

Консолидирующая функция наиболее полно раскрывается в контексте национальной прецедентики, способствуя интерпретации специфических политических сюжетов через понятный большинству аксиологический код, надежно закрепленный в беллетристике. Реализация консолидирующей функции обеспечивает диалог автора и адресата, принимая за основу национальные ценности и чувство причастности к общей истории, культуре.

3.2.2 Реализация вариативных функций в британском политическом медиадискурсе

В рамках англоязычной журналистской риторики также наблюдается реализация трех вариативных функций литературной прецедентики: консолидирующей, имиджеобразующей и эстетической.

В отличие от отечественной практики, британские журналисты апеллируют к литературе с целью консолидации аудитории в эксплицитной форме: предлагают вспомнить персонажа, эпизод или произведение, необходимые для осмысления последующего материала, а также посвящают медиатексты интерпретации пересечений политической, социальной действительности с художественными сюжетами. Эксплицитность интеграции литературы в политическую медиакommunikацию подчеркивает образовательную ценность прецедентики как журналистской стратегии.

Медiateкст *The novels conservatives want you to read*⁸³ (The Economist, 24.04.2025) посвящен неочевидным книгам, которые должны понравиться консерваторам. Изображение-коллаж (Рис. 5), сопровождающее заголовочный комплекс, удачно сочетает визуальные атрибуты политической идентичности, в том числе строгий костюм, государственный флаг, партийная эмблема и религиозные символы, с книжной тематикой, способствуя формированию целостного креолизованного текста.

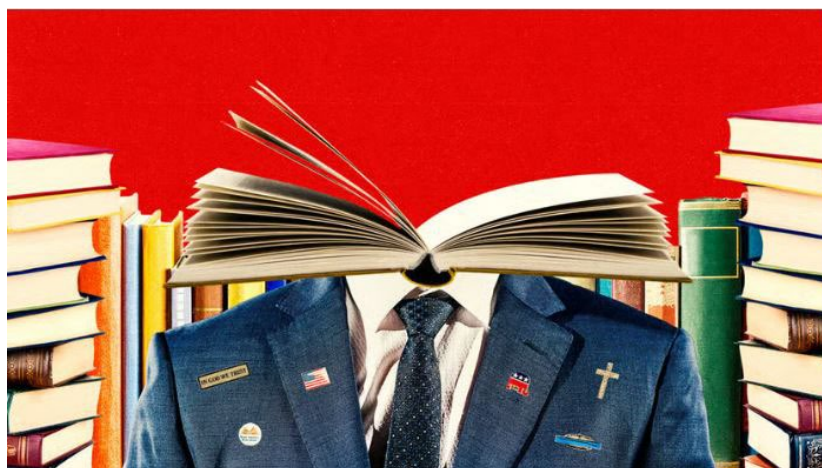

Рис. 5. Изображение к медиатексту “The novels conservatives want you to read”.
Автор: Javier Palma

Материал открывается поэтическим изображением студенческой дискуссии, посвященной произведению У. Фолкнера «Медведь», в стенах Колледжа Святого Фомы Аквинского: *On a rainy summer’s morning, eight students and a professor sat around a table at Thomas Aquinas College, a Catholic institution north-west of Los Angeles. They were formally dressed—the men wore ties—and they addressed each other as “Mr” and “Ms”. For hours the group debated “The Bear”, William Faulkner’s tale of a young hunter disillusioned with mankind’s efforts to subdue the land and its creatures. The scene would have delighted anyone who despairs that university students do not, will not and cannot read. The discussion would have pleased right-leaning Americans in particular, and not just because Thomas Aquinas has America’s most conservative student body.*

⁸³ URL: <https://clck.ru/3PbMJd>

Антипрогрессистская натурфилософия, вокруг которой строится сюжет охотничьей повести, в медиатексте ассоциируется с правой политической силой, для которой характерны скептицизм в отношении непрерывного технического и социального развития, поддержка устоявшихся правил, законов и социальной иерархии.

Затем автор приводит примеры выражения политиками идей консервативной политики через прецедентные тексты из художественной литературы, то есть фактически описывает реализацию консолидирующей функции беллетристики, помещенной в политический контекст: *George H.W. Bush was fond of “War and Peace”: he said Leo Tolstoy’s vast, philosophical novel taught him “a lot about life”; Greg Abbott, the governor of Texas, has two favourites: “Atlas Shrugged”, Ayn Rand’s paean to individualism, beloved by many on the right; and “Brave New World”, Aldous Huxley’s dystopian fable set in a godless, family-less, centrally planned future (ie, the sort of world Republicans like to pretend Democrats want to create).*

Так, например, хоббиты, вымышленный народ в произведениях Джона Р.Р. Толкина, представляются защитниками традиционного уклада жизни, храбро отстаивающими семейные ценности, социальные и культурные устои перед угрозами индустриализации: *J.D. Vance, the vice-president, has called himself “a big ‘Lord of the Rings’ guy”. J.R.R. Tolkien’s trilogy (прецедентные имена, текст) *tells the story of four hobbits—avatars of the traditional English country life that was swiftly giving way to industrialisation as he was writing—who reluctantly set out to save the world from Sauron, an evil wizard (прецедентная ситуация). < ... > No doubt Mr Vance sees himself as a virtuous hobbit reluctantly taking up arms to defend his people’s way of life (прецедентная ситуация).**

После описания нескольких книг, транслирующих традиционные ценности англоязычного общества, автор, нивелируя тождественность политического консерватизма и художественной литературы, к которой обращается в тексте, замечает следующее: *Plenty of readers will disagree with*

Mr Scalia's readings—Hurston is a feminist hero, too, and Tolkien (прецедентные имя, тексты) *has plenty of fans on the left—but good novels should provoke arguments and conflicting interpretations*; то есть дипломатично признает, что художественные произведения могут иметь разное толкование, выходящее за рамки конкретной политической идеологии.

Журналист завершает текст выразительной метафорой немецкого драматурга Б. Брехта: *Conservatives such as Mr Scalia understand that literature can still affect a polity. As Bertolt Brecht, a playwright, put it: “Art is not a mirror held up to reality, but a hammer with which to shape it”*; которая подчеркивает, что литература способна не только отражать политическую реальность, но и оказывать на нее заметное влияние.

Рассмотрим медиатекст в котором автор поднимает проблему снижения интереса к чтению у представителей молодого поколения и привлекает внимание адресата к потенциальному воздействию этой тенденции на политические процессы: *Is the decline of reading making politics dumber?*⁸⁴ (The Economist, 24.04.2025). Литературная прецедентика в указанном медиатексте выполняет консолидирующую функцию, привлекая внимание аудитории к таким острым проблемам, как примитивизация политической риторики и ослабление навыков критического осмысления политической реальности, одновременно побуждая читателей задуматься над собственным читательским поведением.

Автор демонстрирует масштаб проблемы посредством интеграции прецедентных феноменов из литературы викторианского периода. Студенты литературного факультета оказались неспособны адекватно воспринять вступительную часть классического романа «Холодный дом» Ч. Диккенса: *A Dickensian description of fog left them totally fogged. They could not grasp basic vocabulary: one student thought that when a man was said to have “whiskers” it meant he was “in a room with an animal I think...A cat?”*. Интеграция

⁸⁴ URL: <https://clck.ru/3PbMJi>

прецедентного текста, связанного с бюрократией, социальной несправедливостью и затяжными юридическими процессами, которые парализуют жизнь персонажей и общества в целом, усиливает тезис о том, что потеря интереса к чтению непосредственно связана с ухудшением качества социальной среды и наступлением атмосферы духовной бедности, мрачной обыденности. Авторская мысль поддерживается изображением в стиле онлайн-издания (Рис. 6).

Рис. 6. Изображение к медиатексту “Is the decline of reading making politics dumber?”. Автор: Seb Agresti

Медиатекст свидетельствует о том, что в Англии викторианской эпохи чтение выступало средством личностного развития и социального продвижения. Примером в тексте служит практика шотландских пастухов, организовавших систему «циркулирующих библиотек», а также биография Р. Макдональда, дважды премьер-министра Великобритании: *In one Scottish locale, a boy noticed a ragman reading a book. The book—which the ragman lent him—was Thucydides (прецедентные имя, текст). The boy was Ramsay MacDonald, who would go on to become Britain’s first Labour prime minister.*

Журналист аргументирует взаимосвязь причастности к литературе с повышением качества политической культуры, особенно с формированием гражданской ответственности, укреплением демократических институтов.

Согласно медиатексту развитие письменности и распространение грамотности в Древней Греции создали условия для реализации практики

остракизма, основанной на способности общества понимать политические процессы и осмысленно выбирать кандидатов: *At its simplest, Athenians in the fifth century BC could begin to practise “ostracism”—voting to banish people by writing their name on ostraka, scraps of pots—because, as William Harris, an academic, points out, they had achieved “a certain amount of literacy”.*

Напротив, снижение уровня литературной грамотности ведет к упрощению политической риторики: *Our analysis of Britain’s parliamentary speeches found that they have shrunk by a third in a decade. We also analysed almost 250 years of inaugural presidential addresses using the Flesch-Kincaid readability test. George Washington’s scored 28.7, denoting postgraduate level, while Donald Trump’s came in at 9.4, the reading level of a high-schooler.*

Несмотря на то, что автор не видит в сокращении объема текстов однозначно негативную тенденцию — *often simple prose is good prose, and few people have ever wished politicians’ speeches to be longer,* — снижение интереса к чтению вызывает у него беспокойство, которое находит метавыражение в интеграции прецедентного феномена из вступительной части во фразу теоретика медиа М. Маклюэна: *The medium is the message, and the message is currently 280 characters long. (“Bleak House”, by contrast, weighs in at around 1.9m characters).*

Прецедентное высказывание персонажа Ч. Диккенса кузнеца Джо, где удачным для структуры медиатекста образом фигурирует лексема *bleak*, обращает внимание адресатов не только на роль литературы как инструмента формирования политической грамотности, но и на ее высокую эстетическую ценность: *Reading is not merely a tool: it is also one of life’s great pleasures, as Dickens knew well. As Joe, the kind blacksmith in “Great Expectations”, says: “Give me a good book...and sit me down afore a good fire, and I ask no better.” Once people forget that, things really will feel bleak.*

Следующий медиатекст, к которому мы обратимся чтобы рассмотреть реализацию эстетической и имиджеобразующей функций, *President Grinch.*

*How Donald Trump might steal Christmas*⁸⁵ (The Economist, 24.04.2025) рассказывает о негативных последствиях тарифной политики Д. Трампа для индустрии игрушек и рождественских товаров в Америке, включая рост цен, сокращение ассортимента, риск пустых полок в праздничный сезон: *The killjoy behind all the gloom? Donald Trump. The president's tariffs are proving particularly burdensome for toymakers. Around 80% of toys sold in America are made in China, the main target in Mr Trump's trade war.* Ситуация представляет угрозу традиционной рождественской атмосфере и, как следствие, формируется негативный имидж в отношении экономической политики президента.

В заголовке автор медиатекста прибегает к аллюзии на главного героя детской книги «Как Гринч украл Рождество», который согласно сюжету Т. Гайсела крадет праздник, чтобы напугать жителей города, но вскоре осознает истинное значение Рождества. Литературная метафора имеет сквозной характер в рамках медиатекста: *Christmas is at risk; Time is getting tight for a fairy-tale ending*; и помогает автору создать драматичный образ государственного лидера, чья политика угрожает праздничному рынку. Имплицитный прецедентный образ литературного персонажа, который представляется и неприятным, и трогательным, иллюстрирует специфику роли президента, неизбежно сопряженную одновременно с критикой и признанием, необходимостью находить компромисс между различными социальными группами.

Детская художественная литература в качестве источника прецедентности используется в медиатексте об уходе М. Рютте с поста премьер-министра Нидерландов *Farewell, Mark Rutte, the Tiggerish Dutch prime minister. Bouncy, endlessly optimistic, devoid of ideology—what's not to like?*⁸⁶ (The Economist, 13.07.2023). Контекстуальный портрет государственного деятеля реализуется посредством аллюзии на Тигру — энергичного,

⁸⁵ URL: <https://clck.ru/3PbMMb>

⁸⁶ URL: <https://clck.ru/3PbMMr>

оптимистичного⁸⁷ персонажа детского произведения А. Милна «Дом на Пуховой Опушке». Прецедентный образ подсвечивает такие качества политика, как устойчивый позитивный настрой, результативность в исполнении обязанностей премьер-министра в условиях сложного и динамичного политического контекста: *In the manner of Tigger, Winnie-the-Pooh's sidekick, the equally elongated Dutchman has bounced from one political chore to the next with relentless aplomb.* Автор последовательно развивает сквозную метафору, интегрируя ее в другие стилистические приемы, например, в ироничное сравнение, которое также представляется возможным назвать приемом абсурдизации: *The very idea of Rutism is no more conceivable than Tigger attending a funeral.* Прецедентика обеспечивает контраст между традиционным восприятием политики как тяжелой, рутинной работы и политическим стилем М. Рютте, который с энтузиазмом подходит к своим обязанностям, демонстрирует идеологическую гибкость и прагматизм в принятии политических решений, что способствует его длительному пребыванию у власти, внутривнутриполитической стабильности: *all of it could be done with a spring in the step and a smile for the cameras; he happily drifted around the political spectrum; the Dutch Tigger said he was done with politics; gave his compatriots a few more years of what they already had.*

Кроме того, медиатекст сопровождается карикатурой в узнаваемой стилистике онлайн-издания (Рис. 7), которая органично соотносится как с художественной прецедентикой, так и с новостным, аналитическим содержанием анализируемого вербального текста. Данная карикатура представляет собой креолизованную форму реализации эстетической функции прецедентики со сферой-источником «литература» в политическом медиадискурсе.

⁸⁷ URL: <https://clck.ru/3PbMMу>

Рис. 7. Карикатура к медиатексту “Farewell, Mark Rutte, the Tiggerish Dutch prime minister”. Автор: Peter Schrank

Имиджеобразующая функция реализуется эксплицитно в материале о медийной активности Д. Трампа, заголовок к которому *The Proust of Truth Social*⁸⁸ (The Economist, 24.04.2025) состоит из литературного прецедентного имени французского классика, автора знаменитого многотомного произведения «В поисках утраченного времени», и темпорального прецедентного имени — названия социальной сети *Truth Social*, известной своей мягкой политикой модерации, обслуживанием правых сообществ⁸⁹, что также подразумевает тему взаимодействия президента и социальных платформ. Примечательно, что грамматическая структура заголовка напоминает первый вариант перевода названия произведения на английский язык: *Remembrance of Things Past*. В данном случае прецедентика вызывает у читателей ассоциации со значительным объемом текста, глубоким исследованием темы памяти, самосознания.

Эксплицитное сопоставление объема публикуемых Д. Трампом сообщений в социальных сетях с масштабным литературным наследием М. Пруста продолжается в основной части, где автор подчеркивает личностную направленность президентского контента: *Since January 20th he*

⁸⁸ URL: <https://clck.ru/3PbMN7>

⁸⁹ См. напр. Deen Freelon et al. (2020). False equivalencies: Online activism from left to right. *Science*, 369. P. 1197–1201.

has churned out 4,149 words a week on Truth Social and X, nearly a newspaper op-ed every day. If he keeps it up, his total oeuvre as president will surpass Marcel Proust's 1.3m-word "Remembrance of Things Past" in early 2028.

Идею подтверждают отечественные исследователи, утверждающие, что медиаблог Д. Трампа служит не столько площадкой для общения с аудиторией, сколько способом презентации собственного образа, укрепления политических позиций⁹⁰. Прецедентика в рассматриваемом медиатексте обеспечивает восприятие аудиторией государственного лидера как активного, влиятельного участника медиапространства, чей контент позволяет узнать больше о личности президента, его политическом стиле: *Conversely, he writes more about bias and "weaponisation" in the legal system, the scope of his own power and—almost above all—himself. The share of his posts that our algorithm classified as "Trump-related terms and topics" has risen from 7% in his first term.*

В британской политической риторике обращение к литературе как источнику прецедентных феноменов непосредственными героями политических сюжетов зафиксировано лишь в единичных случаях, составляя менее одного процента от общего числа примеров, тогда как в русскоязычном политическом дискурсе подобные случаи встречаются гораздо чаще (в 11% медиатекстов). Примером такого редкого явления служит фрагмент агитационной речи французского политика Р. Глюксманна: *Are we ready to hand over our country—the country of Victor Hugo, of Voltaire, of Rabelais—to the Le Pen family?*⁹¹ (The Guardian, 01.07.2024). Политический деятель апеллирует к прецедентным именам национального порядка, тем самым консолидирует электорат вокруг идеи защиты культурного наследия от потенциальных угроз. Несмотря на то, что пример демонстрирует эффективность литературы как средства передачи патриотического посыла, малочисленность таких

⁹⁰ См. напр. Харламова Т.В. (2018). Социальные сети как инструмент современной политической власти (на материале микроблога Д. Трампа в Твиттере). Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. Т. 18, вып. 4. С. 396–402.

⁹¹ URL: <https://clck.ru/3PbMNF>

обращений не дает нам оснований считать данную практику распространенной в англоязычном политическом медиадискурсе.

Напротив, обращения журналистов к литературным произведениям при анализе политических событий демонстрируют значимость культурной составляющей в формировании профессионального имиджа журналистов. Например, в свете анонимности авторов *The Economist* подобное использование литературы отражается на имидже самой газеты в целом. В частности, постоянная рубрика “The Economist reads” систематически привлекает ресурсы литературы с целью интерпретации политической проблематики.

Например, в медиатексте с заголовком *Old books that are newly relevant*⁹² (The Economist, 15.01.2024) находя отражение следующие темы: искусственный интеллект, изменение климата, политические конфликты. Эти острые политические, социальные вопросы служат основой для формирования подборки рекомендованных к прочтению книг, отражающих актуальные вызовы современности. В перечень вошли следующие произведения: «Механическое пианино» К. Воннегута; «Война Судного дня: эпическая схватка, изменившая Ближний Восток» А. Рабиновича; «Надвигающаяся буря», I том серии книг о Второй Мировой войне У. Черчилля. Согласно авторам, указанные книги помогают осмыслить причины и последствия ключевых исторических процессов, связанных с технологиями и политикой, иллюстрируя взаимозависимость действий государственных лидеров, господствующих идеологий и международной обстановки в целом.

Дополнительно в список включено классическое произведение английского драматурга У. Шекспира «Отелло», социальная сеть персонажей которого соотносятся с ключевыми участниками современного политического субдискурса — проблемы демократии в Америке.

⁹² URL: <https://clck.ru/3PbMNM>

Медiateкст с заголовочным комплексом *What to read about America's culture wars. Four books on controversies that helped to shape the presidential election*⁹³ (The Economist, 01.11.2024) знакомит массового адресата с четырьмя современными книгами жанра нон-фикшн, затрагивающими ключевые проблемы современной американской общественности, включая иммиграцию, контроль над оружием, климатические изменения. Авторы рассматривают обозначенные темы не только как объекты политических дискуссий, но и как маркеры столкновений разных национальных идентичностей, которые определяют ход президентских выборов, а также усугубляют внутрисоциальные конфликты.

Еще одним показательным медiateкстом выступает материал *Books that imagine that history took a different course*⁹⁴ (The Economist, 15.11.2024), посвященный литературному жанру альтернативной истории (“what-if”). Произведения исторической прозы, интегрированные в медiateкст, предлагают разнообразные версии исторического развития цивилизации. Так, в романе «Джаз Кахокии» британского писателя Ф. Спаффорда американские индейцы пережили эпидемию оспы, а в книге «Цивилизации» французского автора Л. Бине европейская культура покоряется империи инков. Помимо развлекательной функции, такие тексты, согласно автору материала, стимулируют к рефлексии о взаимосвязях прошлого и настоящего, расширяют горизонты понимания исторической динамики и современных реалий.

Раскрывая образовательный потенциал литературы, подобный литературоцентричный контент *The Economist* повышает читательскую компетентность и политическую информированность аудитории, способствуя интеллектуальному развитию медиапространства и консолидации читателей, ориентированных на критический анализ политической реальности и активное участие в культурно-политическом диалоге с авторами онлайн-издания.

⁹³ URL: <https://clck.ru/3PbMNV>

⁹⁴ URL: <https://clck.ru/3PbMNg>

Создание/трансформация имиджа осуществляется преимущественно журналистами, авторами публикаций, в отличие от русскоязычного политического медиадискурса, где апелляции к литературе присутствуют в речи акторов политических событий, а затем транслируются в медиапространстве. Вместе с тем, практика *The Economist* демонстрирует высокий уровень продуктивности эстетической функции литературной прецедентики через использование соответствующей визуальной компоненты политического медиаконтента.

ВЫВОДЫ

Изучение функционирования литературной прецедентики позволило выявить ее обязательные функции в политическом медиадискурсе: оценочная, прагматическая и функция образования нового смысла. Анализ материала продемонстрировал универсальность данного комплекса функций как для русскоязычного, так и для англоязычного политического медиаконтента. Образование смысла реализуется посредством обогащения медиатекста «семантическим слоем» литературного происхождения, что происходит независимо от языка текста-реципиента или степени развития в нем прецедентного феномена.

В русскоязычном политическом медиаконтенте оценочная функция прецедентных феноменов проявляется преимущественно имплицитно, что предполагает активное использование интертекстуальной компетенции адресатами, и нередко сочетается с иронией, которая усиливает воздействующий потенциал прецедентики. Прагматическая функция ориентирована на формирование эмоционального фона, «настроения» описываемых политических событий, способствуя образному восприятию политического контекста.

В англоязычном политическом медиадискурсе оценочная функция прецедентных феноменов представлена более эксплицитно, нередко в форме критических апелляций к литературным образам с авторскими пояснениями, предшествующими основному сообщению медиатекста. Прагматическая функция направлена на упрощение описания сложных политических процессов, облегчение их восприятия широкой аудиторией, что способствует повышению осведомленности о политических реалиях, популяризации медиаконтента данной тематики.

Кроме обязательных функций, художественная прецедентика выполняет факультативные задачи, реализация которых зависит от авторской интенции. Консолидирующая функция проявляется в сближении

политических проблем с культурно-историческим контекстом в обоих медиадискурсах. В отечественной риторике литература выступает средством трансляции национальных ценностей, обеспечивая укрепление культурной идентичности общества, в британской — служит основой интеллектуального диалога между изданием и его аудиторией.

Имиджеобразующая функция прецедентных феноменов из мира литературы в российской практике реализуется как со стороны журналистов, так и политических деятелей. Она направлена на более точное, художественное выражение мысли, что оказывает непосредственное влияние на формирование и восприятие их образа в медиапространстве. В британской традиции литературой преимущественно апеллируют журналисты для образного представления политической действительности. Эстетическая функция находит выражение как в жанрово-стилистических особенностях, так и в визуальных компонентах медиапродуктов. Трансформации прецедентных феноменов характерны для обоих медиадискурсов и преимущественно осуществляются посредством субституции и паронимической аттракции.

Итак, англоязычные авторы медиаконтента используют литературную прецедентную функцию для эксплицитной оценки, эстетического воспитания, вовлечения адресата в политическую дискуссию, в то время как отечественная журналистская риторика сосредоточена на сохранении традиций, тонкой и не менее выразительной оценке, а также укреплении национальной идентичности через апелляцию к символическому аппарату литературного капитала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коллективные смыслы и ценности, формирующие национальную идентичность, в современном медиапространстве, включая политический медиадискурс, реализуются в текстах. Интертекстуальность, выступая одной из конститутивных характеристик медиадискурса, обеспечивает актуализацию культурной памяти и способствует генерации новых смысловых конструкций как авторами, так и адресатами, преимущественно в рамках элитарных и средне-литературных типов речевой культуры.

Прецедентный феномен как реализация интертекстуальности характеризуется семантической компрессией, лаконичной формой и воспроизводимостью, обусловленной культурным контекстом. Функциональное «уплотнение» прецедентики в медиатекстах подчеркивает значение творческого потенциала автора медиаконтента и требует высокой культурной, когнитивной компетентности от реципиентов. При этом источниками прецедентных феноменов для политического медиадискурса нередко служат произведения национальной и мировой литературы.

Разработанная методика анализа прецедентики в медиаконтенте представляет собой комплексный подход, последовательно включающий этапы выявления, верификации, типологизации и семантико-прагматического анализа маркеров литературы в медиатекстах. Особое значение придается контекстуальному окружению прецедентики, присутствие в котором темпоральных прецедентных феноменов сигнализирует о востребованности интертекстуального потенциала литературного капитала культуры. Универсальность разработанной методики подтверждается успешной «примеркой» методических параметров к эмпирическим данным, а также ее применимостью к медиатекстам как русскоязычного, так и англоязычного информационного пространства.

В процессе практического использования методики были выявлены основные способы интеграции прецедентных феноменов в структуру медиатекста, характерные как для российской, так и для британской

журналистской риторики. К ним относятся: единичное упоминание, направленное на привлечение внимания реципиента без дальнейшего ассоциативного развития; имплицитное пересечение литературного и политического сюжетов, которое требует от адресата активной эксплуатации интертекстуальной компетенции; экспликация взаимосвязи политики и литературы, в ходе которой нередко реализуется воспитательный, образовательный потенциал литературной прецедентики.

Проведенное исследование позволило выявить и системно описать универсальные и национально-специфичные прагматические особенности функционирования прецедентных феноменов литературного происхождения в современном отечественном и британском медиаконтенте политической направленности. К универсальным характеристикам относится стремление медиатекстов к интертекстуальности и культурной прецедентности; отличия, как правило, обусловлены культурным фоном, модальностью выражения и реализуемыми коммуникативными стратегиями. Российские авторы преимущественно апеллируют к классической русской литературе, что свидетельствует об устойчивом, продуктивном влиянии классических текстов на современный медиаконтент и заинтересованности в поддержании традиционных национальных культурных ценностей. В британской практике наблюдается сбалансированное сочетание классических национальных, зарубежных и современных литературных текстов, что свидетельствует о большей динамичности и адаптивности к изменениям культурного контекста. При этом важно, что в российской политической риторике владение литературными знаниями характерно не только для авторов, но и для героев политических сюжетов — политиков и государственных деятелей, что указывает на выраженную литературоцентричность русской культуры.

Анализ функционирования литературной прецедентики позволил системно представить отличия в реализации прецедентных феноменов рассматриваемого происхождения в российском и британском политических медиадискурсах. Обязательными функциями прецедентных феноменов

выступают смыслообразующая, оценочная и прагматическая. Образование нового смысла происходит вне зависимости от языка коммуникации. Оценочная функция прецедентики в русскоязычных медиатекстах выражается имплицитно, без потери воздействующего потенциала и нередко с помощью иронии. В англоязычных медиапродуктах оценка носит эксплицитный характер и сопровождается авторскими комментариями. Прагматическая функция прецедентики в российском контенте реализуется путем создания эмоционального фона, в британском — образной симплификации сложных политических реалий, что облегчает восприятие информации массовой аудиторией.

Вариативные функции включают консолидирующую, эстетическую и функцию создания/трансформации имиджа. Консолидирующая функция сближает политическую проблематику с культурно-историческим контекстом в обоих медиадискурсах: в российском — литература укрепляет культурную идентичность и политическую сплоченность, в британском — служит основой интеллектуального диалога с аудиторией. Анализ подтвердил, что российская риторика сохраняет сильную ориентацию на литературные традиции как аксиологический ресурс, тогда как британская — склоняется к просвещению аудитории, эксплицитно призывает к рефлексии через интеграцию литературы в медиаконтент. Имиджеобразующая функция прецедентики в российской практике реализуется в речи журналистов и политических акторов для более точного художественного выражения, формирующего их медиаобразы. В британских медиа литературные маркеры журналисты используют преимущественно для образного описания политических ситуаций. Эстетическая функция, в свою очередь, выражается в жанрово-стилистических и визуальных особенностях медиаконтента. В частности, креативные трансформации прецедентных феноменов наблюдаются в обеих традициях преимущественно посредством субституции и паронимической аттракции.

Таким образом, настоящее диссертационное исследование демонстрирует продуктивное «сотрудничество» политических и литературных сюжетов и расширяет понимание функционирования прецедентных феноменов со сферой-источником «литература» в политическом медиадискурсе. Литературные прецедентные феномены представляют собой чувствительный к социальным и политическим изменениям инструмент, который обеспечивает критическое восприятие происходящего, а также выступает связующим звеном между культурной памятью и современной коммуникацией в медиапространстве. Результаты демонстрируют устойчивую в гуманитарных науках тенденцию к постоянной контаминации явлений, обусловленную комплексностью изучаемых объектов и полидисциплинарным характером работы с ними.

Перспективу исследования мы видим в более детальном анализе и описании российско-британских параллелей и различий в использовании прецедентных культурных ресурсов в политическом медиадискурсе, а также в выявлении конкретных механизмов привлечения аудитории к медиаконтенту и значения прецедентики в реализации данной коммуникативной задачи.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Авторы и литературные произведения как источник прецедентности в российском медиаконтенте политической направленности (от наиболее часто используемых к менее частотным):

Пушкин А.С.: «Медный всадник», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Капитанская дочка», «Руслан и Людмила», «Глаголом жги», «Полтава», «О сколько нам открытий чудных»

Гоголь Н.В.: «Мертвые души», «Ревизор», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»

Достоевский Ф.М.: «Преступление и наказание», «Дневник писателя», «Братья Карамазовы»

Крылов И.А.: «Лебедь, Щука и Рак»

Маяковский В.В.: «Облако в штанах», «Стихи о советском паспорте», «Послание пролетарским поэтам», «Послушайте!», «Кем быть», «А вы могли бы?», «Домой!»

Булгаков М.А.: «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце»

Рождественский Р.: «За того парня»

Высоцкий В.С.: «Песня о друге»

Грибоедов А.С.: «Горе от ума»

Шолохов М.А.: «Тихий Дон», «Судьба человека»

Ильф И.А., Петров Е.П.: «Двенадцать стульев», «Золотой теленок»

Шекспир У.: «Гамлет, принц датский», «Король Лир», «Макбет», «Отелло»

Толстой Л.Н.: «Война и мир»

Тургенев И.С.: «Русский язык»

Хемингуэй Э.: «Прощай, оружие!»

Карамзин Н.М.: «Соломонова мудрость, или мысли, выбранные из Экклезиаста»

Джером К.Дж.: «Трое в лодке, не считая собаки»

- Лермонтов М.Ю.: «Парус»
- Есенин С.А.: «Письмо матери», «Письмо к женщине»
- Некрасов Н.А.: «Кому на Руси жить хорошо», «Русские женщины»
- Чехов А.П.: «Дом с мезонином»
- Окуджава Б.Ш.: стихи
- Роулинг Дж.К.: серия романов «Гарри Поттер»
- Линдгрэн А.: «Малыш и Карлсон, который живет на крыше»
- Пастернак Б.Л.: «Доктор Живаго»
- Оруэлл Дж.: «1984», эссе
- Конан Дойл А.К.: цикл о Шерлоке Холмсе, «Этюд в багровых тонах»
- Кизи К.: «Над кукушкиным гнездом»
- Мартин Дж. Р.Р.: серия «Песнь льда и огня»
- Кристи А.: «Убийство в “Восточном экспрессе”», «Десять негритят»
(или «И никого не стало»)
- Сент-Экзюпери А. де: «Маленький принц»
- Гумилев Н.С.: «Жираф»
- Горький М.: «Песня о буревестнике»
- Солженицын А.И.: «Раковый корпус»
- Толстой А.Н.: «Золотой ключик, или Приключения Буратино»
- Стивенсон Р.Л.: «Остров сокровищ»
- Киплинг Р.: «Кошка, которая гуляет сама по себе»
- Гессе Г.: «Игра в бисер»
- Стругацкие А.Н., Б.Н.: «Трудно быть богом»
- Водолазкин Е.А.: «Лавр»

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Авторы и литературные произведения как источник прецедентности в британском медиаконтенте политической направленности (от наиболее часто используемых к менее частотным):

Шекспир У.: «Гамлет», «Король Лир», «Макбет», «Отелло», «Венецианский купец», «Ромео и Джульетта», «Буря»

Оруэлл Дж.: «1984», «Скотный двор», эссе

Диккенс Ч.: «Повесть о двух городах», «Большие надежды», «Холодный дом», «Дэвид Копперфилд»

Толстой Л.Н.: «Война и мир»

Роулинг Дж.К.: серия «Гарри Поттер»

Хаксли О.: «Прекрасный новый мир»

А.К. Дойл: «Приключения Шерлока Холмса»

Дж. Остин: «Гордость и предубеждение»

Коллинз С.: «Голодные игры»

Уайльд О.: «Как важно быть серьезным»

Достоевский Ф.М.: «Преступление и наказание»

Мильтон Дж.: «Потерянный рай»

Милн А.А.: «Дом на Пуховой Опушке»

Хемингуэй Э.: «Прощай, оружие!», «По ком звонит колокол»

Конрад Дж.: «Сердце тьмы»

По Э.А.: «Падение дома Ашеров», «Обитель привидений»

Кларк А.: «2001: Космическая одиссея»

Мелвилл Г.: «Моби-Дик»

Фолкнер У.: «Сойди, Моисей»

Толкин Дж.Р.Р.: «Властелин колец»

Народные баллады о Робин Гуде

Поуп А.: «An Essay on Criticism»

Митчелл М.: «Унесенные ветром»

Кундера М.: «Невыносимая легкость бытия»

Пруст М.: «В поисках утраченного времени»

Кристи А.: «Убийство в „Восточном экспрессе“», «Десять негритят»
(или «И никого не стало»)

Воннегут К.: «Механическое пианино», «Бойня номер пять, или
Крестовый поход детей»

Паланик Ч.: «Бойцовский клуб»

Шелли М.: «Франкенштейн, или Современный Прометей»

Стивенсон Р.Л.: «Остров сокровищ»

Манн Т.: «Будденброки»

Вулф В.: «Миссис Дэллоуэй», «Своя комната»

Джойс Дж.: «Улисс»

Ли Х.: «Убить пересмешника»

Этвуд М.: «Рассказ служанки»

Дидион Дж.: эссе

Смит З.: сочинения

Лоуренс Д.Г.: «Любовник леди Чаттерлей»

Герберт Ф.: «Дюна»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Akaliyski P., Welzel C., Bond M.H. & Minkov M. (2021). On “Nationology”: The Gravitational Field of National Culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 52(8–9). P. 771–793.
2. Bell A. (1991). *The Language of News Media*. Oxford.
3. Blekesaune A., Elvestad E., & Aalberg T. (2012). Tuning out the world of news and current Affairs — An empirical study of Europe’s disconnected citizens. *European Sociological Review*, 28. P. 110–126.
4. Boukes M., Aalbers L. & Andersen K. (2022). Political fact or political fiction? The agenda-setting impact of the political fiction series Borgen on the public and news media. *Communications*, 47(1). P. 50–72.
5. Brosch, T., & Sander, D. (Eds.). (2016). *Handbook of Value Perspectives from Economics, Neuroscience, Philosophy, Psychology, and Sociology*. Oxford University Press. ISBN 978-0-19-871660-0.
6. Bruun H. (2011). Genre in media production. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*, 27(51), 18 p.
7. Burke K. (1973). *The philosophy of literary form: Studies in symbolic action*. Berkeley: University of California Press.
8. Charteris-Black J. (2019). *Analysing Political Speeches: Rhetoric, Discourse, and Metaphor*. Palgrave Macmillan.
9. Conboy M. (2013). *The language of the news*. England, UK: Routledge.
10. Crystal D. (2003). *English as a Global Language*. Second edition. Cambridge: CUP. 212 p.
11. Deuze M. (2007). The Web and Its Journalism Considering the Consequences of Different Types of Newsmedia Online. *New Media and Society*, 5. P. 203–230.
12. Fairclough N. (1995). *Media Discourse*. London.
13. Farrelly M. (2019). Rethinking intertextuality in CDA. *Critical Discourse Studies*, 17(4). P. 359–376.

14. Fetzer A., & Lauerbach G.E. (Eds.). (2007). *Political discourse in the media: Cross-cultural perspectives (Pragmatics & Beyond New Series)*. John Benjamins Publishing.
15. Fiske J. (1989). *Understanding popular culture*. Boston: Unwin Hyman.
16. Foucault M. *Words and things. Archaeology of the humanities*. Saint Petersburg: Academia; 1994.
17. Freedman D. (2006). Internet transformations: old media resilience in the “new media” revolution. *Media and Cultural theory / J. Curran & D. Morley (Eds.)*. London: Routledge. P. 275–290.
18. Freelon D. et al. (2020). False equivalencies: Online activism from left to right. *Science*, 369. P. 1197–1201. DOI: 10.1126/science.abb2428.
19. Genette G. (1982). *Palimpsestes. La littérature au second degré*. P.: Ed-s du Seuil, 1982. 468 p. URL: <http://expositions.modernes.biz/edito/notes-sur-larchitexte/> (accessed: 01.04.2023).
20. Goffman E. (1967). *Interactional Ritual. Essays in Face to Face Behavior*. New York: Anchor Books. P. 32.
21. Graber D.A. (1982). Political language. In D. D. Nimmo & K. R. Sanders (Eds.), *Handbook of political communication* (pp. 195–223). Sage Publications.
22. Habermas J. (1989). Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns. Habermas J. *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl. S. 571–606.
23. Harris Z.S. (1952). Discourse Analysis. *Language*. Vol. 28. P. 1–30.
24. Hartley J. (2004). Democratainment. In R. C. Allen, & A. Hill (Eds.), *The television studies reader* (pp. 524–533). London, UK: Routledge.
25. Jenkins H. (2006). *Convergence Culture. Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press.
26. Kress G. and Leeuwen T. Van 2001. *Multimodal Discourse. The Modes and Media of Contemporary Communication*. London: Arnold.
27. Kristeva Yu. (1980). *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York: Columbia Univ. Press, 1980. 305 p.

28. Larson C.U. (1995). *Persuasion: reception and responsibility*. Belmont: Wadsworth Publ. Company. 449 p.
29. Leech G.N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London: Longman. P. 59.
30. Mayer F.W. (2014). *Narrative Politics: Stories and Collective Action*. By Frederick W. Mayer. Oxford: Oxford University Press, 2014. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/682985>. (accessed: 01.04.2023).
31. Meyrowitz J. (1994). Medium theory. In D. Crowley & D. Mitchell (eds.), *Communication theory today*. Cambridge: Polity. P. 50–77.
32. Montgomery M. (1996). *The Media*. British Council.
33. Ott B., & Walter C. (2000). Intertextuality: Interpretive practice and textual strategy. *Critical Studies in Media Communication*, 17(4), 429–446. <https://doi.org/10.1080/15295030009388412>.
34. Porter J.E. (1986). Intertextuality and the discourse community. *Rhetoric Review*, 5(1). P. 34–47. <https://doi.org/10.1080/07350198609359131>.
35. Postman N. (2000). *The Humanism of Media Ecology*. Keynote Address Delivered at the Inaugural Media Ecology Association Convention Fordham University, New York, New York June 16–17, 2000. *Proceedings of the Media Ecology Association*, Volume 1.
36. Riegert K. (Ed.) (2007). *Politicotainment: Television's take on the real*. New York: Peter Lang.
37. Santoniccolo F., Trombetta T., Paradiso M.N., Rollè L. (2023). Gender and Media Representations: A Review of the Literature on Gender Stereotypes, Objectification and Sexualization. *Int J Environ Res Public Health*. 2023 May 9; 20(10). P. 5770.
38. Serazio M. (2018). Producing Popular Politics: The Infotainment Strategies of American Campaign Consultants, *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 62(1). P. 131–146.
39. Seriot P. (1985). *Analyse du discours politique soviétique (Cultures et sociétés de l'est)*. Paris: Institut d'études slaves. P. 95.

40. Thussu D.K. (2007). *News as entertainment*. London, UK: Sage. 214 p.
41. Van Dijk T. A. (1988). *News as discourse*. Lawrence Erlbaum Associates.
42. Van Dijk T.A. (1993). *Elite discourse and racism*. Sage Publications.
43. Van Dijk T.A. (1998). *Ideology: A multidisciplinary approach*. Sage Publications.
44. Van Dijk T.A. (2001). *Critical discourse analysis*. In D. Schiffrin, D. Tannen, & H. E. Hamilton (Eds.), *The handbook of discourse analysis* (pp. 352–371). Blackwell Publishers.
45. Van Dijk T.A. *Handbook of discourse analysis*. 1998. URL: https://semiotics.nured.uowm.gr/pdfs/Critical_discourse_analysis_TEUN_A_VAN_DIJK.pdf (accessed: 02.05.2023).
46. Van Zoonen L. (2005). *Entertaining the citizen: When politics and popular culture converge*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
47. Webb J., Schirato T., & Danaher G. (2002). *Understanding Bourdieu*. SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446221488>.
48. Wodak R. (1989). *The power of political jargon – a “Club-2” discussion*. In R. Wodak (Ed.), *Language, power, and ideology: Studies in political discourse* (pp. 137–163). John Benjamins B.V.
49. Абрамова Е.С. (2014). *Массмедийный дискурс: сущность и особенности*. Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Тамбов. № 12 (42), ч. 1. С. 17–19.
50. Абушенко В.Л. (б/д). *Оценка*. Гуманитарный портал: концепты. Центр гуманитарных технологий, 2002–2025. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7320> (дата доступа: 21.04.2025).
51. Аконова Д.Р. (2013). *Стратегии и тактики политического дискурса*. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, (6-1). С. 403–409.
52. Аникина Э.М. (2004). *Лингвокультурная специфика реализации интертекстуальности в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Уфа. 22 с.

53. Анисимова Е.Е. (1992). Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов). Вопросы языкознания. № 1. С. 71–78.

54. Анненкова И.В. (2011). Риторическая модель современного медиадискурса. Русский язык и литература во времени и пространстве. XII Конгресс Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (8–12 мая 2011 г. Шанхай). Под ред. Л. А. Вербицкой, Л. Лиминя, Е. Е. Юркова: в 2 т. Т. 2. С. 305.

55. Анненкова И.В. (2011а). Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова" Издательский Дом (типография), 391 с.

56. Антропова В.В. (2021). Концептосфера "духовность" в журналистском дискурсе: особенности репрезентации: автореф. дис... доктора фил. наук. Екатеринбург. 48 с.

57. Арнольд И.В. (2002). Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта. 382 с.

58. Арсеньева Т.Е., Фащанова С.В. (2018). Новые медиа и новые тексты: к вопросу о специфике. Казанская наука. № 12. С. 97–100.

59. Арутюнова Н.Д. (1990). Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Сов. Энциклопедия. С. 136–137.

60. Ассман Я. (2004). Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славян. культур.

61. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. (1977). «Вертикальный контекст» как филологическая проблема. Вопросы языкознания. № 3. С. 49–52.

62. Ачкасов В.А. (2012). Этническая и национальная идентичности в современном мире. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения, (1). С. 85–91.

63. Базылев В.Н. (2005). Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины). Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Екатеринбург. Вып. 15. С. 16.

64. Барт Р. (1989). Удовольствие от текста. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст., Г.К. Косикова. М.: Прогресс. С. 463–464.

65. Беданоква З.К. (2015). Эвокативность как свойство и жанр имплицативной коммуникации. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 4 (168). С. 21–27.

66. Бельчиков Ю.А. (н.д.). Парономазия. Большая российская энциклопедия 2004–2007. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2321784> (дата обращения: 03.07.2023).

67. Бенвенист Э. (1974). Общая лингвистика. Москва: Прогресс. 448 с.

68. Бернацкая А.А. (2014). Языковая картина мира. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет. Под редакцией А.П. Сковородникова. 2-е издание, переработанное и дополненное. Красноярск: Сибирский федеральный университет. С. 788–790. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24550224&pff=1> (дата доступа: 01.02.2025).

69. Болотнова Н.С. (2015). Идиостиль публичной языковой личности в аспекте константных и переменных признаков. Сибирский филол. журн. № 3. С. 203–214.

70. Болотнова Н.С., Котюрова М.П. (2014). Идиостиль, или индивидуальный стиль. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет; Под редакцией А.П. Сковородникова. 2-е издание, переработанное и дополненное. Красноярск: Сибирский федеральный университет. С. 175–178. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24548511> (дата обращения: 26.05.2025).

71. Боярских О.С. (2008). Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004-2007 гг.): автореф. дис... канд. фил. наук. Екатеринбург. 24 с.

72. Брубейкер Р. (2012). Этничность без групп [Текст] /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с. (в пер.).

73. Брызгалин Е.А., Александрова Ю.Ю., Пряжников Н.С. (2023). Теоретико-психологический анализ современных представлений о профессиональной идентичности: общие принципы. Часть. 1. Психологические исследования. Т. 16, № 92. С. 7. URL: <https://psystudy.ru> (дата обращения: 22.03.2025).

74. Будаев Э.В. (2020). Литературные персонажи как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании. Научный диалог, № 8. С. 52–68.

75. Будаев Э.В. (2021). Прецедентные имена в СМИ: методики исследования. Политическая лингвистика, 3 (87). С. 22–36.

76. Буров А.А. (2008). Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации): филологические этюды: монография. Пятигорск: ПГЛУ.

77. Валгина Н.С. (2003). Теория текста. Москва, Логос. URL: [https://yanko.lib.ru/books/language/ru/valgina.teoriya_teksta.moskva.logos.2003p173_\(sl\).htm#_Точ332055240](https://yanko.lib.ru/books/language/ru/valgina.teoriya_teksta.moskva.logos.2003p173_(sl).htm#_Точ332055240) (дата обращения: 22.03.2025).

78. Ван Дейк Т.А. (1998). К определению дискурса. Л.: Сэйдж пабликэйшнс, 1998. 384 с.

79. Ван Дейк Т.А. (2013). Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком. 344 с.

80. Варзапова В.Ю. (2019). Заголовок сетевого медиатекста как автосемантический текст. Тенденции развития науки и образования. № 50–10. С. 15–18.

81. Вендина О.И. (2012). Московская идентичность и идентичность москвичей. Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 27–39.

82. Винокур Т.Г. (1993). *Говорящий — слушающий: варианты речевого поведения*. Москва: Наука. С. 63.

83. Вовкула А.В. (2015). Интерактивная форма коммуникации в медиадискурсе. *Вестник Челябинского государственного университета*, 10(365). С. 32–38.

84. Волова В.М. (2016). Прецедентные имена собственные и их специфика в газетно-публицистическом тексте как составной части массмедиаального дискурса. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. № 1. С.82–87.

85. Володина М.Н. (2003). *Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М.: МГУ. С. 9–31.

86. Ворожцова В.О. (2006). *Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года: дисс. ... канд. фил. наук*. Екатеринбург. 217 с.

87. Воронцова Т.А. (2017). Новостной заголовок как репрезентант события. *Политическая лингвистика*, (6). С. 21–25.

88. Воропаев Н.Н. (2007). *Прецедентные имена как носители скрытых смыслов. Скрытые смыслы в языке и коммуникации*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. С. 58–71.

89. Гайдук И.В. (2015). Прецедентные имена и их дериваты в российском и американском медиадискурсе. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета*. Серия: *Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. № 3(27). С. 111–127.

90. Гальперин И.Р. (2007). *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: URSS. 144 с.

91. Герасимова И.А., Ивахнов В.Ю. (2017). Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. Сервис plus. № 2. С. 66–76.

92. Глазков А.В. (2000). Культурфилологический анализ постмодернистского текста на спецсеминаре для студентов филологического факультета. Язык, культура, общество. Лингвистическая подготовка учителя-словесника: проблемы новых лингвистических курсов: тезисы Всероссийской научно-практической конференции. Москва: МПГУ. С. 36–38.

93. Головнева Е.В. (2013). Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура. Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 5. С. 42–50.

94. Головня М.В. (2010). Средства выражения оценки в поэтическом языке А.Т. Твардовского: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 184 с.

95. Гришаева Л.И. (2008). Прецедент как универсальное средство передачи и хранения культурной информации. Политическая лингвистика. Вып. 24. С. 118–123.

96. Гришаева Л.И. (2018). Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения всех культурных фактов народа. Теория межкультурной коммуникации: проблемы, подходы, анализ. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2018. С. 340–371.

97. Гудков Д.Б. (2003а). Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис. 288 с.

98. Гудков Д.Б. (2003б). Прецедентные феномены в текстах политического дискурса. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ.

99. Гюббенет И.В. (1991). Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М.: Изд-во МГУ. 205 с.

100. Демидова Д.Г. (2016). «Языковая личность» и альтернативные единицы исследования, используемые для анализа культурно-языкового измерения личности: к проблеме терминологии и подходов к изучению в

отечественных и зарубежных лингвистических исследованиях. Известия ВГПУ. Гуманитарные науки, 4(273). С. 136–139

101. Демичев И.В., & Султанова Г.Д. (2018). Типы, виды и режимы функционирования идентичностей. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки, (1). С. 107–117.

102. Демьянков В.З. (2002). Политический дискурс как предмет политологической филологии. Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. С. 32–43.

103. Денисова Г.В. (2003). В мире интертекста: язык, память, перевод. Предисловие С. Гардзонио; Предисловие Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 298 с.

104. Детинко Ю.И., Куликова Л.В. (2017). Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 168 с.

105. Добросклонская Т.Г. (2006). Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации. Вестник Московского университета, серия 10. № 2. С. 22.

106. Добросклонская Т.Г. (2000). Вопросы изучения медиатекстов. М.: Макс-Пресс.

107. Добросклонская Т.Г. (2008). Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Москва. 203 с.

108. Дускаева Л.Р. (2012). Интенциональность медиаречи: онтология и структура. Медиатекст как полиинтенциональная система: сборник статей, Санкт-Петербург, 07–08 декабря 2011 года. Ответственные редакторы: Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. С. 10–16.

109. Дускаева Л.Р. (2018). Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. № 6. С. 48–74.

110. Душенко К.В. (2022). «Слон в посудной лавке»: к истории выражения. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. № 4. С. 35–58.

111. Енина Л.В. (2016). Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации. Политическая лингвистика. № 6. С. 159–167.

112. Еремина Е.В. (2012). Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России. Социально-гуманитарные знания, (5). С. 276–287.

113. Желтухина М.Р. (2007). Функции масс-медиального дискурса. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвузовский сборник научных трудов, Орел, 15 мая – 15 2007 года. Ответственный редактор А.Г. Пастухов. Том Выпуск 5. Орел: Орловский государственный институт культуры. С. 191–201.

114. Зайцева Е.Л. (2006). Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе (опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары. 26 с.

115. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. (1997). Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. Язык, сознание, коммуникация. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Том Выпуск 1. Москва: Издательство Диалог-МГУ. С. 82–103.

116. Землянова Л.М. (2004). Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. Москва.

117. Иванова С.В. (2007). Лингвокультурологический потенциал текста. Лексические и грамматические категории в свете типологии языков и лингвокультурологии: Материалы Всероссийской научной конференции. Уфа: РИЦ БашГУ. С. 17–19.

118. Иванова С.В. (2018). Культурологическая модальность в политическом медиадискурсе. *Медиалингвистика*, 5(2). С. 199–209.
119. Исканиус С. (2002). Языковая идентичность русскоязычной молодежи — иммигрантов в Финляндии. *Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сборник статей. Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. Вып. 2.* С. 314–328.
120. Ишемгулова А.И., & Чанышева З.З. (2021). Гибридные тексты как результат смешения дискурсивных практик. *Вестник Башкирского университета*, 26(2). С. 441–446.
121. Кабанков А.И. (2017). Прецедентный мир В. Высоцкого в дискурсе новых медиа: семантико-аксиологический и регулятивный аспекты: дис. ... канд. фил. наук. Томск. 225 с.
122. Казак М.Ю. (2011). Специфика современного медиатекста. *Современный дискурс-анализ. Вып. 6.* С. 320–334.
123. Казак М.Ю., Махова А.А. (2015). Разнотипные интертекстемы в журналистском тексте: опыт функционального описания. *Медиалингвистика*. 2015. № 2 (8). С. 93–103. URL: <https://medialing.ru/raznotipnye-intertekstemy-v-zhurnalistskom-tekste-opyt-funkcionalnogo-opisaniya/> (дата обращения: 24.05.2025).
124. Каминская Т.Л. (2009). Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург. URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394717974_2201.pdf (дата доступа: 01.02.2025).
125. Каминская Т.Л. (2017). Территориальная идентичность как ресурс регионального журналиста. *Век информации*. № 1. С. 83–86.
126. Караулов Ю.Н. (2010). *Русский язык и языковая личность*. Москва, 264 с.
127. Кибрик А.А. (2003). Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. ... доктора филологических наук. Москва. 90 с.

128. Клушина Н.И. (2002). Имя собственное на газетной полосе. Русская речь. № 1. С. 55.
129. Клушина Н.И. (2014). Медиастиль и его интенционально-нарративная структура [Пленарный доклад]. Международная конференция «Разность культур и стиль», Опольский университет, Ополе, Польша.
130. Клушина Н.И. (2014). Медиастилистика. Экология языка и коммуникативная практика, (2). С. 69–77.
131. Кожемякин Е.А. (2010). Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования. Научные ведомости. Гуманитарные науки. № 12 (83). Вып. 6. С. 13–21.
132. Козлов Е.В. (2021). Аттракционы экрана: между визуальным и нарративным. Наука телевидения. Т. 17, № 1. С. 11–28.
133. Комиссарова Н.Г., Якупова Д.Р. (2018). Оценочность в дискурсе СМИ. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, № 2 (80), ч. 1. С. 83–87.
134. Кондаков И.В. (2005). Антропология русской словесности: литературоцентризм. Современные трансформации российской культуры / отв. ред. И. В. Кондаков. М.: Наука. С. 394–403.
135. Кондратьева В.В. (2016). Дымов в рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья»: к вопросу о типологии образа врача. Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова, (2). С. 7–10.
136. Коньков В.И. (2018). Лингвистические исследования политического медиадискурса. Медиалингвистика, 5(2). С. 138–161. URL: <https://medialing.ru/lingvisticheskie-issledovaniya-politicheskogo-mediadiskursa/> (дата обращения: 13.06.2024).
137. Коробейникова Л.А., & Гиль А.Ю. (2010). Сетевые структуры в условиях глобализации. Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов, 316 (6).
138. Корконосенко С.Г. (2025). Политическая журналистика: учебник для вузов. 2-е изд., испр. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 373 с. (Высшее

образование). ISBN 978-5-534-19602-3. Текст : электронный. Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/556744> (дата обращения: 08.08.2025).

139. Костина К.В. (2011). Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе / Текст.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.В. Костина. Иркутск. С. 17.

140. Костомаров В.Г. (1965). Из наблюдений над языком газеты: газетные заголовки. Из опыта преподавания русского языка нерусским. М.: Мысль. С. 163–181.

141. Костомаров В.Г. (1965). Русский язык на газетной полосе. М.: МГУ. 267 с.

142. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. (1996). Прецедентный текст как редуцированный дискурс. Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН. С. 297–302.

143. Костомаров В.Г. (1999). Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Издание третье, испр. и доп. СПб.: “Златоуст”. 320 с.

144. Костомаров В.Г. (2001). Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова. СПб: Златоуст. 72 с.

145. Красных В.В. (1997). Когнитивная база VS культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере). Язык, сознание, коммуникация. № 1. С. 128–145.

146. Красных В.В. (2002). Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва: Гнозис. 284 с.

147. Красных В.В. (2003). «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис. 375 с.

148. Красных В.В. (2012). Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации. Вестник ЦМО МГУ. Центр междунар. образования. № 3. С. 67–73.

149. Кристева Ю. (2000). Бахтин, слово, диалог и роман. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. Москва. С. 427–457.
150. Кувакин В.А. (2013). Ф. Достоевский: «Если Бога нет, то. ». Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, (6). С. 28–39.
151. Кузьмина Н.А. (2009). Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. Омск: Издательство Омского государственного университета. 228 с.
152. Кузьмина Н.А. (2011). Современный медиатекст: учебное пособие. Отв. ред. Н.А. Кузьмина. Омск. 414 с.
153. Куличенко Ю.Н., Курченкова Е.А. (2023). Способы выражения оценки в медийном экологическом дискурсе. Медиалингвистика, 10(2). С. 166–178.
154. Кушнерук С.Л. (2006). Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 228 с.
155. Лавриненко Т.А. (2007). Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 17 с.
156. Лазарева Э.А. (1989). Заголовок в газете. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 96 с.
157. Лазутина Г.В. (2011). Жанры журналистского творчества: учеб. пособие для студентов вузов. Г.В. Лазутина, С.С. Распопова. М., 320 с.
158. Лаппо М.А. (2013). Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск : Изд-во НГПУ. 180 с.
159. Лаптева О.А. (1998). Живая телевизионная речь. Москва.
160. Лотман Ю.М. (1992). Текст и полиглотизм культуры. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн: «Александра», 1992. 479 с.

161. Лотман Ю.М. (1994). Изъявление Господне или азартная игра? (закономерное и случайное в историческом процессе). Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис. С. 353–363.
162. Лотман Ю.М. (2000). Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ. 704 с.
163. Лучшева Е.Б., Преснякова Л.В. (2011). К вопросу о социокультурной идентичности. Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Владивосток. № 2(11). С. 156–161.
164. Малахов В.С. (2001) Идентичность. Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Степина. Москва: Мысль. Т. 3. С. 78–79.
165. Малышева Е.Г. (2014). «Гибридный» публицистический текст в региональных печатных СМИ (на материале публикаций С. Шкаева). Медиаскоп 2014. № 3. URL: [http://www. mediascope.ru/node/1552](http://www.mediascope.ru/node/1552) (дата доступа: 02.04.2024).
166. Марьянчик В.А. (2011). Медиа-политический текст: сценарии, нормы, стереотипы: монография. Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: Поморский университет. С. 23.
167. Маслова В.А. (2001). Лингвокультурология: Учеб. пособие / В. А. Маслова. М.: Академия. 206 с.
168. Медиа- и информационная грамотность в обществах знания. (2013). Сост. Кузьмин Е. И., Паршакова А.В.М.: МЦБС. 384 с.
169. Медиалингвистика в современной научной парадигме: коллективная монография. (2024). Под редакцией Н. И. Клушиной, Т. В. Ицкович, Л. В. Селезневой. Москва: Издательство «ФЛИНТА». 308 с.
170. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. (2020). Под ред. Л.Р. Дускаевой; редколл.: В.В. Васильева, Ю.М. Коняева, А.А. Малышев, Т.Ю. Редькина. 2- изд., стер. Москва: Флинта. 440 с.
171. Мельник Ю.А. (2014). Цитата как начальный этап вхождения прецедентного высказывания в систему языка. Ученые записки Крымского

федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Т. 27. № 66 (1–1). С. 145–151.

172. Милосердова Е.В. (2004). Языковая личность в свете прецедентных высказываний. Из: Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 140–148.

173. Митягина Е.В., & Долгополова Н.С. (2009). «Клиповое сознание» молодежи в современном информационном обществе. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, (3). С. 53–59.

174. Михайлова С.Е. (2003). Особенности понимания крылатых слов современными носителями языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь.

175. Михалева О.Л. (2009). Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком. 256 с.

176. Моисеенко Л.В. Керо Хервилья Э. (2021). Прецедентное пространство русского массмедийного дискурса. Русистика. Т. 19. № 4. С. 453–465.

177. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. (1999). Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Фолио-Пресс.

178. Наволоцкая О.В. (2022). Прецедентность в заголовках медиа: сопоставительный аспект. Ученые записки Новгородского государственного университета, 6(45). С. 685–689.

179. Наволоцкая О.В. (2023а). Прецедентика и медиакартина мира. VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал, 4(9). С. 83–92.

180. Наволоцкая О.В. (2023б). Прецедентность и ее креативное проявление в современных медиатекстах политического дискурса (на материалах сайта Kommersant.ru). Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 2. С. 134–137.

181. Наволоцкая О.В. (2023в). Авторский подход к использованию прецедентов в медиатексте (на примере материалов сайта "Коммерсантъ").

Дни науки и инноваций НовГУ: Сборник статей студентов и молодых ученых. В 4-х частях. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. С. 204–208.

182. Наволоцкая О.В. (2025а). Механизмы интеграции историко-культурного фонда в российский медиаконтент: опыт новостных интернет-ресурсов. Медиабизнес. (В печати).

183. Наволоцкая О.В. (2025б). Истории повторяются: способы интеграции прецедентных феноменов (Практики онлайн-газеты The Economist). Челябинский гуманитарий. 2025. № 3(72). С. 173–181.

184. Науменко Л. (2010). Идентичность этническая. Образовательная политика, 5-6 (43). С. 142–145.

185. Наумова Е.О. (2004). Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе: автореферат дисс. ... канд. фил. наук. Москва. 24 с.

186. Нахимова Е.А. (2005). Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе. Политическая лингвистика, (15). С. 102–114.

187. Нахимова Е.А. (2007). Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования. Екатеринбург. 207 с.

188. Нахимова Е.А. (2018). О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации. Политическая лингвистика, (1). С. 41–46.

189. Овчаренко Е.Н. (2020). Лингвопрагматический аспект вербализации оценки в медиадискурсе (на материале общественно-политической российской прессы): автореферат дисс. ... канд. фил. наук. 20 с.

190. Олешко В.Ф. (2020). Коммуникативно-культурная память: идентификационные ресурсы средств массовой информации. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти: [монография]; В.Ф. Олешко, Е.В. Олешко. Издательство Уральского университета. Часть 1. С. 13–84.

191. Оломская Н.Н. (2013). К вопросу о жанровой классификации медиадискурса. Научный диалог. № 5(17): Филология. С. 250–259.
192. Ордокова М.А., Хамурзова А.Г., Хунтхужева И.Х. (2016). Отражение национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского, русского и кабардино-черкесского языков). Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. № 1 (1). С. 176–180.
193. Панина Ю.Н. (2012). Медиатекст в системе коммуникативной прагматики. Сборник докладов 59-й международной молодежной научно-технической конференции «Молодежь-наука-инновации», Владивосток, 21–23 марта 2012 г., в 2 т. Владивосток: Мор. гос. ун-т. Т. 2. С. 36.
194. Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б. (2013). О структуре понятия «политический дискурс». Вестник Нижневаторского государственного университета. № 2. С. 35–41.
195. Пермяков Г.Л. (1970). От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише. М.: Наука. 240 с.
196. Пескова Е.Н. (2015). Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции. Знак: проблемное поле медиаобразования. № 2 (16). С. 26–31.
197. Привалова И.В. (2005). Интеркультура и вербальный знак: лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации: монография. Москва: Гнозис.
198. Приходько А.И. (2015). Оценочность как социокультурный признак журналистского текста. Медиалингвистика. № 1 (11). С. 73–81. URL: <https://medialing.ru/ocenochnost-kak-sociokulturnyj-priznak-zhurnalistskogo-teksta/> (дата обращения: 23.05.2024).
199. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война»: монография. (2017). О. И. Асташова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина и др., под ред. Э. В. Чепкиной. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый. 196 с.

200. Прохоров Ю.В. (2016). Действительность. Текст. Дискурс: Учеб. пособие. М.: Флинта. 224 с.

201. Прохоров Ю.Е. (1996). Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Москва: Изд-во ЛКИ.

202. Прохорова К.В. (2001). Совокупный заголовочный текст как разновидность газетного текста: дис. ... канд. фил. наук. СПб. 228 с.

203. Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А. (2022а). Трансформация прецедентного знака высокой культуры в медиапространстве (на материале прецедентов со сферой-источником «Достоевский»). Четвертые Григорьевские чтения. «Семантические преобразования в художественном тексте», Москва, 14–26 марта 2022 года: материалы конференции. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/grigoriev2022/Remch.pdf> (дата обращения: 20.07.2024).

204. Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А. (2022б). «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социо-культурном и «игровом поле» современных медиа. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 13(1). С. 45–67.

205. Ремчукова Е.Н., Михеева Е.С. (2015). Стилистические приемы в медиатекстах: полисемантика vs амфиболия. Медиалингвистика. Под редакцией Л.Р. Дускаевой. Выпуск 4. Санкт-Петербург: Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. С. 92–96.

206. Репина Л.П. (2003). Культурная память и проблемы историописания (историко-графические заметки) [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/05/1216435442/WP6_2003_07.pdf. (дата обращения: 14.04.2022).

207. Рождественский В.Ю. (1970). Что такое «теория клише»? Из: Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише. М.: Наука. С. 213–237.

208. Рождественский Ю.В. (1997). Теория риторики. М.: Добросвет. С. 477.
209. Рождественский Ю.В. (2015). Теория риторики. 5-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука. 544 с.
210. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. (2014). Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики. Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 14, № 4. С. 65–76.
211. Русакова О.Ф., Курильченко С.С. (2019). Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа. Научный журнал «Дискурс-Пи». No 4 (37). С. 28–48. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10402.
212. Сандомирская И. (2001). Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик. URL: <https://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (дата доступа: 18.05.2025).
213. Санина А.Г. (2012). Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход. Социологические исследования. № 12. С. 57–65.
214. Сидорова В.В. (2012). Прецедентный мир Дж. Р.Р. Толкина в политическом дискурсе американских и российских СМИ. Политическая лингвистика. № 3(41). С. 170–177.
215. Сиротинина О.Б. (2014). Типы речевой культуры. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание. Под редакцией А.П. Сковородникова. 2-е издание, переработанное и дополненное. Красноярск: Сибирский федеральный университет. С. 685–687. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24550025&pff=1> (дата доступа: 20.07.2024).
216. Слышкин Г.Г. (2000). От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. Москва: Academia. 128 с.

217. Слышкин Г.Г. (2004). Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 240 с.
218. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. (2004). Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers. 153 с.
219. Сметанина С.И. (2002). «Медиатекст в системе культуры». СПб.: Издательство Михайлова. 382 с.
220. Смирнова О.В. (2011). Интеграция гендерного подхода в журналистское образование: российский контекст. Электронный научный журнал «Медиаскоп». URL: <http://www.mediascope.ru/node/963> (дата доступа: 18.02.2025).
221. Солганик Г.Я. (2005). К определению понятий «текст» и «медиатекст». Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 2. С. 7–15.
222. Солнцева Е.С. (2019). К вопросу о свойствах медиадискурса. Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 8 (141). С. 147–153.
223. Соломина А.В. (2010). Отражение национально-культурной специфики в аналитическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. СПб. С. 167.
224. Степанов Г.В. (1984). Стихия языка в стихии споров. Литературная газета. № 26.
225. Степанов Ю.С. (1995). Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. Язык и наука конца XX века. Сб. статей. Москва: РГГУ. С. 35–73.
226. Степанов Ю.С. (2001). Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект.
227. Супрун А.Е. (1995). Текстовые реминисценции как языковое явление. Вопросы языкознания, № 6. С. 17–29.
228. Терских М.В. (2003). Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск. С. 20–22.

229. Тихонова С.В., Артамонов Д.С. (2021). Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетейя. 264 с.

230. Токарев Г.В. (2003). К вопросу о типологии культурных коннотаций. Филол. науки. № 3. С. 56–60.

231. Томсинов В.А. (2015). «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах: Учебное пособие. М.: Зерцало-М. 256 с.

232. Трошина Н.Н. (2000). Тема национально-культурной идентичности в дискурсе массмедиа. Этнокультурная специфика речевой деятельности: сборник обзоров Центра гуманитар. науч.-информ. исслед., Отд. Языкознания. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 59–82.

233. Тхагапсоев Х.Г. (2011). Идентичность как философская категория и мера бытия. Философские науки. № 1 (специальный выпуск). С. 10–25.

234. Тюпа В.И. (2017). Новостной дискурс как нарратологическая проблема. Новый филологический вестник. № 3 (42). С. 40–51.

235. Уварова Е.А. (2015). Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий. Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». № 5. С. 47–54.

236. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

237. Фаткуллина Ф., Сулейманова А.К. (2011). Языковая картина мира как способ концептуализации действительности. Вестник Башкирского университета, 16 (3–1). С. 1002–1004.

238. Федорченко С.Н. (2021). Формирование новых идентичностей на постсоветском пространстве: между реальным и цифровым миром. Журнал политических исследований. Т. 5, № 3. С. 3–15.

239. Филинский А.А. (2002). Стратегия манипуляции в политическом дискурсе. Языковые подсистемы: стабильность и динамика. Тверь. С. 53.

240. Филичкина Т.П. (2017). Идеологическая модальность фразеологизмов в политическом дискурсе. Вестник Брянского государственного университета. № 2 (32). С. 296.

241. Фокина М.А. (2017). Феномен прецедентности в Российском политическом дискурсе. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. Нижний Новгород.

242. Фоминых М.О. (2002). Использование прецедентных текстов в русском постмодернизме (на материале произведений В. Пелевина). Язык и национальное сознание. Вып. 3. Воронеж. С. 170–176.

243. Фомичева И.Д. (2017). Ресурсная парадигма и нематериальные капиталы в СМИ. Медиаскоп. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2273> (дата доступа: 20.07.2024).

244. Фуко М. (1996). Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М., Касталь. 448 с.

245. Харламова Т.В. (2018). Социальные сети как инструмент современной политической власти (на материале микроблога Д. Трампа в Твиттере). Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. Т. 18, вып. 4. С. 396-402. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-4-396-402.

246. Хурматуллин А.К. (2009). Понятие дискурса в современной лингвистике. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. № 151 (6). С. 31–37.

247. Цветова Н.С. (2014). Журналистский арт-текст: специфика выражения оценки. Масс-медиа и массовые коммуникации: опыт, проблемы, перспективы: сборник науч. работ II междунар. науч. colloквиума, 01–02 окт. 2014 г., г. Белгород. Белгород. гос. нац. ун-т. Белгород, 2015. С. 11–14.

248. Цветова Н.С. (2017). Медиатекст в свете практической эстетики // Медиалингвистика. № 4 (19). С. 18–26. URL: <https://medialing.ru/mediatekst-v-svete-prakticheskoy-ehstetiki/> (дата обращения: 18.06.2025).

249. Цурикова Л.В. (2010). Медиадискурс как объект научного анализа. Медиатекст: стратегии — функции — стиль: коллективная монография. Л. И.

Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.). Орел: ООО «Горизонт». С. 11–18.

250. Черноморец М.В. (2010). Лингвокультурные концепты германских канцлеров: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград. 20 с.

251. Чернявская В.Е. (2001). Дискурс как объект лингвистических исследований. Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. СПб.: СПбГУЭФ. С. 11–22.

252. Чернявская В.Е. (2003). От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа. Филологические науки. URL: https://www.academia.edu/39226251/От_анализа_текста_к_анализу_дискурса_Немецкая_школа_дискурсивного_анализа (дата доступа: 01.02.2025).

253. Чернявская В.Е. (2006). Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука. 134 с.

254. Чернявская В.Е. (2009). Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Либроком. 248 с.

255. Чернявская В.Е. (2014). Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. Москва: ЛЕНАНД. 208 с.

256. Чудинов А.П. (2012). Политическая лингвистика. Учеб. пособие, 4-е изд. М.: Флинта; Наука.

257. Шапинская Е.Н. (2023). Символика ретропии в (пост)современной массовой культуре: новая жизнь советского мифа. Вестник культурологии. 2(105). С. 245–258.

258. Швецова А.В. (2017). Национальная идентичность как социокультурный феномен. Обсерватория культуры, 14(6). С. 653–661.

259. Шейгал Е.И. (2000). Семиотика политического дискурса. Волгоград. 328 с.

260. Шестакова Э.Г. (2017). Об эстетических границах медиатекста // Медиалингвистика. № 3 (18). С. 7–18. URL: <https://medialing.ru/ob-ehsteticheskikh-granichah-mediateksta/> (дата обращения: 18.06.2025).

261. Шилихина К.А., Стратиенко Ю.А. (2017). Фрейм «Волшебный мир Гарри Поттера» как способ осмысления политической ситуации в англоязычном общественно-политическом дискурсе. Политическая лингвистика, 2. С. 116–123.

262. Шмелев Д.Н. (1997). Русский язык в его функциональных разновидностях. М. С. 66.

263. Шмелева Т.В. (1997). Модель речевого жанра. Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Гос. УНЦ «Колледж». Вып. 1. С. 88–98.

264. Шмелева Т.В. (б/д). Медиалингвистика как медийное речеведение. Медиатекст как полиинтенциональная система: сборник статей, Санкт-Петербург, 07–08 декабря 2011 года. Ответственные редакторы: Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. С. 56–61.

265. Шмелева Т.В. (2023a). От главного редактора. Verba, 4(9). С. 25–40.

266. Шмелева Т.В. (2023b). Комикс-культура как прецедентный мир русского рэпа. Verba, 4(9). С. 25–40.

267. Шмелева Т.В. (б/д). Медийное речеведение: сборник статей https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394527055_0816.pdf (дата доступа: 11.05.2024).

268. Шмелева Т.В. (2011). «Москва, люблю тебя безмэрно»: вспышка паронимии в медиаречи. Слово.ру: Балтийский акцент, 2(3–4). С. 95–104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17882716> (дата обращения: 03.07.2024).

269. Яковлева Е.С. (1996). К описанию русской языковой картины мира. Русский язык за рубежом, 1–3. С. 47–56.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.
2. Encyclopædia Britannica. URL: <https://www.britannica.com>.
3. Hirsch, E. D. Joseph F. Kett and James Trefil (2002). The New Dictionary of Cultural Literacy (3rd ed.). Houghton Mifflin.

4. News On the Web. URL: <https://www.english-corpora.org/now/>.
5. Большой Российский Энциклопедический Словарь. (2003). М.: Большая Российская энциклопедия.
6. Душенко К.В. (2017). Настольный словарь цитат. URL: https://royallib.com/read/dushenko_konstantin/nastolnii_slovar_tsitat/.
7. Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/>.
8. Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/>.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.
10. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. (2002). М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та.
11. Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: <https://royallib.com/>.
12. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. (2003). Сост.: В. Серов. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/wing-words/index.htm/>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МЕДИАТЕКСТОВ

1. BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/>.
2. Lib.ru: Классика. URL: <http://az.lib.ru/>.
3. The Economist. URL: <https://www.economist.com/>.
4. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international/>.
5. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/>.
6. Известия. URL: <https://iz.ru/>.
7. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/>.
8. Культура РФ. URL: <https://www.culture.ru/>.
9. Московский Комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/>.
- 10.РБК. URL: <https://www.rbc.ru/>.
- 11.РИА Новости. URL: <https://ria.ru/>.
- 12.Российское агентство правовой и судебной информации. URL: <https://rapsinews.ru/>